Даниэль Дефо

Жизнь и пиратские приключения славного капитана Сингльтона

***

Великие люди, чьи жизни замечательны и деяния требуют передачи потомству, обычно много рассказывают о своем происхождении, дают подробные отчеты о своих семьях и об историях своих предков, и я, чтобы быть точным, также последую их примеру, хоть родословная моя очень короткая, как вы сами сейчас увидите.

Если верить женщине, которую я привык называть матерью, то меня, маленького мальчика двух примерно лет и очень хорошо одетого, чудесным летним вечером нянька вынесла однажды на поле к Ислингтону 1, чтобы, как она говорила, ребенок подышал свежим воздухом; ее сопровождала соседка, двенадцати или четырнадцатилетняя девочка. Нянька - по условию или случайно - встретилась с парнем, вероятно, своим возлюбленным; он увел ее в кабачок угостить пивом да пирожным; а покуда они забавлялись внутри, девочка держала меня на руках и прогуливалась в саду и у дверей, то на виду, то отходя подальше, ничего не подозревая дурного.

Тут подошла женщина, которая, видно, занималась воровством детей. Такое дьявольское занятие было тогда не редкостью: воровали хорошо одетых маленьких детей, или же детей побольше, для продажи на плантации.

Женщина взяла меня на руки и стала целовать и играть со мной. Она увела девочку довольно далеко от дома и рассказала целую историю, попросила ее пойти сказать няньке, где и с кем ребенок; что знатной даме понравился ребенок, и она с ним играет и целует его; что бояться нечего, что они здесь недалеко. Когда же девочка ушла, то она меня утащила.

Затем меня продали нищенке, которой нужен был хорошенький ребенок, а потом цыганке, у которой я и был лет до шести. Хотя с этой женщиной и таскался я из одного конца страны в другой, но не нуждался ни в чем и звал ее матерью; она же сообщила мне, что она мне не мать, а купила меня за двенадцать шиллингов у другой женщины, которая рассказала, где достала меня, и сообщила ей мое имя: Боб Синглыпон.

Добрая моя мать, цыганка, наверное, потом за какие-нибудь художества попала на виселицу; так как я в то время был слишком мал, чтобы нищенствовать, то приход (какой - я этого не помню) взял меня на свое попечение. У меня осталось в памяти, как я ходил в приходскую школу и как благочинный убеждал меня быть хорошим мальчиком; что хотя, мол, я и бедный мальчик, но, если я буду знать катехизис 2 и служить Богу, то могу сделаться хорошим человеком.

Думаю, что я часто кочевал из города в город, так как приходы спорили о том, где было последнее местопребывание моей предполагаемой матери. Последний город, где я жил, находился недалеко от моря. Там я понравился одному корабельщику, который отвез меня в местечко недалеко от Саутгэмптона. Это был, как я потом узнал, Бэсльтон; там помогал я плотникам и всякому люду, строившему для него корабль. А потом, хотя мне не было и двенадцати лет, он увез меня с собой в путешествие на Ньюфаундленд. 3

Жилось мне неплохо, хозяину я полюбился так, что он называл меня своим мальчиком; я бы называл его отцом, да он запретил, потому что у него были собственные дети. Я совершил с ним три или четыре поездки и стал рослым и дюжим юнцом, но однажды, при возвращении с ньюфаундлендских отмелей, мы попались алжирскому 4 разбойничьему военному кораблю. Если не ошибаюсь, это случилось в 1695 году, но точно не помню, так как журнала я, понятно, не вел.

Хозяина моего турки прикончили, меня же пощадили, только избили беспощадно палками по пяткам, да так, что я несколько дней не мог ни ходить, ни стоять.

Но счастье улыбнулось мне. Ведя на буксире 5 призом 6 наше судно, турецкий 7 корсар 8 на пути к Гибралтару 9, в виду Кадикского 10 залива, встретил два больших португальских 11 военных корабля, был захвачен и

отведен в Лиссабон. 12

Я не понимал, какие последствия могло иметь мое пленение, и поэтому не очень обрадовался освобождению. Да настоящим освобождением для меня оно и не было, так как я голодал в чужой стране, где я не знал никого и не мог ни слова сказать на тамошнем языке. Когда же всех наших отпустили, куда кто хочет, я, так как мне идти было некуда, оставался еще несколько дней на корабле, покуда не заметил меня один из офицеров и не осведомился, что делает здесь этот английский щенок и почему его до сих пор не согнали на берег.

Я догадался, о чем он говорит, и испугался, так как не знал, чем я буду добывать себе пропитание. Тогда корабельный лоцман 13, старый моряк, говоривший на ломаном английском языке, забрал меня с собой. Прожил я с ним около двух лет, покуда он не покончил своих дел и не поступил старшим лоцманом, или рулевым начальником, к дону Гариса де Пиментесиа де Карраваллььяс, капитану португальского галлеона 14 или каррака 15, направляющегося в Гоа 16, в Ост-Индию 17. Получивши назначение, он взял меня на судно, чтобы я следил за его каютой, которую он нагрузил настойками, наливками, сахаром, пряностями и другими запасами для услаждения в пути, а, кроме того, порядочным количеством европейского товара: тонким кружевом, полотном, бязью, шерстяной тканью и тому подобным, под видом собственной одежды.

Я слишком мало смыслил в деле, чтобы вести путевой журнал, хотя мой хозяин - для португальца он понимал дело хорошо - уговаривал меня заняться этим. Но мне мешало мое незнание португальского языка; по крайней мере, так я оправдывался. Впрочем, скоро я стал заглядывать в его карты и записи. И так как писал я неплохо, знал немного латынь, то скоро стал разбираться в португальском языке и получил поверхностные познания в навигационном деле 18, недостаточные, впрочем, для такой полной приключений жизни, как моя. В общем, в плавании с португальцами я научился кое-чему, главным же образом научился быть бродячим вором и плохим моряком; а смею сказать, что во всем мире для обоих этих дел не сыскать учителей лучше португальцев.

Но по пословице: с волками жить - по-волчьи выть - я приспосабливался к ним, как мог. Хозяин мой разрешил, чтобы я прислуживал капитану. Так как за мою работу капитан положил хозяину полмойдора 19 в месяц и

занес в корабельные книги, я и ожидал, что в Индии, когда заплатят жалованье за четыре месяца, мой хозяин даст что-нибудь и мне.

Но он, видно, решил иначе. Когда я в Гоа, где уплатили жалованье, заговорил с ним об этом, то он разъярился, назвал меня английской собакой, молодым еретиком и пообещал выдать инквизиции 20.

Тогда я решил бежать от него, но это было невозможно, потому что в порту не было ни одного европейского судна, а только два или три персидских корабля из Ормуза 21, так что, убеги я от него, он захватил бы меня на берегу и силой привел бы на борт; приходилось терпеть до поры, до времени. Но он так плохо обращался со мной, так бил и мучил меня за каждый пустяк, что, словом, мне стало невмоготу.

Жестокое обращение и невозможность бежать заставили меня придумывать всякого рода злодейства, и, наконец, убедившись в бесплодности этого, я решил убить его. С этой дьявольской мыслью я проводил ночи и дни, стараясь привести ее в исполнение. Но я не мог совершить убийства, так как у меня не было ни пистолета, ни сабли; думал я и о яде, но не знал, где достать его; а если бы и знал, то не сумел бы спросить на чужом языке.

Об обратном плавании я ничего рассказать не могу, так как журнала я не вел. Помню, что у мыса Доброй Надежды 22 мы были остановлены яростной бурей с западо-западо-юга 23, шестеро суток гнавшей нас на восток, покуда через несколько дней мы не бросили, наконец, якоря у берегов Мадагаскара 24.

Тут среди экипажа вспыхнул бунт 25 из-за какой-то нехватки в пайке, и дошло до того, что мятежники угрожали высадить капитана на берег и увести корабль назад, в Гоа. Я от всего сердца желал этого, потому что был озлоблен. Хотя я был еще, по их словам, мальчиком, но я разжигал мятеж, как мог, и так открыто примкнул к нему, что еле избежал повешения, ибо капитан заметил, что кто-то из шайки решил убить его. И вот, действуя подкупом и обещаниями, а также угрозами и пытками, он склонил двух парней к откровенности и, выпытывая у них имена, хватал людей. Так как один выдавал другого, то в кандалы попало не менее шестнадцати человек, в том числе и я.

Капитан, разъяренный опасностью, решил очистить корабль от своих врагов, судил нас, и мы были приговорены к смерти. Я был слишком молод, чтобы разобрать, как шел суд. Но судовой комиссар 26 и один из пушкарей были повешены немедленно, и я ожидал того же и для остальных. Впрочем, я не особенно этим огорчался.

Однако капитан ограничился казнью двоих, а остальных, ввиду их просьб и обещаний исправиться, помиловал, но некоторых, в том числе и меня, приказал высадить на берег 27 и там оставить.

Был я парень молодой, всего лет семнадцати или восемнадцати. Однако, узнавши, что мне предстоит, я не растерялся и спросил, что сказал на это мой хозяин, и услышал, что он пустил в ход все свое влияние, чтобы спасти меня, а капитан отвечал, что предоставляет на его усмотрение, сойти ли мне на берег, или же оставаться на судне и быть повешенным. Тогда я оставил всякую надежду на помилование. Я не очень был благодарен хозяину за его просьбы обо мне, зная, что он заботится не обо мне, а о себе самом, желая сохранить мое жалованье, около шести долларов 28 в месяц, включая и те деньги, что капитан положил за мое прислуживание лично ему.

Узнав, что мой хозяин так добр наружно, я спросил, нельзя ли мне с ним поговорить; мне сказали, что можно, если он сойдет ко мне, но мне нельзя пройти к нему; тогда я попросил сказать хозяину, чтобы он пришел ко мне, и он пришел. Я упал перед ним на колени и просил прощения за все проступки; чуть было уже не сознался в намерении убить его, но благоразумно воздержался от этого. Он сказал, что старался добиться прощения у капитана, но неудачно, и мне остается покориться судьбе; если же ему у мыса Доброй Надежды придется встретиться с каким-нибудь португальским кораблем, то он попросит капитана того корабля подобрать нас.

Тогда я попросил отдать мне мою одежду. Он сказал, что боится, что она принесет мне мало пользы, так как не знает, как проживем мы на острове: он слыхал, что обитатели его - каннибалы, или людоеды (хотя это утверждение было безосновательно), и что нам среди них не выжить. Я отвечал, что боюсь не этого, а голодной смерти; а что до каннибалов, то скорей мы их съедим, чем они нас, только бы нам до них добраться, Но меня удручает, - сказал я, - что оружия у нас нет и нечем защищаться, и я

прошу дать нам мушкет 29, саблю, пороха и пуль.

Он улыбнулся и сказал, что это не поможет, так как вряд ли мы уцелеем среди многочисленного дикого племени, населяющего остров. Я ему ответил, что он хоть тем облегчит нашу участь, что нас убьют и съедят не сразу, и очень просил дать мушкет. Наконец он сказал, что не знает, позволит ли ему капитан дать мне мушкет, а без разрешения он не смеет, но обещал постараться получить это разрешение; он добился его и на следующий день прислал для меня мушкет и припасы к нему, но сказал, что капитан не позволит выдать нам их, покуда нас не высадят на берег и не начнут ставить паруса. Он прислал мне также мою одежду.

Два дня спустя нас высадили на берег; остальные мои товарищи, услышавши, что я получил мушкет, порох и пули, попросили себе того же. Просьба их была уважена, и нас оставили на берегу на произвол судьбы.

Судно провело еще недели две в тех краях, исправляя повреждения после последней бури и набирая топливо и воду; и все это время лодка часто ходила на берег, привозя нам всякую еду, и туземцы, думая, что мы - люди с корабля, вели себя мирно. Жили мы на берегу в шалаше, который сложили из ветвей, а на ночь уходили в ближайший лес, чтобы туземцы думали, что мы на корабле. Скоро мы обнаружили, что они свирепы и коварны и сдерживаются лишь из страха, и мы боялись, что, как только корабль уйдет, мы попадемся им в руки.

Мысль об этом доводила товарищей моих по несчастью чуть не до помешательства; и один из них, плотник, в припадке безумия, ночью подплыл к кораблю, стоявшему в лиге 30 от берега, и так жалобно молил, чтобы его взяли на борт, что капитан наконец разрешил подобрать его, после того, как пловец промаялся три часа в воде.

Как только его доставили на палубу, он стал просить капитана и остальных офицеров за нас, оставшихся на берегу, но до последнего дня капитан был неумолим. Когда же, наконец, стали готовиться к подъему парусов и был отдан приказ поднять шлюпку на палубу, все моряки явились на шканцы 31, где гулял капитан с несколькими офицерами, и боцман32 вышел вперед и, упавши на колени перед капитаном, попросил подобрать всех четырех, предлагая либо возложить на него ответственность за их поведение, либо держать их в цепях до Лиссабона и

там выдать правосудию, но только не оставлять их на верную смерть. Капитан не обращал внимания на моряков, приказал арестовать боцмана и пригрозил поставить его за такие речи к кабестану 33.

Тогда один из моряков, посмелее остальных, все еще сохраняя должное почтение к капитану, попросил у его чести - так он назвал капитана - разрешить желающим сойти на берег и умереть с товарищами или, если возможно, помочь им сопротивляться дикарям. Капитан, не успокоенный, но еще более разозленный этим, подошел к перилам шканцев и сдержанно обратился к команде (если бы он говорил грубо, то корабль покинуло бы две трети команды, а может быть, и весь экипаж). Он сказал, что поступил так сурово не столько для своей, сколько для их безопасности; что мятеж на борту судна - то же, что измена во дворце, и, будучи ответственен перед своими хозяевами, он не может допустить ко вверенным ему судну и грузу людей, питавших гнусные замыслы; что он сам желал бы высадить их на берегу там, где они подвергались бы меньшей опасности от дикарей; что он мог бы, если бы хотел, казнить их на берегу, как двух первых; что хотел бы выдать их гражданскому суду или покинуть среди христиан, но все же лучше подвергнуть опасности их, нежели все судно, и что он не примет их на борт, хотя бы остался на корабле один.

Речь была настолько хорошо сказана, так последовательна, горяча и заканчивалась таким решительным отказом, что на время удовлетворила большинство экипажа. Все же моряки не успокаивались несколько часов, - сходились по несколько человек и перешептывались; под вечер ветер упал, и капитан распорядился не поднимать якоря до утра.

В ту же ночь двадцать три человека, в том числе младший пушкарь, лекарский помощник и два плотника, заявили, что они пойдут умирать с товарищами; что в подобных условиях меньшего сделать нельзя; что единственный способ спасти их жизнь - в том, чтобы увеличить их число, так, чтобы они могли обороняться от дикарей до тех пор, покуда не смогут возвратиться на родину.

Согласно с этим за час до рассвета все двадцать три, захвативши по мушкету, по тесаку, по несколько пистолетов, три алебарды 34 и добрый запас пороха и пуль, но без съестных припасов, кроме полусотни хлебов, зато со всем своим добром: сундуками и одеждой, орудиями, инструментами, книгами и так далее, погрузились в лодку так тихо, что

капитан заметил это лишь тогда, когда они были на полдороге от берега.

Итак, у нас составился порядочный отряд в двадцать семь хорошо вооруженных человек. У нас было все, кроме съестных припасов. Среди нас было два плотника и пушкарь и, что важнее всего, лекарь или врач, который состоял лекарским помощником в Гоа и причислен был на судне сверхштатным. Плотники захватили с собой все свои орудия, лекарь - все свои инструменты и лекарства, и у нас оказалось много поклажи, хотя у многих не было ничего, кроме одежды, как, например, у меня.

Так как нас, как я сказал, было достаточно для того, чтобы защищаться, то мы сразу же дали друг другу клятву не расставаться ни при каких обстоятельствах, но жить и умереть вместе; делить все съестное поровну; подчиняться во всем решениям большинства; избрать капитана и повиноваться ему под угрозой смерти, однако капитан не должен предпринимать ничего без решения большинства.

Выработавши эти правила, мы решили раздобыть пищи и устроить доставку ее туземцами.

Оказалось, что они не очень заботятся или волнуются о нас. Они даже не попытались проверить, здесь ли мы или уехали с судном, которое утром, после того, как мы вернули баркас, взяло курс на юго-восток и через четыре часа скрылось из виду.

На следующий день двое пошли в одном направлении осматривать местность, а двое в другом. Мы скоро узнали, что местность приятная и плодородная, и, в общем, здесь можно хорошо жить; только населяют ее какие-то почти не похожие на людей существа, с которыми нельзя войти ни в какие сношения.

Мы обнаружили, что местность богата скотом, но не знали, можно ли им воспользоваться. И хотя нам очень нужна была еда, но никто не хотел накликать на нас целое племя чертей, и потому некоторые решили попытаться, если удастся, сговориться с туземцами, чтобы выяснить, как с ними держаться. Выслали одиннадцать хорошо вооруженных человек. Они сообщили, что встретили туземцев, которые держались предупредительно, но робко и испуганно, увидавши мушкеты; так что нам стало ясно, что туземцы знают, что такое мушкеты и зачем они служат.

Наши знаками попросили пищи, и туземцы принесли травы, коренья и молоко; но очевидно было, что они хотят продать, а не отдать, и знаками спрашивают, что наши дадут в обмен.

Это поставило наших в тупик, потому что выменивать им было не на что. Один из наших вытащил нож и показал им, и те обрадовались так, что готовы были перегрызться из-за ножа. Моряк, видя это, решил продать нож подороже; они долгое время торговались, одни предлагали кореньев, другие - молока; наконец один предложил козу, на что моряк согласился. Тогда другой моряк показал им нож, но за него никто ничего не мог предложить, и, наконец, один из них объяснил знаками, что кое-что принесет. Наши ожидали три часа, покуда те не вернулись обратно, ведя с собой низкорослую, толстую, жирную и вкусную корову, которую отдали ему за нож.

Обмен был выгодный, но, к несчастью, товара у нас не было. Ведь ножи были нам нужны так же, как и им, и наши люди не расстались бы со своими ножами, не будь у нас такой крайности с пищей.

Как бы то ни было, вскоре мы обнаружили, что леса полны дичи, которую мы можем убивать, не ссорясь с туземцами. Мы целыми днями ходили на охоту и всегда приносили что-нибудь с собой. Обмениваться же с туземцами нам было нечем. А на бывшие у нас деньги мы долго не просуществовали бы. Мы созвали общий совет, подсчитали и сложили вместе все наши деньги.

Но и деньги принесли нам мало пользы, потому что племя не знало ни цены их, ни назначения и не умело сравнивать золото с серебром. Так что все наши деньги, которых и в общей сложности было немного, были бесполезны, то есть не годились на то, чтобы купить съестного.

Мы не знали, как и куда уйти из этого проклятого места; совещание порешило, что раз с нами два плотника с полным набором инструментов, то мы должны постараться соорудить лодку и отправиться в Гоа или высадиться в каком-нибудь более подходящем месте.

Разговоры на той сходке были малозначительны, но явились как бы введением ко многим более замечательным приключениям, происшедшим в тех краях под моим руководством много лет спустя, поэтому полагаю,

что не лишенным занимательности будет этот прообраз моих грядущих предприятий.

Я не возражал против постройки лодки, и мы немедленно взялись за работу. Но сразу же возникли большие затруднения; не было пил, чтобы выпиливать доски; гвоздей, болтов и скоб, чтобы скреплять части; дегтя, вара и смолы, чтобы крепить и смазывать швы и тому подобное. Наконец один из нас предложил, вместо того, чтобы строить барк 35, или шлюп 36, или шалуп 37, что трудно, сделать большую пирогу 38, или каноэ 39, что очень легко.

На это возражали, что нам никогда не удастся сделать достаточно большое каноэ для переезда через океан; что идти нам нужно к Малабарскому 40 побережью; что каноэ не только не перенесет морского перехода, но и груза не выдержит. Ведь нас двадцать семь человек, поклажи много, да еще придется взять съестные припасы.

Я на сходках обычно не говорил, но на этот раз, видя, что они не знают, какое судно лучше построить и как строить его, и что нам годится, я заявил, что они все заблуждаются. До Гоа на Малабарском побережье в каноэ не доплыть, так как каноэ хоть и вместит нас всех и вынесет морской переход, но не подымет наших запасов, особенно воды. Пускаться на такое приключение - значит идти на верную смерть. И все же я стоял за каноэ.

Они отвечали, что все, мною сказанное, и так ясно, но им непонятно, чего я добиваюсь, говоря сперва о том, как опасно плыть в каноэ, а потом, советуя строить его.

На это я отвечал, что дело наше вовсе не в том, чтобы совершить в каноэ все путешествие. Ведь на море не одно наше судно, а на берегах живут племена, хотя и дикие, но в чем-нибудь выходят же они в море. А потому наше дело - плыть вдоль острова и захватить первое судно, которое только окажется лучше нашего, а потом - следующее. И так, авось, мы доберемся до хорошего корабля, который доставит нас куда угодно.

- Прекрасный совет! - говорит один.

- Превосходный совет! - говорит другой.

- Да, да, - говорит третий (это был пушкарь), - английский пес дал

прекрасный совет, но это прямой путь на виселицу. Негодяй дал нам чертовский совет заниматься воровством, покуда от маленького суденышка мы не доберемся до большого корабля, и так мы сделаемся заправскими пиратами 41, конец которым виселица.

- Называй нас пиратами, если хочешь, - говорит другой, - и, конечно, если мы попадем в дурные руки, с нами и расправятся, как с пиратами. Но мне наплевать. Я буду пиратом, да и чем угодно. Ей-богу, лучше повиснуть, как пирату, чем подыхать здесь с голоду. Я считаю, что совет правильный.

И все закричали:

- Давай каноэ!

Пушкарь подчинился большинству. Но когда совещание окончилось, он подошел ко мне, взял за руку, поглядел серьезно на ладонь, на лицо 42 и заговорил:

- Парень, ты рожден, чтобы натворить гору бед. Рано ты начинаешь пиратствовать. Но берегись виселицы, молодой человек. Берегись виселицы, говорю, потому что ты станешь выдающимся вором.

Я рассмеялся и ответил, что не знаю, кем стану, но пока положение наше такое, что я без зазрения совести заграбастаю первое попавшееся судно, лишь бы выбраться на свободу. Только бы попалось судно и только бы добраться до него. Во время этого разговора один из наших, стоявших у дверей хижины, услыхал, как плотник крикнул с холма в отдалении: “Парус! Парус!”

Мы тут же все выбежали. Но хотя даль и была ясная, мы не увидели ничего. Однако плотник продолжал кричать нам: “Парус! Парус!” Мы выбежали на холм и оттуда отчетливо увидали корабль. Только он находился на очень далеком расстоянии, слишком далеком, чтобы мы могли подать сигнал. Как бы то ни было, мы развели на холме костер, навалили дров, сколько удалось собрать, и дымили, что только было возможности. Ветер спал, и было почти тихо. Тем временем пушкарь увидал в подзорную трубу, что корабль, распустивши паруса под норд-остом, не обращая внимания на наш сигнал, повернул к мысу Доброй Надежды, так что утешения в том корабле для нас не было.

И потому мы немедленно принялись делать наше каноэ. Выбрав большое дерево, какое нам понравилось, мы принялись за него. В нашем распоряжении было три добрых топора, с помощью которых нам удалось свалить его, правда, после четырехдневной непрерывной работы. Я не помню теперь, какой породы было это дерево, и каких размеров, но помню, что было оно огромное, и что, когда мы спустили его на воду и оно поплыло ровно, не переворачиваясь, мы обрадовались, как не радовались бы, пожалуй, если бы получили настоящий военный корабль.

Каноэ оказалось таким большим, что легко подняло нас всех и могло бы вынести еще две-три тонны груза. Мы стали даже раздумывать о том, не идти ли морем прямо на Гоа, но нам пришлось отказаться от этого намерения по многим причинам. Так, нам не хватило бы съестных припасов и не было бочек для свежей воды; не имели мы и компаса, а также необходимого прикрытия на случай непогоды или чрезмерного солнца и тому подобное. Таким образом, все охотно согласились с моим предложением покрейсировать поблизости и посмотреть, что из этого выйдет.

Итак, чтобы потешиться, мы однажды все вместе вышли в море в нашем каноэ и чуть было не погибли совсем. Мы прошли не более полулиги от берега, как вдруг поднялось изрядное волнение, - хотя и без большого ветра, - и наше каноэ так закачалось, что мы были уверены, что оно перевернется. Мы дружно принялись гнать его к берегу. Постепенно оно пошло ровнее, и после немногих хлопот нам удалось причалить его.

Так оказались мы в весьма бедственном положении. Правда, туземцы относились к нам довольно хорошо и часто приходили побеседовать с нами.

Один из наших, то ли точильщик, то ли токарь, спросил раз плотника, нет ли у него напильника.

- Есть, - отвечает плотник, - только маленький.

- Чем меньше, тем лучше, - говорит тот.

Тут же он берется за работу: на огне кует кусок старого сломанного долота, а затем напильником делает себе нужные инструменты. Потом берет три или четыре монеты, молотом расплющивает их на камне и

выделывает из них фигуры птиц и зверей, цепочки для запястий и ожерелий и выдумывает еще многое другое, что и не перескажешь.

Недели две он занимался выделкой таких изделий, и тогда мы убедились в успешности его выдумки. Когда туземцы вновь явились к нам в гости, мы были поражены блажью этих простаков. За кусочек серебра в форме птицы они нам давали две коровы, и для нас было бы выгоднее делать вещь из меди, так как тогда она ценилась бы дороже. За одно только запястье цепочкой мы получили всякого добра столько, что в Англии это стоило бы верных пятнадцать или шестнадцать фунтов 43. Монета стоимостью в шесть пенсов, превращенная в безделушки и украшения, стоила во сто раз более своей настоящей ценности, и за нее мы получали все, что угодно.

Так прожили мы, примерно, год, но нам это так наскучило, что мы решили попытаться уехать, во что бы то ни стало. Мы устроили уже три добрых каноэ, и так как муссоны 44 (или торговые ветры) дуют в этих краях шесть месяцев в одном направлении, а другие шесть месяцев - в обратном, то мы решили, что сумеем сносно управиться на море. Но каждый раз, когда мы принимались за дело, нас останавливало то обстоятельство, что нам не хватит пресной воды, ибо путешествие предстояло продолжительное, и ни один человек не смог бы проделать его без питья.

Таким образом, раз благоразумнее было отказаться от мысли об этом путешествии, то нам оставалось еще два пути, а именно: либо пойти в обратном направлении, то есть на запад и добраться до мыса Доброй Надежды, где рано или поздно мы должны встретить португальские суда, либо же направиться к африканскому материку и затем или взять по суше, или же поплыть вдоль побережья до Красного моря 45, где рано или поздно встретили бы корабль той или иной национальности, который подобрал бы нас, или мы взяли бы его, - как все время думалось мне.

Это предложение внес наш изобретательный точильщик, которого мы прозвали “серебряных дел мастером”. Но пушкарь сказал, что он бывал уже на малабарской шлюпке в Красном море и знает, что, если мы попадем туда, нас либо убьют арабы, либо захватят и обратят в рабство турки. Потому он возражал против этого пути.

Тогда я воспользовался случаем, чтобы снова высказать свое мнение.

- На каком основании, - сказал я, - говорим мы о том, что нас убьют арабы или обратят в рабство турки? Разве сами мы не можем взять на абордаж 46 любое судно, какое только ходит в этих водах? Не они захватят нас, но мы их.

- Ловко, пират, - сказал пушкарь (тот, который смотрел на мою ладонь и предсказал мне, что я попаду на виселицу). - Но по совести, и мне кажется, что это единственное, что нам осталось.

- Нечего, - говорю, - толковать о пиратах. Мы и не только пиратами, а чем угодно станем, лишь бы убраться из этого проклятого места.

Словом, все решили, по моему совету, поехать на розыски.

- В таком случае, - обратился я к ним, - сперва мы должны узнать, знакомы ли с мореходством обитатели этого острова, и какие у них лодки. И если окажется, что лодки у них большие и лучше наших, - заберем их.

Понятно, больше всего мы хотели достать парусное палубное судно, - лишь тогда мы могли бы сберечь наши припасы.

К великому нашему счастью, один из наших оказался помощником повара. Он вызвался изобрести способ сохранить мясо без бочек и без засолки. И он добился своего, провяливши мясо на солнце в селитре, которой на острове оказалось премного. Таким образом, прежде, нежели нашли мы способ ехать, мы успели провялить мясо шести или семи коров и буйволов и десяти или двенадцати коз, и мясо это было так вкусно, что мы не давали себе даже труда варить его, а ели лишь провяленным. Однако главное затруднение - с пресной водой - оставалось, ибо не было у нас посудины даже для того, чтобы набрать ее, а не только, чтобы сохранить на время путешествия.

Но, так как наш путь намечался вокруг острова, мы решили пренебречь этим обстоятельством, каковы бы ни были вытекающие из этого опасности. И вот, чтобы запастись насколько возможно водою, наш плотник в самой середине каноэ сделал углубление, которое основательно заделал, чтобы там могла держаться вода. Углубление было так велико, что вмещало добрых шестьдесят галлонов 47 воды. Оно сильно напоминало углубление в английских рыбацких лодках, куда рыбаки складывают свой улов. Только в тех оставляют нарочно дыры, чтобы туда проникала

морская вода, а наше было, наоборот, крепко заделано. Думается мне, что то первая удачная выдумка по этой части. Но нужда, как известно, - мать изобретательности.

Теперь для того, чтобы окончательно пуститься в путь, требовалось еще немножко лишь поразмыслить. Первоначально мы решили только обойти остров и посмотреть, нельзя ли раздобыться каким-нибудь судном, в котором мы могли бы все разместиться, а не то воспользоваться какой-нибудь возможностью переправиться на материк. Поэтому мы решили поплыть вдоль внутренней или западной стороны острова, где в одном, по крайней мере, месте земля тянулась довольно значительно на юго-запад, и оттуда не так велико было расстояние до африканского побережья.

Мне кажется, никто никогда не переживал такого путешествия и с таким отчаявшимся экипажем. Ведь, вдобавок ко всему, мы плыли как раз вдоль того берега острова, где нельзя встретить ни одного европейского судна, так как морские пути проходят в стороне отсюда. Однако мы пустились в море, погрузивши все наши запасы и поклажу. На две большие пироги мы поставили по мачте, а третью вели на веслах, а когда затем поднялся ветер, мы взяли ее на буксир.

Мы, хорошо шли несколько дней, и ничто нам не мешало. Видели туземцев, удивших рыбу с челноков, и подчас пытались подойти к ним и сговориться, но каждый раз они пугались нас и поспешно удалялись к берегу. Наконец один из наших вспомнил знак дружественного приветствия, с которым обращались к нам обитатели южной части острова, а именно - подымали длинный шест, и высказал предположение, что, быть может, для них это обозначает то же, что белый флаг для нас. Мы решили испытать это. Итак, как только мы увидели рыбачьи лодки в море, мы подняли шест в каноэ без мачты и загребли к ним. Люди в лодках, увидавши шест, остановились, и, когда мы приблизились, сами загребли нам навстречу. Подойдя вплотную, они показали, что очень рады нам, и подарили какие-то большие рыбы; как они назывались, мы не знали, но были они очень вкусны. К несчастью, мы ничего не могли дать им взамен, но наш изобретатель, о котором я уже говорил, дал им две тоненькие, вычеканенные из серебряного осьмерика 48 пластинки. Были они вычеканены четырехугольником, точно бубновая масть, с длиною больше ширины и в одном из длинных углов была просверлена дырка. Пластинка так понравилась туземцам, что они заставили нас дожидаться, покуда они

вновь не вытащат сетей и лесок, и тогда надавали нам рыбы до отказа.

Все это время мы разглядывали их лодки, соображая, не пригодятся ли они для наших целей. Но лодки были жалкие, с парусами из больших циновок 49, и только один, из какой-то хлопчатой ткани, более или менее годился; а веревки были скручены из непрочных водорослей. Итак, мы решили, что наши лодки лучше, и оставили туземцев в покое. Мы двинулись прямо к северу, держась двенадцать дней вдоль берега, и так как ветер был с востока и с севера, то шли мы хорошо. На берегу мы не замечали городов, но часто видели на скалах, поднимавшихся над водой, по несколько хижин, и возле них народ, который сбегался поглядеть на нас.

Это было самое странное путешествие на свете. Мы составляли маленькую эскадру в три лодки и армию в двадцать семь опаснейших людей, когда-либо встречавшихся в тех краях. Знай туземцы, кто мы такие, они отдали бы все, что угодно, лишь бы избавиться от нас.

С другой стороны, однако, мы были так несчастны, как только могли это сделать обстоятельства, в которые мы попали. Ведь находились мы в пути, и, в сущности, без всякого пути, шли к какой-то цели, или вернее - ни к какой цели; как будто и знали, что собираемся делать, но по существу не знали, что делаем. Мы шли все вперед, держа курс на север, и по мере нашего продвижения жара усиливалась и становилась непереносимой, особенно для нас, находившихся на воде без всякого прикрытия от жары или дождя. К тому же находились мы в южном полушарии в октябре 50 или около того и с каждым днем приближались к солнцу 51, а солнце приближалось к нам, покуда не остановилось на широте 52 в двадцать градусов. А так как пять-шесть дней назад мы перешли тропик 53, то еще через несколько дней солнце окажется в зените 54, над самыми нашими головами.

Принимая все это во внимание, мы решили отыскать на берегу подходящее место, где могли бы разбить палатки и выждать, покуда спадет жара. К этому времени мы уже оставили позади половину острова, и подошли к той части его, где берег заворачивал к северо-западу, обещая сократить переход к Африке намного больше, чем мы рассчитывали. Но, несмотря на это, мы имели достаточно оснований предполагать, что расстояние это все же около ста двадцати лиг.

Итак, мы решили причалить из-за жары; к тому же припасы наши истощились, оставалось их всего на несколько дней. Приставши рано поутру к берегу, - как мы поступали обычно раз в три-четыре дня, - чтобы возобновить запасы воды, мы уселись и принялись обсуждать, продолжать ли нам путь, или продлить нашу стоянку здесь. Но по многим соображениям, которые было бы долго пересказывать сейчас, мы места этого не одобрили и решили на несколько еще дней пуститься в дальнейший путь.

Проплывши дней шесть на северо-северо-запад под добрым ветром с юго-востока, мы заметили на значительном расстоянии большой мыс 55, или выступ земли, выдававшийся далеко в море. И, так как всем нам очень хотелось узнать, что находится за мысом, мы порешили не становиться на якорь, покуда не обогнем мыса. Мы продолжали путь при попутном ветре, но и то лишь через четыре дня достигли, наконец, мыса. Невозможно выразить отчаяние и печаль, охватившие нас, когда мы добрались туда; ибо, обогнувши оконечность мыса, мы неожиданно увидели, что по ту сторону берег отступает так же резко, как выдается по эту сторону. Короче говоря, решись мы двинуться через море к Африке, мы должны были бы пуститься в путь отсюда, ибо, чем дальше, тем все больше расширялось море, и какой достигло бы оно ширины, - нам было неизвестно.

Покуда мы размышляли над этим новым обстоятельством, нас захватила ужасная гроза: яростный ливень, гром и молния, совершенно непривычные и страшные для нас. В такой беде мчимся мы к берегу и, ставши ветром у самого мыса, заводим наши фрегаты 56 в бухту, где, как мы заметили, земля была густо покрыта деревьями. Сами же поторопились устроиться как-нибудь на берегу, так как были мы совершенно мокры и истомлены жарой, громом, молнией, и дождем.

Тут же считали мы положение наше поистине бедственным, и потому наш изобретатель, о котором я столько говорил, водрузил на холме, отстоявшем на милю от конца мыса, огромный деревянный крест со следующими словами на португальском языке:

”Мыс Отчаяние. Христос, смилуйся!”

Мы начали строить шалаши и сушить одежду. Сноситься с туземцами нам было необходимо, и искусный наш токарь вырезал уйму серебряных

ромбов, которые мы выменивали у чернокожих на то, в чем нуждались. Они приходили в восторг от этих безделушек, и, таким образом, в нашем распоряжении было сколько угодно провизии. В первую же очередь добыли мы около пятидесяти голов крупного скота и коз, и наш повар постарался провялить их и высушить, засолить и прибавить к нашему основному запасу. Сделать это было не трудно, так как соль и селитра были хороши, а солнце - отменно жарко. И тут мы прожили около четырех месяцев.

Южное солнцестояние прошло, и солнце пошло к равноденствию, когда мы стали обдумывать следующее наше предприятие: добраться морем до Зангебара 57, как называют его португальцы, и высадиться, если удастся, на африканском материке.

Об этом мы говорили со многими туземцами, но все, что могли узнать, сводилось к тому, что за морем великая страна львов, и путь туда долог. Мы не хуже их знали, что путь действительно далек, но о протяжении все же много спорили. Одни считали, что в нем четыреста лиг, другие - что не более ста. Один из нас показал нам на карте, которую он хранил при себе, что туда не более восьмидесяти лиг. Одни говорили, что весь путь усеян островами, к которым можно приставать; другие - что никаких островов нет 58. Что до меня, я ничего не смыслил в этом деле и слушал без интереса. Как бы то ни было, от слепого старика, которого сопровождал мальчик-поводырь, мы узнали, что, если мы дождемся августа, ветер будет благоприятен, и море тихо во все время перехода.

Это нас несколько подбодрило. Но выжидать нам было не по сердцу, потому что к тому времени солнце должно было снова повернуть на юг, что не нравилось нашим. Наконец мы созвали общую сходку. Споры на ней были слишком скучны, чтобы передавать их. Нужно только заметить, что когда дошло до капитана Боба (так называли меня с тех пор, как я стал одним из вожаков), то я не стал ни на чью сторону.

- Я ломаного гроша не дам, - заявил я, - ни за то, чтобы отправиться, ни за то, чтобы остаться. У меня нет дома, и все места на свете для меня одинаковы.

Так я предоставил им решать дело самим. Словом, всем стало ясно, что делать нечего, раз у нас нет судна. Если цель наша - есть да пить, - лучшего

места во всем свете не найти. Если же наша цель - выбраться отсюда и попасть на родину, то не найти худшего места.

Признаюсь, мне местность очень полюбилась, и тогда уже захотелось мне поселиться здесь в будущем. Не раз говаривал я своим друзьям, что, будь у меня двадцатипушечный корабль 59, да шлюп, да добрые экипажи на них обоих, я бы не выбрал на всем свете лучшего места, чтобы разбогатеть по-королевски.

Но вернемся к нашему совещанию о том, куда двинуться. В общем, порешили отважиться на переезд к материку. Мы и отважились, да сдуру, потому что выбрали самое худшее время года для подобного переезда: так как ветры там с сентября по март дуют на восток, а вторую половину года на запад, и тогда дули они нам прямо в лоб. Так и оказалось, что, пройдя под береговым ветром лиг этак пятнадцать-двадцать, то есть, смею сказать, достаточно для того, чтобы погибнуть, мы попали под ветер с моря, дувший с запада, юго-запада-запада или юго-запада через запад и более от запада не отклонявшийся. Словом, мы ничего не могли с ним поделать.

Суда, которыми мы располагали, не могли идти против ветра. Годись они для лавирования 60, мы могли бы отклониться на северо-северо-запад и, как мы впоследствии обнаружили, встретить по пути много островов.

Однако как мы не пытались идти против ветра, нам это не удалось, а один раз мы чуть не погибли, и вот каким образом: держа курс к северу, возможно ближе к ветру, мы позабыли об очертаниях и местоположении острова Мадагаскара, равно как и о том, что мы уже успели отойти от мыса, расположенного приблизительно в середине острова и выдававшегося далеко в море. А теперь, когда нас отогнало лиг этак на сорок к северу, берег острова находился от нас более чем в двухстах милях к востоку, и мы оказались в открытом океане, между островом и материком, лигах в ста от обоих.

Правда, как выше было сказано, ветер с запада дул ровно, и море было гладко, и мы решили, что лучше всего пойти по ветру. Поэтому, взявши меньшее каноэ на буксир, мы повернули к берегу, поставивши по возможности все паруса. Предприятие это было отчаянное; ведь налети малейший порыв ветра, мы все погибли бы, так как наши каноэ сидели глубоко и не могли двигаться по неспокойному морю.

Как бы то ни было, путешествие это продолжалось всего одиннадцать дней, и, наконец, израсходовавши большую часть провианта и всю припасенную воду до капли, мы, к великой нашей радости, завидели землю, правда, в десяти или одиннадцати лигах. Нас встретил береговой ветер, дувший нам в лоб еще двое суток на исключительной жаре, без капли воды и только с небольшим количеством спиртного, оказавшимся у одного из нас в ящике с бутылками.

Это приключение живописало нам то, что могло бы случиться, если бы мы пустились в путь при слабом ветре и плохой погоде, и отбило у нас окончательно охоту переправляться на материк, покуда мы не обзавелись лучшими судами. Поэтому мы снова высадились на берег, и, как прежде, разбили становище, возможно лучше укрепивши его против возможных нападений. Но здесь туземцы оказались исключительно вежливыми и значительно более радушными, чем обитатели юга острова. И хотя ни мы не могли понять их, ни они нас, нам все же удалось втолковать им, что мы мореходы и чужестранцы и нуждаемся в съестных припасах.

Первым доказательством их доброты было то обстоятельство, что, как только они увидели, что мы высадились на берег и принялись строить себе жилище, один из их предводителей, или царьков (мы не знали, как называть его), явился с пятью или шестью мужчинами и несколькими женщинами и привел с собою пять коз и двух жирных бычков, которых и отдал нам даром. А когда мы предложили им что-то взамен, предводитель, или царек, запретил прикасаться к чему бы то ни было или брать что-нибудь у нас. Часа два спустя явился другой царек, или предводитель, и с ним сорок или пятьдесят человек. Мы испугались было их и взялись за оружие. Он же, заметивши это, приказал двум людям выйти вперед, возможно выше подымая в руках два длинных шеста, - мы быстро признали это за знак мира. Эти два шеста они потом стоймя воткнули в землю, и царек и все его люди, подойдя к шестам, воткнули свои копья в землю и стали подходить без оружия, так как оставили вместе с копьями свои луки и стрелы.

Это было сделано для того, чтобы убедить нас, что они явились к нам как друзья, чем мы были весьма обрадованы, потому что нам не хотелось ссориться, если только можно было избежать этого. Предводитель отряда увидал, что наши строят себе хижины и справляются с этой работой неуклюже; тогда он подал знак своим людям помочь нам. Немедленно

человек пятнадцать или шестнадцать подошли и смешались с нашими, принявшись работать за нас. И, право же, они были лучшими работниками, нежели мы, ибо в одно мгновение соорудили для нас три или четыре хижины, которые к тому же были много красивее наших.

Затем они надавали нам молока, плодов и уйму превкусных кореньев и зелени и затем ушли, не взявши у нас ничего. Один из наших поднес царьку, или предводителю, чарочку, которую тот выпил, весьма одобрил и попросил еще; мы дали ему еще. Словом, после этого он являлся к нам не менее двух, а то и трех раз на неделе, и всегда что-нибудь да приносил с собой. А раз прислал даже семь голов черного скота, часть которого мы провялили вышеописанным способом.

Здесь я непременно должен упомянуть об одном обстоятельстве, которое впоследствии принесло нам немалую пользу. Дело в том, что мясо коз и коров, но особенно коз, будучи провялено, становилось красным на вид и жестким, как голландская сушеная говядина. Туземцам оно так нравилось, что сходило за лакомство, и они охотно выменивали его у нас, не зная и даже не подозревая, что это такое. Так за десять-двадцать фунтов 61 копченой говядины они давали нам целого быка или корову, или вообще то, что мы захотим.

Здесь мы заметили нечто, что показалось нам не только странным, но и важным для нас. Во-первых, мы обнаружили, что у них много глиняных изделий, и пользуются туземцы ими не хуже нашего; у них в ходу длинные, высокие глиняные горшки, которые они зарывают в землю, и хранящаяся в них питьевая вода остается свежей и приятной на вкус. А во-вторых - что каноэ у них больше, нежели у их соседей.

Тогда мы поторопились узнать, нет ли у них судов еще больше, чем те, которые мы видели, или нет ли таких у иных островитян. Они объяснили нам, что лодок больших, чем эти, у них нет, но на другой стороне острова имеются лодки побольше, - и с палубой и с большими парусами. И это заставило нас решиться обойти остров, чтобы увидеть лодки. Мы снарядились, запасшись съестными припасами для путешествия, и, словом, в третий раз вышли в море.

На это путешествие у нас ушел месяц, а то, пожалуй, и все шесть недель, при чем за это время мы не раз высаживались на берег в поисках за водой и

съестными припасами, и туземцы были щедры и вежливы по отношению к нам. Но вот однажды, ранним утром, мы удивились, когда один из наших - в то время мы были в самом конце северной части острова - закричал: “Парус! Парус!” Тут мы увидели вдалеке судно. Мы смотрели на него в подзорные трубы и изо всех сил старались разобрать, что оно собой представляет, но так-таки и не поняли; ибо то не был обычный парусник, ни кэч 62, ни галера 63, ни галиот 64, и вообще не походил ни на одно из виденных нами судов.

Словом, мы скоро потеряли его из виду, так как не в состоянии были гоняться за ним. Но, судя по тому, что мы успели заметить, и по тому, что мы видели потом, это было арабское судно, ведшее торговлю с Мозамбикским побережьем 65 или Занзибаром, с теми местами, куда мы отправились впоследствии, как вы услышите.

Я не вел дневника нашего путешествия, да и вообще в то время понимал в мореходстве не более того, что требуется от рядового моряка. Поэтому не буду говорить ни о широте и долготе тех мест, в которых мы побывали, ни о том, какое расстояние мы проходили и сколько миль делали в день. Но помню я твердо, что, обогнувши остров, мы направились вдоль восточного побережья к югу, как шли к северу вдоль западного побережья.

Я не заметил, чтобы туземцы сильно разнились от тех, которых мы видели на другом берегу, цветом ли кожи, поведением ли, обычаями ли, вооружением ли, или чем иным. Они были на этой стороне берега так же добры и любезны с нами, как и те. А все же нам не удалось обнаружить каких-либо сношений между обоими побережьями.

Мы продолжали путешествие на юг много недель, хотя с частыми остановками, - когда сходили на берег за пищей и водой. Наконец, огибая выступ берега, выдававшегося на целую лигу больше, чем обычно, мы были приятно удивлены зрелищем, которое, несомненно, было столь же неприятно для тех, кто оказался участником его, сколько было приятно для нас. То был врак 66 европейского судна, выброшенного на скалы, которые в этом месте далеко выдавались в море.

Мы ясно видели, что во время отлива большая часть корабля подымается высоко над водою. Но даже и в приливы не весь корабль покрывался водой. К тому же он был расположен меньше, чем в лиге от берега. Легко

поверить, что любопытство заставило нас, - благо тому и ветер и погода благоприятствовали, - подойти вплотную к кораблю. Сделали мы это без всякого труда и обнаружили, что корабль голландской стройки и находится в этом состоянии, видимо, не очень давно, раз большая часть его кормовых сооружений 67 оставалась еще крепка, и бизань 68 осталась на месте. Корма была зажата между двумя скалами и потому уцелела, а вся передняя часть судна разбита в куски.

Во враке не нашли мы ничего такого, что могло бы нам пригодиться. Но мы решили высадиться на берег и пробыть в этих краях некоторое время, с тем, чтобы постараться разузнать, что, собственно, произошло с кораблем. Надеялись мы также узнать какие-нибудь подробности об экипаже, а может быть, даже и найти на берегу кого-нибудь с корабля и тем увеличить наш отряд.

Сойдя на берег, увидели мы весьма приятное зрелище - все следы и признаки корабельной плотницкой. Там были спусковые полозья и люльки, подмостки и обшивные доски, и обрезки досок, - остатки, свидетельствующие о постройке судна. Словом, уйма вещей, явно приглашающих нас проделать то же самое. Мы вскоре поняли, что экипаж погибшего судна спасся и, переправившись, очевидно, в лодке на берег, построил себе барку или шлюп и вновь вышел в море. Мы узнавали у туземцев, каким путем отправился экипаж, и они указывали на юг и юго-запад, из чего мы легко заключили, что экипаж ушел к мысу Доброй Надежды.

Никто не вообразит, что мы были настолько тупы, чтобы не сделать тут же вывода, что сами можем спастись тем же способом. Так решили мы сперва попытаться соорудить какое-нибудь судно и затем выйти в море, а там будь, что будет.

Согласно с этим решением мы сразу же поручили нашим плотникам осмотреть оставленный голландцами строительный материал и выяснить, что из него может пригодиться нам. Среди прочего материала обнаружили они одну вещь, которая весьма пригодилась нам, и к которой я был приставлен. То был котел, в котором осталось немного смолы.

Когда мы взялись за работу вплотную, оказалось, что она и хлопотлива и трудна, так как инструментов у нас было немного, железных же изделий,

оснастки и парусов не было совсем. То есть, попросту говоря, для того, чтобы что-нибудь построить, мы должны были стать одновременно кузнецами, канатчиками, парусниками и вообще заняться десятком ремесел, о которых мы знали мало или не знали вообще ничего. Как бы то ни было, нужда - мать изобретательности, и мы сделали многое такое, что прежде считали неосуществимым в наших условиях.

Наши плотники, сговорившись о размерах судна, которое они будут строить, погнали нас всех на работу: послали в лодках расщепить врак и привезти все, что удастся, а в особенности постараться привезти бизань, которая оставалась в своем гнезде. Мы - нас было четырнадцать человек - это выполнили с огромными трудностями после более чем двадцатидневной работы.

В то же время мы повыдергали много железных поделок, как-то: болтов, скрепов, гвоздей и так далее, из которых наш изобретатель, о котором я уже говорил и который теперь стал весьма умелым кузнецом, понаделал нам гвоздей и петель для руля и скрепы нужной величины.

Но нам необходим был якорь; но будь даже у нас якорь, мы не смогли бы сделать канат. Таким образом, нам пришлось удовлетвориться тем, что при помощи туземцев мы свили несколько веревок из того же, из чего они плетут циновки, а из веревок сделали нечто вроде каната или швартова для того, чтобы привязывать корабль к берегу. Этим на время пришлось удовлетвориться.

Коротко говоря, мы провели здесь четыре месяца и работали, не покладая рук. По истечении этого времени мы спустили на воду наш фрегат, который, хотя и был с недостатками, все же, если учесть условия, при которых строили его, оказался, в общем, не плох.

Корабль наш представлял собою нечто вроде шлюпа, водоизмещением около восемнадцати или двадцати тонн 69. И будь у нас мачты и паруса, стоячий и бегучий такелаж 70, как полагается в таких случаях, и все прочее, - корабль доставил бы нас куда только нашей душе было бы угодно. Но основная беда заключалась в том именно, что не было у нас смолы или дегтя для того, чтобы пройти швы и укрепить киль. Правда, мы делали, что могли, и из топленого сала и растительного масла намешали что-то взамен смолы, но эта смесь не вполне могла удовлетворить нас. И

судно, когда мы спустили его на воду, оказалось таким утлым и так быстро набирало воду, что мы решили, что вся наша работа пойдет насмарку, так как поддерживать корабль на воде стоило слишком много хлопот. А насосов у нас не было, и сделать их было тоже не из чего.

Но, наконец, один из туземцев, черный негр, показал нам дерево 71, которое на огне выделяло липкий сок, вязкий, как деготь. Сок этот мы варили, и он вполне заменил нам смолу, а больше нам ничего не требовалось. Теперь наш корабль оказался прочен и крепок, так что ни деготь, ни смола нам более не были нужны. Знание этого дерева не раз впоследствии помогало мне в тех местах.

Достроивши, таким образом, корабль, мы из бизани врака соорудили изрядную мачту для корабля и прикрепили, как могли лучше, к ней свои паруса. Затем мы сделали руль и румпель 72 и, словом, все, что требовалось в первую очередь. Нагрузивши корабль съестными припасами и запасшись водою, насколько могли (бочек у нас все еще не было), мы при попутном ветре вышли в море.

В этих скитаниях и в этой работе мы провели еще год. Уже наступило, как говорили наши, начало февраля; солнце быстро уходило от нас, к нашему удовольствию, ибо жара стояла исключительно сильная. Ветер, как я сказал, все время благоприятствовал нам, ибо, как я узнал впоследствии, когда солнце уходит на север, ветры начинают дуть на восток.

Теперь мы стали спорить, какое нам выбрать направление, и никогда, казалось, люди не бывали столь нерешительными. Одни высказывались за то, чтобы идти на восток и прямо к малабарскому побережью. Но другие, лучше представлявшие себе продолжительность такого путешествия, только качали головами, прекрасно понимая, что ни наших съестных припасов, ни особенно запасов воды и, наконец, ни самого корабля не хватит, чтобы проделать такой конец. Ведь это около двух тысяч миль пути.

Эти стояли за то, чтобы двинуться на африканский материк, где, по их словам, можно добиться многого и наверняка разбогатеть, каким ни двинуться путем, стоит только выбраться оттуда - сушей ли, по морю ли.

А впрочем, при таком положении дел выбора у нас не было. К тому же

стояло неподходящее время года для путешествия на восток: пришлось бы дожидаться апреля, а то и мая для того, чтобы выйти в море. Под конец, так как ветер дул с юго-востока и юго-юго-востока, и погода стояла благоприятная, - мы все согласились с последним предложением и решили идти к африканскому побережью. О том, чтобы обогнуть остров, нам спорить не пришлось, так как мы находились на стороне, обращенной от Африки. Итак, мы направились на север и, обогнувши мыс, взяли курс на юг, идя с подветренной стороны острова и рассчитывая достичь западной оконечности, которая, как я уже говорил, выступает к Африке настолько, что сократила бы нам путешествие почти на сто лиг. Но, пройдя лиг тридцать, мы обнаружили, что ветры здесь переменные, и тогда мы решили держать курс прямо, ибо в таком случае мы имели бы ветер попутным, - ведь судно наше не очень-то могли идти под косым ветром или иначе, как только прямо по ветру.

Итак, решившись на это, мы пристали к берегу, чтобы снова запастись свежей водой и всем прочим, и, примерно, в самом конце марта, идя больше на авось, чем по расчету, пустились к африканскому побережью.

Что до меня, я ни о чем не тревожился. Мы поставили себе целью добраться до той или иной земли; но я не беспокоился, ни что это за земля, ни где она, ибо в то время не представлял себе своего будущего и мало задумывался над тем, что со мною вообще может случиться. Со всем, что предлагалось, - как бы ни было рискованно предложение и как бы ни был сомнителен успех, - я соглашался со свойственным моему возрасту легкомыслием.

Путешествие это, предпринятое от большого невежества и отчаяния, осуществлялось таким же путем - без излишнего расчета и размышления, ибо знали мы о курсе, который держали, лишь то, что направление его на запад, с колебаниями на два-три румба к северу или югу, да к тому же у нас не было и компаса, если не считать чисто случайно оказавшегося у одного из наших маленького медного карманного компаса, так что курс, как видите, мы держали не слишком точно.

Как бы то ни было, ветер дул ровно, с юго-востока и через восток, и в силу этого мы считали, что прямой курс на северо-запад через запад не хуже всякого другого, и шли им.

Путешествие оказалось гораздо продолжительнее, чем мы предполагали. К тому же и наш корабль, имевший явно недостаточные паруса, продвигался помаленьку и шел очень тяжело.

Естественно, что никаких происшествий не приключилось с нами в пути, так как мы оказались в стороне от чего бы то ни было занимательного. А что до встречных судов, то за все время путешествия нам не представлялось случая даже окликнуть кого бы то ни было, ибо мы не встретили ни одного, ни большого, ни малого судна, так как море, по которому мы шли, лежало вне торговых путей.

Дело в том, что население Мадагаскара знало об африканских берегах не больше нашего, - знало только, что там страна львов, как они говорят. С попутным ветром шли мы под парусами восемь или девять дней. Вдруг, к великой нашей радости, один из наших крикнул: “Земля!” Радоваться этому у нас были причины основательные, так как воды оставалось у нас в обрез, на два или три дня, и то при уменьшенном пайке. Хотя землю мы заметили рано поутру, достигли мы ее лишь с наступлением ночи, так как ветер упал почти до штиля 73, а корабль наш, как я сказал, был не особенно ходкий.

Мы жестоко огорчились, когда, подойдя к земле, увидели, что это не материк Африки, а какой-то остров, к тому же необитаемый 74; по крайней мере, мы обитателей на нем найти не могли. Скота на нем также не было, кроме нескольких коз, из которых мы убили только трех. Как бы то ни было, у нас оказалось свежее мясо, и к тому же мы нашли превосходную воду. Лишь пятнадцать дней спустя мы подошли к материку, причем подошли к нему, что очень существенно, как раз, когда наши припасы кончились. Собственно, припасы кончились еще раньше, так как последние два дня на человека приходилось лишь по пинте воды в сутки, но, к великой нашей радости, мы еще накануне вечером завидели землю на большом расстоянии и, идя всю ночь при попутном ветре, к утру оказались всего в двух лигах от берега. Без всяких размышлений высадились мы в том самом месте, к которому пристали, хотя, будь у нас немного больше терпения, мы нашли бы, несколько на север, прекрасную реку. Укрепивши в земле, подобно причальным столбам, два больших шеста, мы пришвартовали наш фрегат, и на сей раз наши слабые канаты, сделанные, как я уже сказал, из циновок, вполне исправно послужили нам.

Осмотревши немного окрестность, мы набрали свежей воды, запаслись съестным, которого здесь оказалось очень мало, и со всеми запасами вернулись на корабль. Все, добытое нами, сводилось к нескольким птицам и чему-то вроде дикого буйвола, весьма малорослого, но очень вкусного. Итак, погрузивши все это, мы решили двигаться вдоль берега, тянувшегося на северо-северо-восток, покуда не наткнемся на какой-нибудь залив или какую-нибудь реку, по которым нам удалось бы проникнуть в глубь страны, ближе к какому-нибудь селению и людям. У нас было достаточно причин считать, что местность населена, - мы не раз видали в различных сторонах, на довольно большом расстоянии, огни и дым.

Наконец мы вошли в большой залив, в который впадало несколько малых ручьев или речек. Смело поднялись мы по первой же из них; вскоре, заметивши на берегу хижины и возле них дикарей, мы отвели корабль в бухточку и подняли длинный шест с белой материей на нем в знак мира. Оказалось, что дикари прекрасно поняли нас; мужчины, женщины, и дети целой толпой сбежались к нам, при чем большинство из них ходило совершенно обнаженными. Сперва они стояли, глазея на нас и дивясь, точно мы какие-то чудовища, но вскоре мы обнаружили, что настроение их дружелюбно. Чтобы испытать их, мы приложили руку ко рту, точно пили что-то, давая понять, что нам нужна вода. Они немедленно поняли нас; три женщины и два мальчика побежали куда-то и вернулись, приблизительно, через полчетверти часа, неся глиняные, довольно красивые горшки, обожженные, должно быть, на солнце. Горшки эти были наполнены водою. Туземцы поставили эти горшки возле самого берега и отошли немного назад, чтобы мы могли свободно их взять, что мы и сделали.

Некоторое время спустя они принесли нам кореньев, трав и каких-то плодов и предложили нам это. Но когда выяснилось, что нам нечего им дать взамен, мы обнаружили, что они не так щедры, как обитатели Мадагаскара. Наш токарь взялся за работу и из остатков железа, вытащенного из врака, понаделал много безделушек: птиц, собачек, булавок, крючков и колец. Мы помогали нанизывать их на веревочки и шлифовали до блеска. Когда мы дали несколько таких вещиц туземцам, они взамен надавали нам много съестного, - коз, свиней и коров; и еды у нас оказалось вдоволь.

Итак, мы высадились на африканском материке, самом безотрадном, пустынном и неприветливом месте на свете, не исключая даже Гренландии

75 и Новой Земли 76, с той только разницей, что даже худшая часть этого материка оказалась населенной. Впрочем, если принять во внимание характер и свойство некоторых здешних обитателей, лучше, пожалуй, было бы для нас, если бы их не было вовсе.

Здесь именно приняли мы одно из самых поспешных, дичайших, одно из самых отчаянных решений, какое когда-либо принимал человек или группа людей. Решение это было - пересечь самое сердце страны, пройти сухим путем от мозамбикского побережья на востоке Африки до берегов Анголы 77 или Гвинеи 78 на западе, у Атлантического океана, то есть покрыть, по меньшей мере, тысячу восемьсот миль. В этом путешествии нам предстояло переносить неимоверную жару, пересекать непроходимые пустыни, не имея для поклажи ни повозок, ни верблюдов, ни вообще какой-либо вьючной скотины; встречаться с бесчисленными количествами таких диких и хищных животных, как львы, леопарды, тигры 79, крокодилы и слоны. Нам предстояло проходить по линии равноденствия; мы, следовательно, находились в самом центре палящей зоны. Нам предстояло встречаться с дикими племенами, чрезвычайно свирепыми и жестокими, бороться с голодом и жаждой, - словом, предстояло столько ужасов, что они могли бы отбить охоту у храбрейших сердец.

Однако, не страшась всего этого, мы решили отважиться и сделать для нашего путешествия все те приготовления, какие только позволяла эта местность и повелевала наша осведомленность в ней.

Уже некоторое время, как мы привыкли босиком ступать по скалам, булыжнику и щебню, по траве и прибрежному песку. Но так как нам предстояло ужасное путешествие по сухому выжженному песку в глубь страны, то мы запасались подобием башмаков. Делали мы эти башмаки из высушенных на солнце шкур диких зверей, оборачивая шкуры волосами внутрь: шкуры просыхали на солнце, и подметки оказывались толстыми и крепкими, и их хватало надолго. В общем, мы понаделали себе, как я это назвал, - и думаю, что название подходящее, - перчатки для ног, и они оказались вполне соответствующими назначению и удобными.

С туземцами, которые были достаточно дружелюбны, мы поддерживали сношения. Я не знаю, на каком языке они разговаривали. Поскольку они могли понимать нас, мы говорили с ними не только о наших припасах, но и о задуманном предприятии; мы расспрашивали, какие края лежат на нашем

пути, указывая при этом на запад. Туземцы мало что годного сообщили нам; но после их рассказов мы поняли, что таких ли, иных ли людей мы найдем повсюду; что встретим много больших рек, много львов, тигров, слонов и свирепых диких кошек (это были, как потом оказалось, цибетовые кошки 80).

Мы интересовались также, не ходил ли кто-нибудь в том направлении. Они ответили, что кто-то уже направлялся туда, где солнце ложится спать (подразумевая под этим запад), но кто - сказать не смогли. Мы предложили кому-нибудь из них повести нас, но они стали пожимать плечами, как это делают французы, когда боятся предпринять что-нибудь. При наших расспросах о львах и диких зверях они рассмеялись и сообщили прекрасный способ отделаться от них: нужно развести костер, это их отпугнет. Впоследствии, по проверке на деле, это подтвердилось.

Получивши эти подбадривающие сведения, мы пустились в путь. К этому понуждало нас много соображений. В сущности, будь предприятие само по себе осуществимо, мы подлежали бы значительно меньшему осуждению, чем кажется. Вот только некоторые из этих соображений.

Во-первых, у нас не было решительно никаких возможностей иным путем совершить наше освобождение; мы находились в таком месте африканского побережья, куда европейские корабли не заходят; так нам нечего было и думать о том, что нас освободят из этих краев, что нас подберут земляки. Во-вторых, если бы мы отправились вдоль мозамбикского побережья и безотрадных берегов Африки на север, до Красного моря, то единственное, на что мы могли надеяться, - это то, что нас там захватили бы арабы 81 и продали бы в рабство туркам 82. Это всем нам представлялось немногим лучше, чем смерть. Мы не могли также построить судна, которое перевезло бы нас через Великое Аравийское море 83 в Индию; не могли мы достичь и мыса Доброй Надежды, так как дули переменные ветры, а море в этих широтах слишком бурное. Но мы знали, что если нам удастся пересечь материк, то мы можем достичь какой-нибудь из больших рек, текущих в Атлантический океан; а на берегах такой реки мы можем построить себе каноэ, которые повезут нас по течению хотя бы и на тысячи миль. В этом случае нам не понадобится ничего, кроме пищи, а ее мы могли себе раздобывать при помощи мушкетов в достаточном количестве. Вдобавок, - размышляли мы, - помимо избавления, мы можем набрать столько золота, что оно, в случае

благополучного исхода, бесконечно вознаградит нас за все перенесенные тяготы.

Не могу сказать, чтобы я на наших совещаниях высказывался бы об основательности или достоинстве какого-нибудь предприятия, какое мы до сей поры зачинали. Мне казалось, что хороша моя прежняя точка зрения: двинуться к Аравийскому заливу или к устью Красного моря и там, дождавшись первого судна, - а их проходит много, - завладеть им силой. Мы, таким образом, не только обогатимся его грузом, но сможем на нем отправиться, куда только нам угодно будет. От разговоров же о пешем путешествии в две или три тысячи миль по пустыне, среди львов и тигров, у меня, признаюсь, кровь застыла, и я пустил в ход всевозможные доводы, чтобы разубедить товарищей.

Но они твердо решились, и разговоры были бесполезны. Итак, я подчинился, заявив, что не преступлю нашего основного закона - повиноваться большинству. Мы постановили отправиться в путь. Первым же делом мы произвели необходимые наблюдения, чтобы установить, где, собственно говоря, мы находимся. Наблюдения показали нам, что мы находимся на двенадцати градусах тридцати пяти минутах южной широты. Затем мы взялись за карты, чтобы отыскать тот берег, к которому стремились. Оказалось, что побережье Анголы простирается от восьмого до одиннадцатого градуса южной широты, а побережье Гвинеи и реки Нигер 84 от двенадцатого до двадцать девятого градуса северной широты.

Мы решили направиться к побережью Анголы, которое, судя по нашим картам, лежало почти на той же широте, на которой находились и мы; следовательно, нам нужно было идти прямо на запад. Будучи уверены, что встретим на пути реки, мы имели в виду с их помощью облегчить себе путешествие, особенно если удастся пересечь одно великое озеро или внутреннее море, которое туземцы называют Коальмукоа 85 и из которого, говорят, начинаются истоки Нила 86. Но расчет наш оказался не вполне правильным, как вы увидите из дальнейшего моего повествования.

Нам пришлось призадуматься над тем, каким образом нести свою поклажу, которую мы с самого начала решили не оставлять. Мы ни в коем случае не могли нести ее сами, так как одно лишь необходимое боевое снаряжение, от которого зависело не только наше пропитание, но и безопасность при нападении зверей и диких людей, являлось слишком

тяжелым грузом в такой жаркой стране, где и собственное тело окажется изрядным бременем для каждого.

Мы узнали, что здесь в окрестностях нет вьючных животных, то есть, нет ни лошадей или мулов, или ослов, ни верблюдов или дромадеров. Единственно пригодные для нас создания, - это буйволы, или домашние быки, вроде того, что мы убили. Эти буйволы были у туземцев настолько ручными, что слушались приказаний своих хозяев, приходили или уходили по одному только зову. Они были приучены носить грузы; на них туземцы переплывали реки и озера, так как эти животные плавали ровно и хорошо.

Но мы-то совершенно не знали, как управлять подобными созданиями, как взваливать на них грузы. Поэтому вопрос о поклаже оставался неразрешенным. В конце концов, я предложил способ, который после некоторого обсуждения был признан вполне подходящим. Способ этот был следующий: поссориться с несколькими туземцами, захватить человек десять или двенадцать в плен, превратить их в рабов и повести за собой в качестве носильщиков нашей поклажи. Этот способ, как я считал, был хорошим во многих отношениях: носильщики будут показывать нам дорогу и служить переводчиками при встречах с другими туземцами.

Мой совет был, правда, не сразу принят, но вскоре сами туземцы подали повод к тому, чтобы не только одобрить его, но и к тому, чтобы привести в исполнение. Дело в том, что малая наша торговля с туземцами основывалась на нашем доверии к первоначальной их добропорядочности. Но под конец мы натолкнулись на подлость с их стороны. Один из наших купил у них скот в обмен на безделушки, которые, как я говорил, выделывал наш токарь; в цене покупатель с продавцами разошелся, и те решили дело по-своему: забрали себе безделушки, угнали скот из-под самого носа, да еще насмеялись над ним. На это насилие наш громко закричал, зовя на помощь находившихся неподалеку товарищей; негр же, с которым он имел дело, запустил в него копьем, да так запустил, что, не отскочи наш товарищ с большой ловкостью в сторону, оно попало бы ему в самую грудь. Оно только поранило ему руку. На это же наш товарищ в ярости поднял фузею и застрелил негра на месте.

Остальные негры, как стоявшие возле убитого, так и находившиеся на расстоянии, были так перепуганы вспышкой огня, шумом и тем, что их сородич убит, что сперва на некоторое время застыли на месте обалдело и

растерянно. Но, когда они немного оправились от испуга, один, стоявший в изрядном от нас отдалении, внезапно издал резкий крик, очевидно, служивший у них условным боевым призывом. Остальные ответили на его зов и подбежали к нему. Мы же, не зная, что обозначает этот клич, стояли на месте, как дураки, и смотрели друг на друга.

Наше неведение скоро рассеялось. Прошло не более двух или трех минут, и мы услыхали, как этот призыв пронзительным ревом катится от одного места к другому, по всем туземным селениям, да даже и на другом берегу реки. Внезапно увидели мы толпу обнаженных людей, сбегавшихся отовсюду к тому месту, где раздался крик. Они бежали точно на условленное свидание. И менее чем в час их собралось, как мне кажется, около пятисот человек; некоторые были вооружены луками и стрелами, но большинство - копьями, которые они мечут на изрядное расстояние так ловко, что могут убить птицу на лету.

На размышления у нас оставалось весьма немного времени. Их толпа росла с каждым мгновением, и я твердо уверен, что, если бы мы долго оставались на месте, их в короткий срок набралось бы до десяти тысяч. Нам оставалось делать одно из двух: либо бежать к нашему кораблю или барку, где нам удобно будет защищаться, либо же перейти в наступление и посмотреть, чего нам удастся добиться посредством одного или двух мушкетных залпов.

Мы немедленно решились на последнее, рассчитывая на то, что огонь и ужас, наводимый стрельбою, в скором времени обратят туземцев в бегство. Потому, выстроившись в ряд, мы смело пошли им навстречу. Туземцы отважно ожидали нашего приближения, рассчитывая, как я полагаю, уничтожить нас своими копьями. Но мы, не дойдя к ним на бросок копья, остановились и, рассыпавшись на большом расстоянии друг от друга, чтобы возможно больше растянуть линию, стали приветствовать их пальбой. Последствием первого залпа было то, что, не считая неизвестного нам числа раненых, шестнадцать человек оказались убитыми на месте; кроме того, у троих ноги были так подбиты, что они свалились ярдах 87 в двадцати или тридцати от остальных.

Как только мы выстрелили, туземцы испустили отвратительный вой, подобного которому я никогда не слыхивал. Выли раненые, выли и те, которые оплакивали тела убитых. И я никогда, - ни прежде, ни потом, - не

слыхивал подобного.

Как вкопанные, остались мы на месте после залпа, перезаряжая наши мушкеты; и так как туземцы не сдвинулись с места, мы выстрелили снова. Вторым залпом мы убили человек, должно быть, девять. Но так как туземцы теперь стояли не такой плотной толпой, как прежде, мы стреляли не все сразу, но семерым нашим было приказано воздержаться от выстрелов и выйти вперед, покуда остальные выстрелят, чтобы те могли перезарядить мушкеты.

Давши второй залп, мы крикнули как можно громче; тогда семеро наших продвинулись вперед к туземцам ярдов на двадцать и выстрелили вновь. В это время находившиеся позади успели спешно перезарядить мушкеты и двинулись следом. Туземцы же, видя, что мы приближаемся, стали убегать прочь от нас со стенаниями, точно одержимые нечистой силой.

Подойдя к месту боя, мы увидали на земле большое количество тел. Убитых и раненых оказалось гораздо больше, чем мы предполагали, даже больше, чем мы выпустили пуль при залпах. Этого мы долго не могли понять. Но, в конце концов, разобрали в чем дело, а именно: туземцы были напуганы до потери сознания и, более того, даже многие из тех, что лежали мертвыми, были только испуганы насмерть, и даже не были ранены.

Некоторые из них, которые так, как сказал я, были запуганы, придя в себя, приблизились к нам и стали кланяться. Они принимали нас то ли за богов, то ли за дьяволов, - право, не знаю, да это нас и не занимало. Одни становились на колени, другие падали ниц, делая какие-то диковинные телодвижения и всем видом своим выражая глубочайшую покорность. Тут мне пришло в голову, что, согласно законам войны, мы можем набрать сколько нам угодно пленников и повести их с собой в путешествие в качестве носильщиков нашей поклажи. Как только я предложил это, все согласились со мною. Мы выбрали, примерно, шестьдесят дюжих молодцов и объяснили им, что они должны будут пойти за нами. Они, видимо, согласились на это очень охотно. Но перед нами стал другой вопрос: можем ли мы доверять им, так как здешнее население совершенно не похоже на мадагаскарцев, - оно свирепо, мстительно и коварно. Поэтому мы могли рассчитывать на их лишь рабское услужение, и их послушание будет продолжаться лишь до тех пор, покуда они будут чувствовать страх перед нами, и работать они будут лишь из-под палки.

Прежде чем продолжать рассказ, я должен сообщить читателю, что с этого времени я стал несколько более интересоваться своим положением и состоянием наших дел. Хотя все товарищи мои были старше меня, я обнаружил, что на дельный совет никто из них не способен; у них не хватало выдержки, когда доходило до выполнения какого-нибудь дела. Первым случаем, доказавшим мне это, была последняя их стычка с туземцами. Принявши уже решение наступать, они, видя, что после первого залпа негры не побежали (как того ожидали), настолько оробели, что, будь наш барк где-нибудь под рукою, они, я уверен, все до единого убежали бы.

Правда, среди них было два-три неутомимых человека, чьим мужеством и упорством держались все остальные. Естественно, что эти стали с самого начала вожаками. Это были пушкарь и токарь, которого я называю искусным изобретателем; а третий, - тоже парень неплохой, хотя и хуже первых двух, - один из плотников. Эти трое были душою всех остальных, и только благодаря им остальные во многих случаях проявляли решимость. Но с тех пор, как мне удалось повести за собой наших, растерявшихся в схватке, все трое дружески приняли меня и стали относиться ко мне с особенным почтением.

Пушкарь этот был превосходный математик, хорошо образованный человек и отменный моряк. После того, как мы с ним подружились, я выучился от него основам тех познаний, какими только я располагал в науках, полезных для мореходства и, особенно, по части географии.

Но вернемся к делу. Пушкарь, отметивший мои заслуги в битве и услыхавший о моем предложении удержать часть пленников для нашего путешествия, при всех обратился ко мне:

- Капитан Боб, я считаю, что вы должны стать нашим предводителем, ибо всем успехом предприятие обязано вам.

- Нет, нет, - сказал я, - не льстите мне. Нашим Seignior Capitanio 88, нашим генералом должны быть вы. Я слишком молод для этого.

Таким образом, все согласились на том, что он будет нашим предводителем. Но он не хотел принять это звание один и принуждал меня разделить его с ним. Так как все остальные согласились с пушкарем, я

вынужден был уступить.

Первая же обязанность, которую они возложили на меня, была такая, что труднее не придумаешь: мне поручили следить за пленными. Впрочем, за это дело я взялся, не унывая, в чем вы сейчас убедитесь. Но значительно важнее было обсудить вопросы, стоявшие на очереди: во-первых, каким путем двинуться, и, во-вторых, как запастись съестными припасами для путешествия.

Был среди пленных рослый, статный, красивый парень, к которому все остальные относились с глубоким почтением; он, как мы узнали впоследствии, был сыном одного из туземных царьков. Отец его, кажется, был убит первым нашим залпом, а сам он ранен одним выстрелом в руку, другим - в самую ляжку или бедро. Вторая пуля попала в мясистую часть, и рана сильно кровоточила, так что парень был полумертв от потери крови. А что до первой пули, она раздробила ему запястье, и обе эти раны сделали его никуда не годным, так что мы решились уж бросить его, предоставить ему умереть. Поступи мы так, он через несколько дней умер бы. Но, заметивши почтительное отношение к нему, я решил извлечь из него пользу, сделать его, скажем, чем-нибудь вроде начальника над остальными. Поэтому я поручил нашему лекарю осмотреть его, а сам постарался приласкать беднягу, то есть, сколько мог, знаками объяснил ему, что мы его вылечим.

Это снова внушило туземцам уважение к нам; они решили, что мы не только умеем убивать на расстоянии чем-то не видимым для них (а пуль они, понятно, не видели), но также умеем и вылечивать. Тогда молодой князек (так мы впоследствии называли его) подозвал к себе шесть или семь дикарей и что-то сказал им. О чем они говорили, мы не знали, но все семеро немедленно подошли ко мне, упали на колени, подняли руки и стали делать умоляющие знаки, указывая на место, где лежал один из убитых.

Прошло немало времени, прежде чем я или кто-нибудь из нас мог понять, в чем дело. Но вот один из них подбежал и поднял труп, показывая на рану в глазу: человек был убит пулей, прошедшей через глаз. Другой негр стал указывать на лекаря. Наконец мы поняли: они добивались того, чтобы мы исцелили также убитого нами князькова отца, сраженного пулей в голову, как сказано.

Мы поняли их, и не сказали, что не можем сделать это, но объяснили, что убиты те, которые первыми напали на нас и вызвали нас на бой. Этих людей мы ни в коем случае не оживим. Если другие поступят так же, мы убьем и их. Но если он, князек, пойдет с нами по доброй воле и будет поступать так, как мы ему прикажем, мы не дадим ему умереть и вылечим его руку. В ответ на это он приказал своим людям принести длинную палку или посох и положить ее на землю. Когда они принесли палку, мы увидели, что то была стрела. Он взял ее в левую руку (правая не действовала из-за раны), направил на солнце, затем, переломивши стрелу пополам, направил острие себе в грудь и дал его потом мне. Это обозначало, как я узнал впоследствии, клятву: пусть солнце, которому он поклоняется, убьет его стрелою, если он перестанет быть мне другом. Острие же стрелы, переданное мне, обозначало, что я являюсь тем человеком, в верности которому он поклялся. И ни один христианин никогда не был верен клятве так, как он, ибо много трудных месяцев служил он нам верой и правдой.

Я доставил его к лекарю. Тот немедленно перевязал рану в его бедре или ягодице и при этом обнаружил, что пуля не застряла, а, зацепивши только мясо, вышла наружу. Эта рана вскоре зажила, точно ничего и не бывало. Что же касается руки, оказалось, что одна из передних костей, соединяющих запястье с локтем, сломана. Эту кость он соединил, завязал в лубки, поместил руку в повязку, конец которой надел ему на шею, и знаками объяснил, что руку не нужно шевелить. Князек так исправно слушался, что сел и двигался лишь тогда, когда лекарь разрешал ему это.

Немалых трудов стоило мне объяснить негру, каково наше предприятие, и на что мы решили использовать людей князька. В частности, трудно было научить его пониманию нашей речи, в особенности словам, хотя бы таким, как “да” и “нет”, и тому, что они обозначают, и приучить его к нашим способам разговаривать. Он очень охотно и хорошо учился всему, чему я обучал его.

В первый же день он понял, что мы решили нести с собою наши съестные припасы. Он знаками объяснил, что это ни к чему, так как в продолжение сорока дней пути мы повсюду будем находить достаточно еды. Очень трудно нам было понять, когда он хотел выразить “сорок”, ибо цифр он не знал и заменял их какими-то словами, с которыми негры обращались друг к другу и понимали. Наконец один из негров, по его приказанию, разложил один за другим сорок камешков, чтобы показать

нам, в течение скольких дней пути у нас будет достаточно еды.

Тогда я показал ему нашу поклажу. Она была очень тяжела, в особенности же порох, пули, свинец, железо, плотничьи и мореходные инструменты, ящики с бутылками и прочий хлам. Кое-какие вещи он брал в руку, чтобы прикинуть вес, и покачивал головой. Я сказал нашим, что придется разложить вещи по небольшим узлам: так их легче будет нести. Так наши и поступили. Благодаря этому нам удалось оставить все наши ящики, которых было общим числом одиннадцать.

Затем князек знаками объяснил, что добудет нам буйволов, или бычков, как я называл их, для перевозки поклажи, и еще объяснил, что, если мы устанем, буйволы повезут и нас. Но это мы отклонили; мы удовольствовались вьючными животными, так как их, если на то пойдет, можно будет съесть, когда они перестанут служить нам.

Затем я доставил его к нашему барку и показал ему, что у нас еще есть. Он был поражен видом нашего барка, так как никогда прежде не видал ничего подобного; ведь их суда так жалки, что я хуже никогда не видывал: они без носа и без кормы, сшиты из козьих шкур, скреплены сушеными козьими и овечьими сухожилиями и по” крыты каким-то вязким составом, в роде древесной смолы и растительного масла с отвратительным, тошнотворным запахом. Передвигаются эти сооружения по воде отвратительно; хуже ни в какой части света не бывает; каноэ по сравнению с ними - первостепеннейшее сооружение.

Но вернемся к нашему кораблю. Мы доставили князька на борт, при этом помогли ему взобраться, так как он хромал. Мы знаками сообщили ему, что его люди должны нести наше имущество, и показали ему все, что у нас есть. Он ответил: “Si, Seignior”, или: “Да, сударь” (этому выражению и его значению мы уже обучили его) и, поднявши узел, показал нам, что, когда его рука поправится, он сам будет для нас носильщиком.

Я опять знаками объяснил ему, что он должен заставить своих подданных таскать вещи, и что ему мы не дадим таскать тяжести. Всех пленников мы согнали в одно место, перевязали их циновочными веревками и, натыкавши вокруг них шесты, сделали что-то вроде изгороди. Переправивши князька на берег, мы вместе с ним подошли к пленным и знаками приказали спросить, согласны ли они идти с нами в страну львов.

Он послушно произнес им длинную речь, из которой мы поняли, что, в случае согласия, они должны произнести: “Si, Seignior”. При этом он, должно быть, объяснил им, что это обозначает. Они немедленно же отвечали: “Si, Seignior” и, сложивши ладони, взглянули на солнце. Это, как объяснил нам князек, являлось клятвой в верности. Но как только клятва была дана, один из них обратился к князьку с длинной речью. По его диковинным телодвижениям мы поняли, что они чего-то просят у нас и чем-то очень озадачены. Я, как умел, спросил его, чего они хотят от нас. Князек знаками рассказал, что они просят нас сложить ладони и обратиться к солнцу (то есть поклясться), что мы не убьем их, будем давать им чиарук (хлеб), не будем мучить их голодом и не дадим львам пожрать их. Я сказал ему, что мы обещаем это. Указавши на солнце, он сложил ладони, знаками призывая меня сделать то же самое, что я и сделал. Тогда все пленные упали ниц и затем, поднявшись на ноги, стали испускать такие странные и дикие крики, какие мне никогда еще не приходилось слышать.

Когда с этой церемонией было покончено, мы занялись вопросом, где добыть пропитание как для нас самих, так и для наших пленников. Мы объяснили это князьку. Он знаками передал мне, что, если я отпущу одного из пленных в поселение, он принесет съестное и добудет вьючных животных для перевозки нашей поклажи. Я сомневался, верить ли ему. Видя, что я раздумываю, не сбежит ли посланный, князек знаками выразил совершеннейшую верность, собственными руками повязал вокруг своей шеи веревку и передал мне конец ее, давая понять, что я могу повесить его, если пленный не вернется. Тогда я согласился. Князек отдал посланному множество приказаний и отпустил его, указывая на солнечный свет, что, очевидно, должно было обозначать указание, в котором часу вернуться.

Парень пустился бежать, как бешеный, и не убавлял хода, покуда не скрылся из виду. Из этого я заключил, что ему предстоял немалый путь. На следующее утро, часа за два до назначенного времени, черный князек (так я всегда называл его) поманил меня рукой и, окликнувши на свой обычный лад, пригласил следовать за ним. Он указал мне на пригорок, милях в двух от нас, и я ясно различил небольшое стадо и при нем несколько человек. Это - знаками сообщил мне князек - посланный, несколько человек с ним и скот для нас.

Точно в назначенный час посланный приблизился к нашим хижинам, пригнавши с собой много коров, ягнят, около шестнадцати коз и четырех

бычков, которые были обучены носить грузы.

Таким образом, съестных припасов оказалось у нас достаточно. Что же до хлеба, то мы были вынуждены обходиться кореньями, которыми пользовались и прежде. Мы стали подумывать теперь об изготовлении больших мешков, вроде солдатских ранцев, чтобы неграм было в чем, да и удобнее, носить поклажу. Когда козы были зарезаны, я распорядился, чтобы их шкуры растянули на солнце, и в два дня они высохли как нельзя лучше. Нам удалось таким образом сделать нужные нам мешки, и мы принялись распределять по ним свою поклажу. Но когда черный князек узнал о назначении мешков и испробовал, насколько удобно нести в них на спине груз, он только улыбнулся и снова послал куда-то своего человека. Тот пришел еще с двумя туземцами и принес целый груз шкур, выделанных лучше, чем наши, и были то шкуры каких-то других зверей, так что мы даже не знали, как эти шкуры назвать.

Эти двое доставили черному князьку также и два копья, вроде тех, какие пускаются в ход при сражениях, но тоньше, чем обычные. Они были сделаны из гладкого черного дерева, красивого, как эбен 89, и заканчивались оконечностью зуба какого-то зверя - какого зверя, - мы не знали. Наконечник был прочно надет, а зуб, хотя и не толще моего большого пальца, был так крепок и так заострен, что я ничего подобного нигде на всем свете не видел.

Мы уже готовились пуститься в путь, когда князек явился ко мне и, указывая на все стороны света, знаками спросил, куда мы собираемся идти. Когда я показал ему, что путь наш к западу, он тут же сообщил, что несколько севернее есть большая река, по которой наш барк сможет пройти на много лиг прямо на запад. Я сразу же понял его и расспросил об устье реки. Оно, как я понял, находилось на расстоянии однодневного пути; в действительности же оно, по нашим расчетам, оказалось в семи лигах расстояния. Я считаю, что это и есть та большая река, которую наши картографы помещают на крайнем севере Мозамбика и которая называется Квиллоа 90.

Итак, посовещавшись, мы решили поместить князька на фрегате и, сколько удастся, напихать пленных туда же и двинуться вдоль берега к реке. А восемь из нас, в полном вооружении, отправятся берегом, чтобы на реке повстречаться с остальными. Дело в том, что князек вывел нас на

возвышенность, откуда мы ясно в одном месте увидали указанную им реку не далее, чем в шести милях.

Мне выпало идти по суше и быть начальником всего каравана 91. Со мной было восемь наших и тридцать семь пленных, но без поклажи, так как вся наша поклажа находилась еще на борту. Мы гнали с собой бычков; никогда не видал я скотины более кроткой, более охочей к работе и к носке тяжестей. Негры ездили на них, по четверо на одном, и бычки шли совершенно покорно. Они ели из наших рук, лизали нам ноги и были послушны, как собаки.

Мы гнали с собой шесть или семь коров для еды. Но наши негры ничего не знали о том, как сохранить мясо засолкой и вялением, покуда мы им не показали, как делать это. И тогда они охотно взялись за это занятие, насколько хватало соли, и охотно несли соль долгое время, когда выяснилось, что больше она нам не будет попадаться.

Нам, отправившимся берегом, переход к реке был легок, и добрались мы туда всего лишь в один день, так как расстояние, как было уже сказано, не превышало шести английских миль. Благодаря этому мы дошли до места на добрых пять дней раньше, чем пустившиеся по воде, так как тем мешал ветер, да и самый путь по реке, шедший вдоль большой извилины или загиба, равнялся, приблизительно, пятидесяти милям.

Свободное время мы потратили на то, чтобы привести в исполнение мысль, поданную теми двумя туземцами, которые принесли копья князьку, а именно, сделать из козьих шкур бутыли для свежей воды; как видно, туземцы предвидели, что нам придется испытать в ней нужду. И негры сделали это так ловко из принесенных ими шкур, что прежде, чем прибыло наше судно, у каждого была бутыль, вроде пузыря, для свежей воды. Эта бутыль надевалась через плечо на ремешке из шкуры, шириной дюйма в три, похожей на ремешок фузеи.

Наш князек, чтобы заверить нас в миролюбии его подданных во время перехода, приказал связать их по двое запястьями, подобно тому, как мы в Англии надеваем ручные кандалы на арестованных. Он настолько сумел убедить их в необходимости этого, что поручил четырем из них связать остальных. Но, заметивши, что пленные так тихи и, главным образом, так покорствуют ему, мы, отойдя немного от их родины, освободили их.

Впрочем, когда князек вновь оказался с ними, он опять связал их, и так, связанные, они шли довольно долго.

Местность на речном берегу была возвышенная, совершенно без болот и трясин. Вокруг была хорошая трава, всюду, куда мы ни шли или ни глядели, пасся скот. Правда, не было здесь деревьев, по крайней мере, поблизости от нас. Но в некотором отдалении мы видели прекрасные дубы, кедры и сосны, при чем некоторые из них были изрядной величины. Река шла широким открытым руслом, шириной, приблизительно, с Темзу 92 под Грэйвзендом 93, и как раз вошли мы в прилив, который нес нас около шестидесяти миль. Русло было глубоко, и воды оказалось вполне достаточно на долгий путь. Словом, мы бодро шли вверх по реке при попутном ветре, все еще дувшем с востока и с востоко-востоко-север. Легко преодолели мы также и отлив, особенно потому, что река была широка и глубока. Но, когда мы перевалили за черту прилива и нам пришлось иметь дело с обычным течением реки, мы убедились, что оно нам не под силу, и стали подумывать о том, чтобы бросить наш барк. Но князек ни за что не хотел соглашаться с этим. На судне был изрядный запас веревок, изготовленных, как я уже описывал, из циновок и водорослей; он и приказал всем находившимся на берегу пленным взяться за эти веревки и вести нас на буксире, идя берегом. И когда мы в помощь им подняли паруса, негры потащили нас с отменной быстротой.

Так река несла нас, по нашим подсчетам, около двухсот миль. Затем она стала быстро сужаться и достигла ширины Темзы в окрестностях Виндзора 94. И еще через день добрались мы до изрядно перепугавшего нас великого водопада или падунца. Вся масса воды, как мне кажется, падала разом с отвеса, примерно, в шестьдесят футов высоты, с таким шумом, что можно было от него оглохнуть. Мы слышали этот шум еще за десять миль до того, как добрались до водопада.

Здесь пришел конец пути. Теперь наши пленные впервые все вышли на берег. Поработали они очень много и охотно, сменяя друг друга; усталых сажали на барк. Будь у нас каноэ или лодки, мы могли бы в маленьких судах при помощи людской силы пройти еще двести миль вверх по реке. Наше же судно дальше идти не могло.

Окрестность все время была в зелени и приятна глазу и полна скотом, но людей мы видали очень мало. Теперь мы заметили, что местные люди

понимали наших пленных не лучше, чем нас. Очевидно, они принадлежали к различным народностям и языкам. До сих пор мы не видали хищных зверей, по крайней мере, поблизости, если не считать случая, произошедшего за два дня до достижения нами водопада. Тогда мы увидели трех чудеснейших леопардов; они стояли на самом берегу реки по северной стороне, в то время как все наши пленные находились по другую сторону. Пушкарь первый заметил хищников, побежал за мушкетом, забил в дуло лишнюю пулю сверх заряда 95 и подошел ко мне:

- Ну-с, капитан Боб, где ваш князек?

Я вызвал его.

- Ну, - сказал ему пушкарь, - передайте, чтобы ваши подданные не пугались. Они увидят, как эта штука у меня в руках заговорит огненным языком с одним из этих зверей и заставит его погибнуть.

Бедные негры, несмотря на все объяснения князька, глядели так, точно их сейчас убьют. Они только уставились глазами, ожидая, чем все это кончится. Внезапно пушкарь выстрелил. Будучи отменно метким стрелком, он двумя жеребейками угодил зверю в голову. Леопард же, почуявший ранение, взметнулся на задних лапах, прыгнул вверх и, растянувши широко в воздухе передние лапы, упал навзничь, ревя и содрогаясь, и немедленно издох. Остальные два, испуганные огнем и шумом, бежали и вмиг скрылись из виду.

Но испуганные леопарды и наполовину не так перетрусили, как наши пленные. Четверо или пятеро из них упали, словно подстреленные; многие попадали на колени, протягивая к нам руки, то ли молясь нам, то ли прося не убивать их, - не знаем. Мы сделали князьку знаки, чтобы он приободрил их, но привести их в разум удалось ему только после долгих хлопот. Да и сам князек, несмотря на то, что мы его подготовили, подскочил на месте, точно хотел прыгнуть в реку.

Увидевши, что хищник убит, я захотел заполучить его шкуру и знаками приказал князьку послать людей снять ее. Как только он произнес одно слово, четверых, добровольно вызвавшихся, отвязали; они тут же прыгнули в реку, переплыли ее и взялись за работу. Князек изготовил ножом, который мы подарили ему, четыре деревянных ножа так искусно,

что я в жизни подобных не видел. Меньше, чем через час, люди принесли мне шкуру леопарда. Она оказалась чудовищно большой: от ушей до хвоста в ней было около семи футов, да в спине, в ширину, - около пяти футов; пятна на ней были расположены чудесно. Шкуру этого леопарда я много лет спустя привез в Лондон.

Теперь, можно сказать, наше дальнейшее продвижение кончилось. Мы оставались без корабля; наш барк дальше не плыл и был слишком тяжел для переноски. Но так как речной поток продолжался еще на значительное расстояние, мы спросили наших плотников, нельзя ли разобрать барк и из его частей сделать три или четыре маленьких лодки, в которых можно будет продолжать путь. Плотники ответили, что это возможно, но что работа будет очень долгой, да к тому же у нас нет смолы или дегтя, которые необходимы, чтобы сделать лодки водонепроницаемыми, нет и гвоздей, которыми надо скрепить доски. Но один из плотников сказал, что как только доберется до какого-нибудь большого дерева, неподалеку от реки, то в срок, вчетверо меньший, он обещает сделать нам один или два каноэ, которые будут служить нам при всяких обстоятельствах не хуже, чем лодки. К тому же, если мы где-либо наткнемся на водопад, каноэ можно вытащить на берег и милю или две пронести посуху на плечах.

Таким образом, мы бросили всякие помыслы о нашем фрегате и, заведя его в одну бухточку или заливец, где в реку впадал небольшой ручей, оставили его там для первого пришедшего и двинулись дальше. Мы провели почти два дня за тем, что распределяли нашу поклажу и грузили ее на наших буйволов и негров. С порохом и пулями, о которых мы заботились больше всего, мы распорядились вот как: во-первых, мы рассыпали порох по кожаным мешочкам, то есть по мешкам, изготовленным из высушенных шкур, шерстью внутрь, чтобы порох не отсырел. Эти мешочки мы в свою очередь вложили в другие, из буйволовой шкуры, шерстью наружу, так что сырость никак не могла проникнуть внутрь. Это средство оказалось настолько хорошим, что в самые сильные ливни, под которые мы попадали - а некоторые из них были очень обильны и продолжительны - порох у нас всегда оставался сухим. Кроме этих мешочков, служивших нам главным запасом, мы каждому роздали еще по четверти фунта пороха и по полуфунту пуль для ношения на себе. А так как этого количества было достаточно для наших каждодневных потребностей, то мы не хотели в жару носить на себе больше тяжестей, чем необходимо.

Мы по-прежнему все время держались речного берега и поэтому имели мало сношений с жителями окрестностей. К тому же, так как барк наш был обильно нагружен съестными припасами, то нам не приходилось их пополнять. Но теперь, когда пришлось нам двинуться пешком, часто вынуждены мы бывали пускаться в поиски за продовольствием. Первым местом на реке, у которого мы задержались на некоторое время, было негритянское поселение, хижин в пятьдесят, с числом жителей человек в четыреста; они все высыпали из хижин и дивились на нас. Когда появились наши негры, местные обитатели стали хвататься за оружие, думая, что наступают враги. Но наши негры знаками (так как местного языка не знали) объяснили, что они безоружны, связаны по двое, что они сами взяты в плен и что за ними идут люди, которые явились с солнца 96, и могут, если захотят, перебить всех и затем снова оживить. Эти люди не причинят им вреда, а идут с миром. Понявши это, жители сложили копья, луки и стрелы, воткнули в землю двенадцать больших шестов в знак мира и поклонились нам, выражая покорность. Но, неожиданно увидевши белых бородатых людей, они в ужасе, с криками, убежали прочь.

Мы держались в отдалении, чтобы вид наш не стал им привычен, и появлялись не более чем по двое, по трое. Наши пленники объяснили туземцам, что нам требуются съестные припасы. Те пригнали нам несколько штук крупного скота, ибо у них в окрестности было множество коров, буйволов и оленей. Наш токарь, у которого имелся теперь большой запас собственных изделий, подарил им разные безделушки, серебряные и железные пластинки, вырезанные в виде ромбов и в виде колец; все это очень понравилось туземцам. Они принесли еще всякие неизвестные нам плоды и коренья, которые наши негры стали охотно есть. Увидевши, что негры едят это, мы последовали их примеру.

Набравши здесь столько мяса и кореньев, сколько можно было снести, мы разделили груз между неграми с таким расчетом, чтобы на человека приходилось от тридцати до сорока фунтов; это был, по нашему мнению, достаточный груз для передвижения по жаркой местности. И негры не протестовали против этого, но подчас они даже помогали друг другу, если замечали, что кто-нибудь из них начинал уставать. К тому же, главная часть нашей поклажи состояла из съестного, и потому с каждым днем убывала в весе, подобно эзоповой корзинке с хлебами 97, покуда мы не возобновляли запасов. Кстати, нагрузивши негров, мы развязали им руки, но зато связали их по двое, нога к ноге.

На третий день пути наш главный плотник остановил нас и заставил соорудить хижины. Он нашел несколько понравившихся ему деревьев и решил тут же построить каноэ. Мне объяснил он, что, после того, как мы покинем реку, нам будет предстоять достаточно много ходьбы, и потому он решил передвигаться пешком только в случае крайней необходимости.

Не успели мы распорядиться о постройке малого нашего становища и разрешить неграм сложить поклажу, как они сами уже принялись за постройку хижины. Хотя они и были связаны, но все же управлялись так ловко, что просто поразительно. Здесь мы дали части негров свободу, то есть совсем развязали их, имея залогом поруку, данную за их верность князьком. Одних мы приставили помогать плотникам, и они после нескольких указаний работали очень ловко; других мы послали выяснить, нет ли поблизости продовольствия. Трое из них вернулись, принеся вместо еды два лука со стрелами и пять копьев. Не легко было выяснить, откуда они это добыли. Только и удалось понять, что они в каких-то хижинах обнаружили негритянок (мужчин же не было), и в хижинах или домах нашли эти луки и копья; при этом женщины и дети убежали, завидевши наших негров, точно от разбойников. Мы очень разгневались на них и приказали князьку спросить, не убили ли они кого-нибудь из женщин и детей, при чем убедили их, что за это мы их тоже убьем. Но они утверждали, что невиновны, и мы их простили. Тогда они, по знаку их черного князька, подали нам луки, стрелы и копья. Мы же вернули им луки и стрелы, позволивши вновь отправиться поискать какой-нибудь дичи для еды. При этом мы разрешили им обороняться, а именно, если кто-нибудь нападет на них, выстрелит или захочет применить насилие, они в праве убить его. Но они не должны пытаться убить или ранить того, кто предложит им мир, или кто сложит оружие; не должны также ни при каких обстоятельствах трогать женщин и детей. Таков был наш воинский устав.

Не прошло трех-четырех часов с момента ухода этих трех парней, как один из них прибежал без лука и стрел, еще издали крича и зовя нас: “Окоамо! Окоамо!” - что, как видно, обозначало: “Помогите! Помогите!”

Остальные негры торопливо поднялись и по двое, как могли, побежали к товарищу узнать, в чем дело. Ни я, ни кто-нибудь из наших ничего не понимал. Князек глядел так, словно приключилось что-то недоброе, а часть наших взялась за оружие, чтобы на всякий случай быть наготове. Но негры вскоре догадались, в чем дело, - мы увидали, как четверо их тащат

большой груз мяса на спине. Оказалось, что вышедшие с луками и стрелами повстречали на равнине большое оленье стадо и изловчились убить трех оленей. Один из негров прибежал просить помощи, чтобы перенести добычу. Это была наша первая лесная добыча за весь путь, и мы досыта наелись. Тут впервые убедили мы князька поесть мяса, приготовленного по-нашему. После этого подданные последовали его примеру; до этого они ели мясо почти сырым.

Мы жалели уже, что не захватили с собой больше луков и стрел, когда имели возможность к тому. Мы стали так доверять нашим неграм и так привыкли к ним, что часто отпускали их, или большую их часть, несвязанными. Мы были уверены, что они нас не оставят, и что без нас они не сумеют разыскать нужное направление. Только одно дело мы решили не доверять им: заряжение мушкетов. Они по-прежнему думали, что в мушкете сидит небесная сила, которая посылает огонь и дым, производит ужасающий шум и убивает на расстоянии, - стоит нам только ей это приказать.

Приблизительно в восемь дней мы закончили сооружение трех каноэ. В них мы погрузили белых, поклажу и черного князька с несколькими пленными. Мы сочли полезным, чтобы несколько наших всегда находилось на берегу, не только для того, чтобы управлять неграми, но и для того, чтобы защищать их от врагов и хищных зверей. Во время этого перехода случилось множество мелких происшествий, описанием которых невозможно перегружать рассказ. В частности, мы теперь встречали больше хищных зверей, чем прежде; мы видели несколько слонов и двух или трех львов, - прежде мы их вовсе не встречали. Наши негры боялись их значительно больше, чем мы, главным образом потому, что у них не было ни луков со стрелами, ни копьев, - обычного их вооружения, владеть которым они обучаются с детства.

Но мы излечили их от страхов тем, что всегда были наготове с огнестрельным оружием. Правда, мы хотели беречь порох, и убивать этих зверей нам было ни к чему, так как их шкуры были слишком тяжелы для переноски, а мясо их в пищу не годилось; мы решили поэтому не заряжать мушкетов, а давать только холостые выстрелы. И стоило пороху вспыхнуть на полке, как хищники, даже львы, вздрагивали, завидевши вспышки, отбегали и немедленно оставляли нас в покое.

Здесь, в верхней части реки, мы прошли мимо многих населенных мест, и при этом через каждые почти десять миль мы подходили к новой народности. У каждой из них был свой язык, по крайней мере, сильно различающиеся наречия, так что друг друга туземцы не понимали. Во всех встречных селениях, особенно в прибрежных, было множество скота. А на восьмой день этого второго речного плавания мы наткнулись на негритянское поселение, обитатели которого выращивали какой-то злак, вроде риса 98, очень сладкий на вкус. Получивши его от туземцев, мы сделали превосходное тесто, развели костер и затем, когда он погас, испекли на углях из этого теста превосходные хлебы. Таким образом, с тех пор мы не нуждались решительно ни в чем.

Негры наши тянули каноэ на буксире, и мы подвигались хорошим ходом, по нашим подсчетам, не меньше, чем двадцать или двадцать пять английских миль в день. Река же все время была широка и достаточно глубока, но на десятый день мы наткнулись на другой водопад. Цепь высоких холмов перегораживала все речное русло, и вода ниспадала по скалам с одного яруса на другой странным образом, так что то была, в сущности, целая цепь водопадов, вроде непрерывной вереницы каскадов, только пороги здесь подчас отстояли на добрую четверть мили друг от друга, и шум был глухой, ужасающий.

Теперь, казалось, нашему речному передвижению пришел решительный конец. Но трое наших, вместе с двумя неграми, взобрались на холмы в сторонке, чтобы осмотреть речное русло, и обнаружили, что всего в полумиле хода русло реки превосходно и судоходно еще на изрядное расстояние. Мы все взялись за работу, выгрузили поклажу и вытащили все каноэ на берег, чтобы выяснить, удастся ли нам перенести их.

Испытание показало, что они очень тяжелы, но наши плотники, потратив на работу целый день, срубили с бортов каноэ столько дерева, что они оказались намного меньше, плавать же в них можно было не хуже, чем прежде. Когда работа была закончена, десять человек подняли одно каноэ на шесты и без всякого труда понесли его. Мы приставили к каждому каноэ по двадцать человек с тем, чтобы один десяток сменялся другим. Таким способом мы перенесли наши каноэ и снова спустили их на воду; затем перетащили поклажу и погрузили ее снова в каноэ; со всем этим мы управились в один день. И на следующий день рано поутру вновь двинулись в путь. После того, как мы прошли еще четыре дня на буксире,

пушкарь, бывший нашим лоцманом, стал замечать, что мы идем не совсем точно по выбранному нами направлению; что река несколько отклоняется на север; об этом он, как полагается, сообщил нам. Как бы то ни было, мы не могли лишаться преимуществ водного передвижения, по крайней мере, до тех пор, покуда мы к этому не оказались принуждены. Мы закачались дальше, и река понесла нас еще дюжин на пять миль. Но затем, пройдя устья многих впадавших в нее ручьев и речек, мы заметили, что она стала уменьшаться и мелеть. Под конец и сама она превратилась в ручей.

Все же мы двигались вверх по реке, покуда только лодки в состоянии были плыть. Мы шли так еще два дня, в общем же по последнему участку реки мы подымались около двенадцати дней, облегчив лодки тем, что вытащили из них всю поклажу, которую дали нести неграм. Самих же себя мы старались не утруждать, сколько это возможно. Но к концу этих двух дней воды в реке оказалось столько, что даже лондонский ялик 99 не мог бы в ней плыть.

Нам предстояло теперь сухопутное путешествие, без каких бы то ни было надежд на передвижение по воде. Единственная теперь наша забота о воде заключалась в том, чтобы обеспечить себе запасы для питья. Поэтому мы взбирались на вершину каждого встречного холма, чтобы осмотреть близлежащие местности и возможно лучше выбрать путь, который держался бы низменных мест и возможно ближе к водному потоку.

Вокруг по-прежнему простиралась зеленеющая окрестность, вся усеянная деревьями, обильно пересеченная реками и ручьями и довольно густо населенная. Так продолжалось в течение тридцати, примерно, дней после того, как мы оставили каноэ, и дела наши обстояли вполне хорошо. Мы не связывали себя определенным сроком отправления и отдыха, но располагали их так, как нам было удобно и как требовали того здоровье и благополучие наше и наших слуг.

Приблизительно на середине этого перехода мы вступили в низменную равнину, в которой оказалось больше обитателей, чем в какой-либо из пройденных нами местностей. Но, что было много хуже для нас, эти обитатели оказались свирепым, диким народом. Сначала они приняли нас за разбойников и собирались большими толпами, чтобы напасть на нас.

Наши негры сразу же испугались их и выказывали необычайный страх.

Даже черный князек оказался сильно расстроенным, но я улыбнулся и, указав на мушкеты, спросил, неужели он думает, что мы, убившие пятнистую кошку (так они на своем языке называют леопарда), не сможем в один прием убить тысячу этих голышей. Тогда он рассмеялся и ответил, что да, верит этому.

- В таком случае, - сказал я, - передайте вашим подданным, чтобы они не боялись этих людей. Мы скоро дадим им попробовать то, что приготовили для них, если только они захотят связываться с нами.

Но все же мы приняли во внимание, что находимся в самой середине обширной страны, и что нам неизвестно, сколько людей и сколько различных народностей окружает нас. Главное, мы не знали, придется ли нам нуждаться в дружественных отношениях с теми, в чьей среде мы находимся, поэтому мы приказали нашим неграм пустить в ход все возможные средства для того, чтобы сдружиться с ними.

Согласно с этим трое негров, у которых были луки и стрелы, и еще двое, которых мы снабдили копьями князька, и еще пятеро с длинными шестами пошли вперед. За ними выступили к ближайшему негритянскому поселению десятеро наших. Мы же все держались наготове, чтобы в случае надобности прийти им на помощь.

Подойдя довольно близко к постройкам, наши негры во весь голос окликнули обитателей своим обычным пронзительным криком. На этот призыв ответило и вышло несколько мужчин; немедленно следом за ними появилось все поселение - мужчины, женщины и дети. Наши негры с длинными шестами выступили несколько вперед, и, воткнувши все шесты в землю, отступили. Это у них на родине являлось знаком мира, но те не поняли значения этого. Тогда трое наших негров сложили луки и стрелы, вышли вперед безоружными и начали делать знаки мира. Это, наконец, было туземцами понято. В ответ трое из них также положили луки и стрелы, и вышли вперед к нашим. Наши продолжали им делать всяческие знаки мира, какие только приходили им на ум, прикладывая руки ко рту в знак того, что им нужны съестные припасы. Туземцы же, делая вид, что они обрадованы и настроены дружественно, возвратились к своим сородичам, некоторое время разговаривали с ними, затем снова выступили вперед и стали показывать знаками, что до захода солнца они доставят съестное. Итак, наши негры вернулись на этот раз очень довольные. За час

до захода солнца наши снова отправились к туземцам тем же порядком, что и в первый раз. Те явились, согласно условию, и принесли с собой оленину, коренья и тот самый злак, похожий на рис, о котором я уже упоминал. Наши же негры дали им безделушки, которыми снабдил их наш токарь, и которыми туземцы были бесконечно обрадованы, так что пообещали на завтра доставить еще больше съестного.

На следующий день они явились опять, но наши люди заметили, что их было много больше, чем накануне. Впрочем, нас не легко было захватить врасплох, так как десять человек, вооруженных огнестрельным оружием, всегда стояло наготове, и все наше войско было на виду. К тому же измена врагов была совсем не так тонко задумана, как это могло бы случиться при иных обстоятельствах, ибо они смогли, прикрываясь мирными намерениями, окружить посланным нами негров, которых было всего только десять человек. Негодяи же лишь только увидели, что наши негры подошли уже к месту, на котором они встретились еще накануне, сразу же схватили свои луки и стрелы и, точно фурии 100, набросились на наших негров. Десятеро наших белых, завидевши это, приказали неграм возвратиться; этому приказу негры повиновались с величайшей торопливостью и поспешили укрыться позади наших. Туземцы же наступали им вдогонку и выпустили вслед около сотни стрел, которыми двое наших негров были ранены, а третий, как мы решили, - убит. Дойдя до пяти шестов, которые воткнули в землю наши негры, туземцы приостановились и, сгрудившись вокруг них, стали их рассматривать и щупать, точно недоумевая, что они обозначают. В это время мы, стоявшие в отдалении, отправили посланца к десяти нашим с предложением стрелять в туземцев, покуда те стоят так плотно. Мы предложили заложить мушкеты, помимо пуль, также и картечь и сообщили, что тотчас же присоединимся к ним.

Наши изготовились, как было сказано, но лишь только они собрались стрелять, черное войско, бродившее вокруг шестов, стало шевелиться, точно собираясь наступать, хотя вид новых людей, стоявших позади наших негров, несколько смутил его. Они не могли понять, что мы собой представляем, и как с нами поступить. Еще менее могли они понять это тогда, когда наши, видя их продвижение вперед, выпалили в самую их гущу. А залп был дан с расстояния в сто двадцать ярдов, судя на глаз.

Невозможно описать ужас, стоны и вопли этих жалких созданий после

первого же залпа. Мы убили шестерых и ранили одиннадцать или двенадцать человек, то есть стольких нам удалось сосчитать; в действительности же картечь рассыпалась по густо стоящей толпе, и у нас были основания думать, что мы поранили также и многих стоявших в отдалении, ибо наша картечь состояла из кусочков свинца, кусочков железа, шляпок от гвоздей и прочего, что изготовил наш трудолюбивый мастер, искусный токарь.

Видя убитых и раненых, остальные дикари были поражены так, что и представить себе нельзя. Они никак не могли понять, что же уложило их товарищей, так как не видели на телах мертвых и раненых ничего, кроме неизвестно откуда взявшихся отверстий. Огонь и шум ошарашили всех их, и мужчин, и женщин, и детей, и испугом отшибли им разум. Дико выпучив глаза и воя, бегали они кругами, точно безумные.

Все же испуг не заставил их бежать, чего мы так добивались. Никто из них также не умер от страха, как то было в первой битве. Поэтому мы решили дать второй залп, а затем продвинуться вперед, подобно тому, как мы поступали прежде. В это время подошли все наши, стоявшие в запасе, и мы решили стрелять по трое в раз, одновременно двигаясь вперед, словно войско плутонгами 101. Так, выстроившись в один ряд, мы стали стрелять; сперва трое на правом крыле, затем трое на левом, и так далее. И каждый раз мы убивали и ранили по несколько туземцев, но они все же не обращались в бегство, хотя были так перепуганы, что даже не пускали в ход свои луки, стрелы и копья. И казалось нам, что число их растет у нас на глазах, - особенно это казалось благодаря их шуму. Я крикнул поэтому нашим остановиться, приказал дать по ним общий залп, а затем кричать, как мы поступили в первом сражении, наброситься на них и бить их мушкетными прикладами.

Но туземцы оказались слишком умны для того, чтобы дожидаться этого. Как только мы дали первый залп и вскрикнули, они все - мужчины, женщины и дети - побежали прочь с такой быстротой, что через несколько мгновений на виду не осталось ни одного живого существа, если не считать раненых, которые, стеная и плача, валялись там и сям на земле.

Когда мы заняли поле битвы, то обнаружили, что убили тридцать семь человек, в том числе трех женщин, и ранили шестьдесят четырех, среди которых оказались две женщины. Под ранеными я подразумеваю тех,

которые были так изувечены, что не в состоянии были уйти. Потом наши негры прикончили их подло и хладнокровно, чем мы были очень рассержены. Мы пригрозили прогнать их, если они еще раз так поступят.

Поживиться тут было нечем, потому что все, мужчины и женщины, были голые, только у некоторых в волосах торчали перья, а у других на шее висело нечто вроде запястья. Но наши негры набрали боевую добычу, которой мы очень обрадовались. То были луки и стрелы побежденных; оружия оказалось столько, что некуда было девать его. Все это оружие, принадлежавшее убитым и раненым, мы приказали подобрать, и оно оказалось впоследствии очень полезным для нас. После боя, после того, как негры оказались вооружены луками и стрелами, мы разослали их отрядами разведать, что здесь имеется, и они принесли нам съестного; но, что лучше всего, они пригнали еще четырех бычков, или буйволов, обученных работе и тасканию тяжестей. Негры узнали это, как кажется, по их вытертым от тяжести спинам, так как в той стране не знают седел.

Скотина не только облегчила нашим неграм труд, но и дала нам возможность захватить большие запасы съестного. Наши негры безжалостно нагрузили их здесь мясом и кореньями, в которых мы сильно нуждались впоследствии.

В этом негритянском поселении мы нашли совсем молоденького леопарда 102, ростом в две пядени 103. Он был ручной и по-кошачьи мурлыкал, когда мы гладили его; очевидно, негры воспитывали его вроде домашней собачонки. Кажется, наш черный князек, обходя покинутые хижины, наткнулся на это создание. Зверь ему понравился, и князек дал ему кусочка два мяса, и зверь пошел за ним, как собака. Дальше я еще расскажу о нем.

Среди убитых в этом сражении негров оказался один, у которого на лбу, на скрученном куске сухожилия, висела тонкая пластинка золота, величиною с шестипенсовую монету. Из этого мы заключили, что то какой-нибудь важный человек среди туземцев. Мало того, этот кусочек заставил нас весьма тщательно искать золото в этих краях. Но золота мы не нашли.

В этой местности мы шли еще пятнадцать дней. Тут оказалось, что мы вынуждены перебраться через цепь высоких, страшных на вид гор,

впервые повстречавшихся нам по пути. Так как никакого путеводителя, кроме маленького карманного компаса, у нас не было, мы не могли, конечно, располагать сведениями, какая дорога хуже, какая лучше. Мы должны были выбирать путь на глаз и пробираться наудачу. Еще на равнине, до того, как мы добрались до гор, мы встретили несколько различных диких племен, ходивших нагишом; они оказались немногим приветливее и дружелюбнее тех чертей, с которыми мы были вынуждены сражаться. Хотя от этих людей мы могли получить мало сведений, мы все же узнали по знакам, которые они нам делали, где, как говорили наши негры, много льва, много пятнистой кошки (так они называли леопардов). Знаками они объяснили нам также, чтобы мы взяли с собой воды. У последнего из встречных племен мы запаслись таким количеством продовольствия, какое только могли нести, ибо мы не знали, что предстоит нам испытать, и какой длины путь предстоит нам пройти. А чтобы возможно больше знать нам о дороге, я предложил захватить в плен кого-нибудь из жителей последнего встреченного племени для того, чтобы они вели нас через пустыню, помогали нам нести съестные припасы и, если понадобится, раздобывали их. Мой совет был слишком важен для того, чтобы им пренебречь. Итак, узнавши, путем немых знаков, что еще до начала пустыни, у подножия гор по другой стороне имеются жители, мы решили при помощи любых средств, честных или подлых, обеспечить себя там провожатыми.

По умеренным нашим расчетам, мы находились теперь в семистах милях от того морского берега, откуда мы выступили. В этот день черный князек был освобожден от повязки, в которой висела его рука; наш лекарь превосходно излечил ее. И князек показывал своим сородичам совершенно здоровую руку, чему они немало дивились. Стали поправляться и наши негры, - раны их быстро зарастали, так как лекарь весьма искусен был во врачевании их.

С бесконечным трудом взобравшись на возвышенности, мы получили возможность оглядеть расположенную за ними местность, и этот вид мог потрясти самое мужественное сердце. Перед нами расстилалась мертвая пустыня 104. Не было видно ни деревца, ни реки, ни клочка зелени. Вокруг, куда ни посмотри, ничего не было, кроме раскаленного песка, который при дуновении ветра носился такими облаками, что они могли ошеломить человека и животное. Конца пустыни мы не видели, - ни прямо перед собой, куда лежал наш путь, ни по правой, ни по левой стороне. Это

было такое зрелище, что наши упали духом и заговорили о том, чтобы возвращаться. Действительно, мы не могли решиться вступить в то ужасное место, которое лежало перед нами, и где мы видели только верную смерть.

Зрелище повлияло на меня так же сильно, как и на остальных. Но, несмотря на это, я не мог примириться с мыслью о возвращении. Я сказал, что мы прошли семьсот миль нашего пути, и лучше уж умереть, чем думать о возвращении. А если все уверены, что пустыня непроходима, то лучше переменить направление: пойти на юг и добраться до мыса Доброй Надежды, или взять на север, к странам, лежащим по Нилу, откуда, может быть, нам удастся найти тот или иной путь к западному побережью. Не может же быть, чтобы вся Африка была пустыней.

Пушкарь, который, как я уже сказал, был нашим руководителем во всем, что касалось расположения мест, не знал, что и сказать на предложение пойти к мысу Доброй Надежды. Он сообщил, что мыс Доброй Надежды отстоит от места, где мы находимся, не менее, как на полторы тысячи миль. По его расчетам, мы сделали уже треть пути к берегу Анголы, где мы выйдем к западному океану и найдем пути для возвращения домой. С другой стороны, - заверял он нас, показавши карту, - если идти к северу, то надо учесть, что западный берег Африки выступает в море больше, чем на тысячу миль, так что нам в дальнейшем придется пройти по суше еще добавочную тысячу миль. К тому же мы о тех местах ничего не знаем, и земля там может оказаться такой же дикой, безлюдной и пустынной, как и здесь. Поэтому он и советует пойти через пустыню и, быть может, она окажется вовсе не такой уж большой, как мы опасаемся. Во всяком случае, он советует рассчитать, насколько хватит наших припасов и особенно воды. Мы должны в пустыне зайти не далее половины того расстояния, на которое нам хватит воды. Если тогда не окажется конца пустыни, мы должны в полной сохранности возвратиться.

Совет этот был так разумен, что мы все одобрили его. Мы подсчитали, что еды нам хватит на сорок два дня, воды же мы можем захватить только на двадцать дней, и то она наверняка начнет протухать еще до истечения этого срока. Поэтому мы пришли к заключению, что, если мы в продолжение десяти дней не доберемся до какого-нибудь источника, то возвратимся обратно. Если же нам удастся обновить запас воды, мы можем путешествовать двадцать один день; если и в этом случае не увидим конца

пустыне, то возвратимся.

Так, установивши заранее предохранительные меры, мы спустились с гор и только на второй день достигли краев равнины. Здесь, однако, как бы в вознаграждение за наши тяготы, мы нашли чудесную маленькую речонку с превосходной водой, уйму крупной дичи и обнаружили какое-то животное вроде зайца 105, только не такое юркое, чье мясо нам очень понравилось. Но сведения нам сообщили ложные - людей мы не нашли. Таким образом, у нас не оказалось лишних пленников для переноски поклажи.

Бесчисленное множество оленей и других животных, которых мы нашли здесь, собралось, по-видимому, из-за соседства с пустыней, откуда некоторые животные забегали сюда для прокорма и отдыха. Здесь мы запаслись мясом и различного рода кореньями, которые заменили нам хлеб и в которых наши негры разбирались лучше, чем мы. Запаслись мы также и водой на двадцать дней из расчета одной кварты в день на каждого негра, трех пинт в день на каждого из нас и трех кварт на каждого буйвола. Так, нагрузившись для долгого изнурительного перехода, мы пустились в путь. Все были совершенно здоровы и бодры, хотя не все одинаково могли переносить усталость. Но главное наше горе заключалось в том, что у нас не было проводника.

С того момента, как мы вступили в пустыню, настроение сразу же сделалось подавленным, так как песок оказался таким глубоким и так обжигал жаром наши ноги, что, с трудом проковылявши, сказал бы я, а, не пройдя по нему семь или восемь миль, мы все смертельно устали и ослабели. Даже негры легли на землю и тяжело вздыхали, точно загнанные вьючные животные.

Тут оказалось, что и условия ночлега весьма вредоносны для нас. Прежде мы строили себе хижины и спали в них, прикрытые от ночной свежести, которая в этих жарких краях особенно губительна. Здесь у нас не было ни прикрытия, ни крова после такого тяжелого перехода; не было здесь поблизости от нас и деревьев, ни даже кустов. Но, что было особенно устрашающе, мы к ночи услыхали волчий вой, львиное рычание, рев диких ослов и много других отвратительных и никак нам не знакомых звуков.

Мы подумали тогда о своей неосторожности: ведь мы, по крайней мере,

могли бы захватить с собой шесты или жерди и на ночь окружать себя частоколом, чтобы хоть спать в безопасности, каковы бы уже ни оказались прочие неудобства. Как бы то ни было, мы под конец все же нашли способ, несколько облегчивший нам положение. Сперва мы воткнули в землю все имевшиеся у нас копья и луки, затем мы кое-как соединили их верхние концы и развесили на них плащи; и оказалось что-то вроде скверной палатки. Все это мы перекрыли леопардовой шкурой и еще несколькими имевшимися у нас шкурами. В итоге вышло довольно сносно. Мы улеглись спать и в первую, по крайней мере, ночь спали превосходно. На всякий случай мы выставили хорошую стражу, состоящую из двух наших, вооруженных фузеями, их мы сменяли сперва каждый час, а затем каждые два часа. Оказалось, что поступили мы совершенно правильно, ибо часовые обнаружили, что пустыня кишит всякого рода хищными зверями; причем некоторые из них приближались прямо к самому входу в нашу палатку. Но часовым было приказано не тревожить нас ночной стрельбой, а только встречать зверя холостыми выстрелами. Так они и поступали; и этого оказывалось Достаточно, так как хищники, завидевши вспышки, подчас ревя или завывая, немедленно убегали искать какую-нибудь другую добычу.

Если мы устали от дневного перехода, то не меньше мы устали и от ночного сна. Но черный князек утром заявил нам, что хочет дать один совет. Совет его действительно оказался превосходным. Он заявил, что если мы будем путешествовать дальше таким же образом по этой пустыне без всякого прикрытия на ночь, то это погубит нас. Поэтому он советует вернуться к речке, у которой мы провели прошлую ночь, и там оставаться до тех пор, покуда мы не построим себе такие, как он выразился, дома для ночевки, которые мы сможем переносить с собой. Так как он немного владел уже нашей речью, а мы к тому же превосходно усвоили его знаки, мы легко его поняли: он советовал нам вернуться и сплести большие циновки, а мы вспомнили, что видели у речки много циновочника или тростника, из которого туземцы плетут циновки. Этими циновками мы на ночь сможем накрывать наши палатки.

Мы все одобрили его совет и немедленно решили вернуться, рассчитавши при этом, что лучше нести меньше съестных припасов, зато иметь с собой циновки для прикрытия на ночь. Несколько человек, самых подвижных, вернулось к реке значительно быстрее, чем мы шли от нее накануне. Остальные, так как торопиться было некуда, сделали по пути

привал, переночевали еще раз и подошли к нам на следующий день.

Но на своем обратном пути, продолжавшемся два дня, наши товарищи встретились с чрезвычайно поразившим их обстоятельством, которое научило их быть осторожнее впредь, когда разлучаются с остальными. Дело было вот в чем: утром второго дня, пройдя с полмили и обернувшись назад, они увидели в воздухе большое облако пыли, какое бывает у нас летом, когда очень пыльно и передвигается большое стадо. Только это облако было значительно больше. Они ясно увидели, что облако идет им вслед и что оно приближается значительно быстрее, чем они успевают уходить от него. Песчаное облако было так велико, что нельзя было разглядеть, кем оно поднято, и они было решили, что их преследует целое войско врагов. Но потом сообразили, что идут из огромной необитаемой пустыни, и невозможно, чтобы какое-нибудь племя получило сведения о них и о пути, которым они идут. Следовательно, если это войско, то оно, подобно им, лишь случайно идет тем же путем. С другой же стороны, зная, что в этом краю нет лошадей, и видя быстроту, с какой облако надвигалось, они заключили, что это, должно быть, огромная стая хищных зверей, движущихся, быть может, к холмам на водопой и корм. В этом случае стая всех их пожрет или растопчет множеством своим.

Обдумавши все это, они внимательно высмотрели, в каком направлении движется облако, и свернули с пути, немного к северу, надеясь, что так оно минует их. Отойдя в сторону, приблизительно на четверть мили, они остановились посмотреть, что представляет собой облако. Один из негров, более подвижный, чем остальные, отошел немного назад и через несколько минут стал возвращаться, убегая так быстро, как только позволяли тяжелые пески. Он знаками объяснил, что это большое стадо чудовищно огромных слонов.

Так как наши подобного зрелища никогда не видали, то поэтому им захотелось посмотреть на слонов, хотя они немного и побаивались возможной опасности. Слон, правда, создание тяжелое и неповоротливое, но в глубоком песке, который ему нипочем, он движется с большой скоростью. И наши легко утомились бы, если бы им пришлось идти далеко или бежать от преследовавших слонов.

С ними был пушкарь; ему страшно хотелось подобраться к крайнему слону, приставить ему мушкет к уху и выпалить. Дело в том, что он

слышал, что никакая пуля не может пробить слоновую кожу. Но все остальные отговорили его от этого, боясь, что слоны на шум обернутся и бросятся на них. Пушкаря убедили оставить эту мысль и дать слонам пройти своим путем, что, несомненно, было самым лучшим исходом при обстоятельствах, в каких находились наши.

Слонов было числом около двадцати-тридцати штук, и все они были особо крупных размеров. Они не раз показывали нашим, что видят их, но не сворачивали с пути и уделяли нашим внимания лишь настолько, чтобы дать им, можно бы сказать, возможность посмотреть на себя. Мы, находившиеся впереди, видели облако пыли, поднятое слонами, но решили, что то наш собственный караван, и поэтому не обратили на пыль никакого внимания. И так как слоны изменили несколько курс, примерно на один румб к югу от востока, в то время как наши шли прямо на восток, то они и прошли мимо наших в некотором отдалении. Мы, таким образом, их не видели и ничего не знали о них до вечера, покуда к нам не присоединились наши и все не рассказали. Как бы то ни было, это оказалось полезным уроком для следующих наших переходов в пустыне, как вы услышите в надлежащем месте.

Теперь мы принялись за работу. Наш черный князек был главным надсмотрщиком, потому что сам он был превосходным циновочным мастером. Все его подданные также хорошо знали это дело, и вскоре они изготовили нам около сотни циновок. Так как каждый человек - я разумею негров - нес одну циновку, это не дало почти никакой прибавки груза, и мы ни на унцию не уменьшили нашего запаса съестного. Тяжелее всего было нести шесть длинных шестов, не говоря уже о коротких жердях. Но негры воспользовались и этим. Они сложили шесты по два, образовавши таким образом три пары носилок, и привязали к ним запасы съестного; этим они облегчили себе переноску поклажи. Как только мы увидели этот способ, то также извлекли из него пользу для себя. Так как у нас было на три или четыре бутыли больше, чем людей для носки их (под бутылями я подразумеваю мехи для хранения воды), то мы наполнили их водой и понесли этим же способом. Это позволило взять запас воды на день путешествия, да и с лишком.

Итак, закончивши работу, приготовивши нужные циновки, совершенно пополнивши запасы всего необходимого нам и наплетши для повседневного употребления множество веревочек, мы снова пустились в

путь. В общем, мы для всего этого прервали наше путешествие на восемь дней. К великому нашему счастью, накануне нашего выступления выпал весьма яростный ливень, следствия которого мы ощутили в песках. Хотя жара в течение одного дня высушила песок до прежнего состояния, он в глубине стал тверже, не так тяжел и более прохладен. Мы прошли поэтому, по нашим подсчетам, четырнадцать миль вместо семи и со значительно меньшими трудностями.

Когда дело дошло до ночевки, все у нас к этому было уже готово, потому что мы еще на месте ставили и испытывали палатку. Менее чем в час нами была разбита большая палатка с внутренним и внешним отделениями и с двумя выходами. В одном лежали мы, в другом наши негры - все на легких изящных циновках и прикрытые такими же циновками. Снаружи было у нас, сверх того, отведено отделение для буйволов. Они заслуживали наших забот, так как были нам очень полезны и несли весь потребный им запас корма и воды. Корм их состоял из корней, которые мы собрали по указанию нашего черного князька. Корни эти походили на пастернак 106, были сочны и питательны; их мы в изобилии находили повсюду, за исключением только этой ужасной пустыни.

Когда утром настала пора сниматься с лагеря, наши негры убрали палатку и выдернули шесты. На то, чтобы прийти в движение, потребовалось не больше времени, чем на установку палатки. Таким образом шли мы восемь дней, не замечая в пути никаких изменений; все казалось таким же диким и заброшенным, как в начале. Единственное только и имелось изменение, что песок был не так глубок и тяжел, как в первые три дня. Мы решили, что причиною этому является дующий здесь шесть месяцев в году восточный ветер (другие шесть месяцев он дует с запада), который нагоняет песок к тому краю пустыни, откуда мы вышли. А так как горы очень высоки, то восточные муссоны не могут с такой же силой отгонять песок обратно. Это предположение подтвердилось тем, что на западном краю пустыни мы встретили песок такой же глубины.

На девятый день нашего пути по пустыне мы увидели большое озеро 107. Можете не сомневаться, что это чрезвычайно подбодрило нас, так как воды у нас оставалось не больше, чем на два-три дня, да и то при урезанном пайке. Я подразумеваю, конечно, запас воды на один конец. Ведь возможно, что нам пришлось бы вернуться. В общем, воды у нас хватало на два дня больше, чем срок, который мы себе наметили.

Объяснялось это тем, что наши буйволы дня два-три там находили какое-то стелющееся по земле, растущее в песке растение, вроде широкого, плоского чертополоха, только без колючек 108. Им они наедались вволю; оно заменяло им и корм и пойло.

На следующий день, десятый от нашего выступления в путь, мы добрались до края озера. К счастью для нас, мы вышли к южной его оконечности, ибо к северу мы другого конца его не могли различить. Мы пошли вдоль озера, три дня держась его берегов. Это принесло нам большое облегчение, так как облегчило нашу поклажу: нам не нужно было нести воду, мы шли все время рядом с ней. Но, несмотря на то, что здесь было столько воды, облик пустыни не переменился. Не было ни деревьев, ни травы, никаких растений, кроме этого чертополоха, как я называю его, да еще двух-трех неизвестных нам растений, покрывавших пустыню.

Хотя и были мы освежены и укреплены соседством этого озера, но зато попали теперь в среду такого огромного количества хищных обитателей пустыни, подобного которому, я в этом уверен, никогда не видывал человеческий взор. Так же твердо, как я убежден, что с самого потопа 109 ни один человек эту пустыню не пересекал, так же твердо уверен я, что нет во всем свете подобного сборища хищных, свирепых и прожорливых созданий, то есть нигде нет такого скопления их в одном месте.

За день до того, как мы достигли озера, и в течение всех тех трех дней, что мы проходили вдоль него, мы заметили, что земля усеяна совершенно невероятным количеством слоновьих клыков. Некоторые из них лежали здесь столетиями, и так как объем их от времени почти не уменьшился, я думаю, они могут так пролежать до скончания веков. Величина отдельных клыков показалась тем, кому я их описывал, столь же неправдоподобной, как и их количество, но я могу заверить вас, что среди них было много столь тяжелых, что самые сильные из нас не могли их поднять. Что касается их количества, то для меня нет сомнения, что ими можно нагрузить тысячу вымпелов самых больших кораблей на свете. Этим я хочу сказать, что количество их нельзя себе и представить. Они лежали на пространстве, которое можно было только охватить глазом больше чем на восемьдесят миль впереди нас, и на такое же расстояние виднелись направо, и на такое же влево от нас, и, возможно, во много раз больше еще, ибо нам это неизвестно. Ибо, как кажется, слонов в этих краях необычайно много. В одном месте мы нашли череп слона с торчащими клыками; это

был один из самых больших, какие я когда-либо видел. Мясо и остальные кости этого слона истлели, понятно, в течение многих сотен лет. Но череп с клыками не могли поднять трое сильнейших наших людей. Большой клык весил, как мне кажется, по меньшей мере, триста тридцать фунтов. Но что особенно, на мой взгляд, примечательно, это то, что весь череп был такой же прекрасной кости, как и клыки; и вместе они весили, как мне кажется, не меньше шестисот шестидесяти фунтов. Понятно, я толком не знаю, но выходит, что все кости слона могут быть слоновой костью. Но, думается мне, настоящим возражением против этого является то, что я увидел, ибо, будь это так, сохранились бы перед моими глазами также и все остальные кости этого слона.

Так как мы прошли, не останавливаясь, четырнадцать дней, и у нас покамест было все совершенно исправно и благополучно по части пищи, а вода имелась рядом, то я предложил пушкарю немного отдохнуть и в то же время поискать какой-нибудь дичи. Пушкарь, у которого сообразительности по этой части было больше, чем у меня, согласился с моим предложением, сказавши, что мы могли бы попытаться половить рыбу в озере. Но перед нами тотчас же встал вопрос: откуда добыть крючки; это обстоятельство чуть было не поставило нашего изобретателя в тупик. Однако после некоторых трудов и хлопот он все же сделал их, и мы наловили свежей рыбы различных пород.

Мы наловили ее достаточно для своего пропитания, но еще и провялили на солнце много больших рыб совершенно неизвестных мне пород, что значительно увеличило наши запасы съестного. А солнечный жар так превосходно высушил их без соли, что они оказались сразу и вялены, и сухи, и тверды, и все за один день.

Мы отдохнули пять дней. В продолжение этого времени у нас было много забавных приключений с дикими зверями, - слишком много для того, чтобы пересказывать их. Одно из них особенно интересно; это была погоня львицы за большим оленем. Олень, по своей природе, животное подвижное и пролетел мимо нас, как ветер, опередив львицу ярдов, должно быть, на триста. Но львица, благодаря своей силе и крепости легких, нагоняла его. Они пронеслись в четверти мили от нас, и мы Долго следили за ними, но потом бросили это занятие. Но каково было наше удивление, когда час спустя мы увидали, как они с топотом проносятся в обратном направлении, причем львица была уже в тридцати или сорока ярдах от

оленя. Оба они напрягали последние свои силы. Но вот олень, добравшись до озера, погрузился в него и поплыл, спасая жизнь, со всех ног, как раньше со всех ног бежал.

Львица вслед за ним погрузилась в воду, проплыла некоторое расстояние, но затем воротилась. Выбравшись на берег, она издала самый ужасный рев, какой мне когда-либо приходилось слышать; она была в ярости, что лишилась добычи.

Мы продвигались теперь вперед только по утрам и вечерам. Днем мы отдыхали в палатке. Но однажды рано утром мы увидали иную погоню, которая уже больше, чем прежняя, затронула нас. На нашего черного князька, шедшего несколько ближе к берегу озера, чем остальные, напал громадный, рослый крокодил, бросившийся из озера. Хотя князек и был легок на ноги, ему еле удалось спастись. Он бросился прямо к нам, и мы, по правде говоря, не знали, что делать, так как слышали, что пуля не пробивает крокодиловой шкуры. Это подтвердилось: трое наших выстрелили в крокодила, но он даже не обратил на это внимания. Но мой друг пушкарь, малый решительный, смелый и весьма хладнокровный, подошел к крокодилу так близко, что засунул дуло мушкета ему в пасть, выстрелил и, бросивши мушкет, тотчас же отбежал. Зверь долгое время бился; он обратил всю свою ярость на мушкет и даже оставил на стволе следы зубов, но через некоторое время ослабел и сдох.

Все эти дни наши негры шарили по берегам озера, ища дичи; наконец, они добыли нам трех оленей, одного очень большого и двух очень маленьких. На озере водилась также и водяная птица, но нам никак не удавалось подойти к ней достаточно близко для выстрела. Нигде, кроме этого озера, мы в пустыне больше птиц не видели.

Мы точно так же убили и двух или трех цибетовых кошек, но мясо их оказалось хуже всякой падали. На далеком расстоянии мы видели большое количество слонов, причем заметили, что они всегда идут в превосходном обществе, то есть, что их всегда помногу вместе и выстроены они в исправном боевом порядке. Говорят, что так обороняются они от своих врагов: если львы, тигры, волки или какие-либо другие хищники нападают на них, они, вытянувшись боевым строем, иногда в пять или шесть миль длиной, давят все, что попадается на пути, разбивают все на части хоботами или хоботами же взметают на воздух. Поэтому даже сотня львов

или тигров, встречая подобный строй слонов, всегда бежит назад, ища возможности улизнуть куда-нибудь направо или налево. В противном случае ни одному из них не удалось бы спастись, ибо слон хотя и грузный зверь, но так искусно и проворно орудует хоботом, что легко может поднять им самого тяжелого льва или другого какого-нибудь хищника, переметнуть в воздухе через спину и насмерть затоптать ногами. Мы видели не один такой боевой ряд слонов, А однажды нам попался такой длинный, что конца его нельзя было различить: в нем было тысячи две слонов в ряду или строю. Слоны - не хищники, они питаются растениями, подобно быкам, причем, говорят, что слону, несмотря на его большие размеры, требуется корму даже меньше, чем лошади.

Количество слонов в тех краях было безгранично. Это можно вывести хотя бы из того невероятного множества клыков, которые, как я сказал, мы обнаружили в этой обширной пустыне. Действительно, нам попадалось по сотне слоновых клыков на один костяк какого-нибудь другого животного.

Однажды вечером мы были сильно напуганы. Большинство наших уже улеглось спать на своих циновках, когда часовые вдруг вбежали к нам, перепуганные внезапно раздавшимся рядом с ними львиным ревом. Так как ночь была темная, они, очевидно, львов не заметили, покуда те не подошли вплотную. Это был, как оказалось, громадный старый лев с целым семейством - с ним была львица и три львенка, не считая старого царя, который чудовищно велик. Один из малышей - а все они были добротные, большие и рослые - прыгнул на одного из наших негров, стоявшего на часах, прежде чем тот заметил его. Негр был страшно перепуган, закричал и вбежал в палатку. У другого часового, имевшего при себе мушкет, не хватило сообразительности тут же застрелить льва; он ударил зверя прикладом, от чего львенок сперва завизжал, потом грозно зарычал. Тогда парень отступил. Мы все переполошились, трое наших схватили мушкеты, побежали к выходу палатки и увидавши старого льва по блеску его глаз, тут же выстрелили, но, очевидно, промахнулись. Они, по крайней мере, не убили его, так как все львы отступили, поднявши отвратительный рев. Это было как бы призывом к помощи. На рев сошлось огромное количество львов и, в довершение к ним, еще каких-то других хищников, каких мы не знали, так как в темноте не могли рассмотреть их. Но только со всех сторон начались шум и рев, и вой, и дикая музыка, точно все звери пустыни собрались, чтобы сожрать нас.

Мы спросили нашего черного князька, что нам делать.

- Пойти, - говорит он, - и испугать их всех!

Он схватил две или три самых худших циновки, попросил одного из наших высечь огонь и повесил циновки на конце шеста и поджег. Циновки запылали, осветив вокруг изрядное пространство. При виде этого, все звери отступили; мы услышали их рычание и рев на большом расстоянии от нас.

- Что ж, - говорит пушкарь, - это средство годится, жаль только жечь циновки, ведь они служат нам и подстилками и покрывалами. Не мешайте мне, - говорит он, возвращается в палатку и принимается изготовлять нечто вроде искусственных петард 110 и тому подобное.

Несколько штук он передал нашим часовым, чтобы они имели их под рукою на всякий случай, а одну большую прикрепил к тому самому шесту, к которому были привязаны циновки, и поджег ее. Она горела так долго, что на этот раз все дикие звери оставили нас в покое.

Как бы там ни было, но общество зверей стало утомлять нас, и, чтобы отделаться от них, мы вновь пустились в путь на два дня раньше, чем собирались. Пустыня все еще не кончалась, даже не было видно признаков ее конца. Но мы теперь обнаружили, что почва вся покрыта какой-то зеленью; благодаря этому наш скот не голодал. Во-вторых, обнаружили мы также, что в озеро впадает много речонок; таким образом, покуда местность была низменная, мы находили достаточно воды, и это очень облегчало нашу поклажу. Мы шли так еще шестнадцать дней, но не добрались до лучших мест. Затем местность стала понемногу повышаться, из чего мы заключили, что воды нам не хватит, и так, запасаясь на случай беды, мы наполнили ею все наши пузыри-бутыли. Мы продолжали так незаметно подниматься в продолжение трех дней, покуда внезапно не обнаружили, что находимся на вершине большой цепи возвышенностей, хотя и не столь высоких, как первая.

Взглянувши вниз, по другую сторону холмов, мы, к великой нашей радости, увидели, что пустыня кончилась, и что дальше местность обильно покрыта зеленью, деревьями и пересечена большой рекой. Мы не сомневались в том, что найдем там также людей и скот. Теперь, по словам

нашего пушкаря, ведшего подсчеты, мы прошли около четырехсот миль по зловещей пустыне, сделавши переход в тридцать четыре дня. Таким образом, мы в общем прошли около тысячи ста миль намеченного пути.

Мы охотно в тот же вечер спустились бы с холмов, но уж было слишком поздно. На следующее утро мы передохнули в тени каких-то деревьев; это было для нас весьма усладительно, ибо солнце больше месяца пекло нас, и на пути не было даже деревца, чтобы укрыться. Местность нам очень понравилась; особенно же по сравнению с той, откуда мы пришли. Здесь мы убили нескольких оленей, которых водилось много в лесах. Убили мы также какое-то создание, вроде козы, мясо которого оказалось очень вкусным; но то была не коза. Мы нашли также множество птиц, похожих на куропаток, но несколько меньших по величине и почти ручных. Словом, мы зажили здесь хорошо. Людей, однако, здесь не оказалось; по крайней мере, мы не встречали их в продолжение нескольких дней пути. Как будто для того, чтобы сбавить нам радость, каждую ночь нас тревожили львы и тигры. Слонов же здесь мы не видали совершенно.

После трех дней пути мы подошли к реке, увиденной еще с холмов и названной нами Золотой рекой. Оказалось, что течет она к северу 111, это была первая на нашем пути река, протекавшая в этом направлении. Течение реки было очень быстрым. Наш пушкарь, вытащивши свою карту, уверял меня, что либо река эта Нил, либо же она впадает в то большое озеро, откуда, говорят, Нил вытекает. Он разложил свои планы и карты, в которых я, благодаря его урокам, стал хорошо разбираться, и заявил мне, что постарается убедить меня в этом. Действительно, он все это так ясно объяснил, что я пришел к тому же заключению.

Я все же никак не мог взять в толк, зачем пушкарь так интересуется этим, но он продолжал развивать свою мысль и заключил так:

- Если эта река - Нил, почему бы нам не понастроить еще каноэ и не спуститься вниз по реке, вместо того, чтобы рисковать на пути к морю и встретить еще какие-либо пустыни и палящие пески? Да если бы мы и добрались до моря, нам оттуда попасть домой будет так же трудно, как и с Мадагаскара.

Рассуждения эти были хороши, не имеется здесь возражений разного рода, на которые никто из нас не мог ответить. Но, в общем, предприятие

было такого рода, что каждый из нас считал его невозможным, и по ряду различных причин. Наш лекарь, сам человек ученый и начитанный, хотя и не знакомый с мореходством, воспротивился этому, и часть его возражений, помню, сводилась вот к чему: во-первых, длина пути, как признавали и он и пушкарь, благодаря руслу и изгибам реки окажется не меньше чем в четыре тысячи миль; во-вторых, в реке бесчисленное множество крокодилов, которых нам никак не удастся избегнуть; в-третьих, по пути имеются ужасные пустыни. И, наконец, приближается период дождей, во время которого нильские воды будут особенно яростны; они вздуются так высоко, разольются вдоль и вширь по всей равнине, что мы никогда не сможем знать, находимся ли мы в русле реки или нет. Нас наверняка часто будет выбрасывать на берег, переворачивать и топить. По такой опасной реке совершенно невозможно двигаться.

Последнюю эту причину изложил он нам так ясно, что мы и сами стали признавать ее и согласились отказаться от замысла пушкаря и продолжать путь в первоначальном направлении - на запад и к морю. Но, как ни хотелось нам скорее отправиться, мы все же, под предлогом отдыха, лодырничали еще два дня на этой реке. В течение этого времени наш черный князек, который очень любил бродить, явился как-то вечером и принес нам много кусочков чего-то. Что это - он не знал, но вещицы эти были тяжелые и на вид приятные. Он решил показать их мне, думая, что это какая-нибудь редкость. Я ему не подал вида, что заинтересован, но, отойдя и подозвавши к себе пушкаря, показал ему принесенное, высказавши при том свое предположение, а именно, что это золото. Он согласился со мной как в этом, так и в следующем: мы решили завтра захватить с собой черного князька, чтобы он показал нам то место, где нашел золото. Если там много золота, мы сообщим об этом всем нашим товарищам, если же мало, то мы сохраним дело в тайне и прибережем золото для самих себя.

Но мы забыли посвятить в эту тайну князька; он же по простоте своей столько наболтал всем остальным, что те, догадавшись, в чем дело, пришли к нам поглядеть. Обнаруживши, что дело раскрыто, мы стали заботиться лишь о том, чтобы никто не заподозрил нас в желании утаить золото. Высказавши свое мнение, мы позвали нашего изобретателя, который тут же согласился с тем, что это золото. Тогда я предложил идти всем вместе к месту, где князек нашел его; и если там окажется значительное количество золота, провести там некоторое время, чтобы добыть его.

Так мы и пошли всем скопом, так как никто не желал оставаться на месте, раз сделано открытие такого рода. Мы обнаружили золотоносное место на западной стороне реки, но не в главном ее русле, а в другой речонке или потоке, бежавшем с запада и впадавшем в эту реку. Мы принялись ворошить песок и промывать его в пригоршнях. Почти из каждой горсти песка мы вымывали себе в руку по несколько кусочков золота величиной с булавочную головку, а то и с виноградное зернышко. Через два-три часа у каждого набралось немного золота. И мы решили идти пообедать.

В то время, как мы ели, мне пришла в голову мысль, что раз так охотно работаем мы ради столь важной, многозначительной вещи, как золото, этой главной приманки в мире, то десять против одного, что оно рано или поздно приведет нас к раздору, разрушит наши добрые правила, наши соглашения и заставит нас разбиться на отдельные отряды, а то и натворить что-либо похуже. Поэтому я и сказал товарищам следующее, что хоть я в отряде и самый младший, но так как они всегда позволяли мне высказывать свое мнение, иногда даже милостиво следовали моим советам, то сейчас хочу кое-что предложить, что пойдет, по моему мнению, на общее благо и всем, вероятно, придется по сердцу. Мы находимся в стране, сказал я им, где имеется много золота и куда весь мир посылает за ним корабли. Но, в сущности, не зная, где золото находится, мы можем добыть его и много, и мало. Я и предлагаю: не лучше ли будет для нас, если, сохраняя в своем сердце доброе согласие и дружбу, царившие до сей поры и для нашей безопасности крайне необходимые, мы все найденное нами соединим в единый запас и под конец поделим его поровну между собою. Не надо идти на опасность раздора, могущего возникнуть из-за того, что один найдет больше золота, а другой меньше. Я уверял, что, будучи все на равных основаниях, мы охотнее возьмемся за работу; да, помимо этого, мы можем поставить на работу наших негров и воспользоваться плодами как их труда, так и нашего. А раз мы будем в равных долях, то и не окажется у нас разумного основания для ссор и взаимных обид.

Они одобрили мое предложение. Поднявшись, они единодушно подали друг другу руки и поклялись, что не утаят ни малейшей крупинки золота от остальных. Если же у кого-нибудь найдется припрятанное золото, все обнаруженное должно быть у него отобрано и впоследствии поделено между остальными. Наш пушкарь же добавил еще одно совершенно правильное и справедливое условие: если кто-либо из нас в продолжение

пути, вплоть до самого возвращения в Португалию, выиграет у другого деньги или золото, или стоимость их путем пари, состязания, заклада или игры, он должен быть вынужден возвратить выигрыш, под угрозой быть обезоруженным, прогнанным и лишенным нашей поддержки. Это необходимо было для того, чтобы предупредить заклады и азартную игру, в чем наши всячески изощрялись, хотя не имели при себе ни карт, ни костей.

Заключив это здравое соглашение, мы весело принялись за работу, показав неграм, чего нам от них требуется. Мы работали в верхнем течении реки, на обеих ее берегах и на дне; около трех недель провели мы так, плескаясь в воде. За это время, постепенно подвигаясь вперед по нужному направлению, мы прошли миль шесть, не больше. И все время, чем выше мы поднимались, тем больше находили золота; покуда, наконец, пройдя мимо ската одного холма, не обнаружили внезапно, что золото иссякло и что дальше его нет ни крупинки. Мне пришла вдруг на ум мысль: не смыто ли найденное нами золото со ската этого холма?

Мы возвратились тотчас же к холму и принялись исследовать его. Земля оказалась рыхлая, желтовато-глинистого оттенка; в некоторых местах попадался белый твердый камень; когда впоследствии я описывал его некоторым знающим людям, те сказали мне, что это - плавиковый шпат 112, который находится в руде и окружает золото в залежах. Но будь это даже чистое золото, у нас все равно не было орудий, чтобы его добыть. Мы так и оставили его. Разрывая рыхлую землю пальцами, мы добрались до одного поразительного места, где около двух бушелей земли обвалилось чуть ли не от одного прикосновения, обнаруживши в себе большое количество золота. Мы заботливо подобрали землю и хорошо промыли ее в воде; в наших руках остался чистый золотой песок. Но замечательнее всего то, что, снявши весь рыхлый слой земли, мы добрались до твердого камня и там уже не было ни единой крупинки золота.

К ночи мы сошлись, чтобы подсчитать, сколько золота добыли. Оказалось, что в сегодняшней глыбе земли мы нашли около пятидесяти фунтов золотого песка, да еще тридцать четыре фунта собрали мы за все время нашей работы в реке.

Разочарованием счастливого свойства было для нас, что работа наша приходила к концу. Ибо, найди мы хотя бы еще малейшее количество

золота, да и покажись оно только, я не знаю, когда мы бросили бы работу. Обшаривши все место и нигде, кроме той рыхлой глыбы, не обнаруживши ни крупинки золота, - ни здесь в земле, ни в других местах, - мы тотчас же вернулись на речку. Мы вновь стали обследовать ее вдоль и поперек, покуда еще находили хоть что-нибудь. И во второй раз мы добыли еще шесть или семь фунтов. Тогда мы перешли на первую реку и прощупали ее как вверх, так и вниз по течению, - и по тому и по другому берегу. Вверх по течению мы не нашли ничего, ни единой крупинки; вниз по течению мы нашли очень мало, не более, чем пол-унции на две мили работы. Так возвратились мы вновь на Золотую реку, как мы справедливо назвали ее, и еще по два раза прошли ее вверх по течению и вниз по течению и каждый раз находили немного золота и, возможно, оставайся мы там по сей день, продолжали бы находить еще, но под конец количества были такие малые и работа настолько трудна, что мы с общего согласия бросили ее, не то утомили бы как себя, так и наших негров настолько, что не годились бы для дальнейшего пути.

Вся наша добыча дала нам в общем по три с половиной фунта золота на человека. Вес этот был установлен изобретательным нашим токарем; меры он, понятно, подобрал приблизительно, но уверял, что они скорее преувеличены, чем преуменьшены. Впоследствии это подтвердилось, ибо оказался перевес около двух унций на фунт. После раздела осталось еще семь или восемь фунтов золота, которые мы согласились отдать токарю для того, чтобы он приготовлял из золота подобающие вещички; их мы решили раздавать встречным народам в обмен на съестные припасы, а то и на дружбу и тому подобное. Кроме того, мы около фунта отдали нашему черному князьку. Он собственной рукой, при помощи нескольких орудий, которые одолжил ему наш искусный мастер, перековал золото и изготовил из него шарики, круглые, как четки, но не вполне такие на вид. Затем он просверлил в них отверстия и, нанизавши шарики на нитку, надел их на свою черную шею. Уверяю вас, они на нем имели превосходный вид, только возился он с ними много месяцев. Так окончилось наше первое золотое приключение.

Тут стали мы обнаруживать то, о чем прежде совсем не заботились. Мы поняли, что, какова бы то ни была местность, в которой мы находимся, мы в течение долгого времени не сможем значительно продвинуться вперед. После пятимесячного с лишком нашего путешествия погода стала меняться. Мы видели по природе, что находимся в таком климате, где

наравне с летом бывает и зима, хотя и не похожая на зиму нашей родины. Предстоял период дождей 113. А в это время нельзя путешествовать как из-за самих дождей, так и из-за вызываемых ими повсеместных разливов. Хотя мы уже с дождливыми периодами познакомились на острове Мадагаскар, но с начала путешествия мы о них как-то не думали; ведь мы выступили в путь около времени солнцестояния, то есть тогда, когда солнце было дальше всего к северу от нас, и этим обстоятельством в пути и воспользовались. Но теперь солнце быстро приближалось к нам, и начало дождить. По этой причине мы созвали общую сходку, на которой обсудили положение: идти ли на вперед или выбрать на берегу нашей Золотой рек столь счастливой для нас, подходящее место и там разбить становище на зиму?

В общем, было решено оставаться на месте. Это было немалой причиной наших удач, как вы увидите в соответствующем месте.

Решивши так, мы сразу же поставили наших негров на работу, на постройку хижин или домов для жилья. Они очень ловко управились с этим. Только мы переменили первоначально намеченное место, полагая - и так оно и оказалось - что река может залить его при внезапном дожде. Становище наше было подобно небольшому городу, посреди которого стояли наши хижины. В середине их была одна, в которую выходили все наши отдельные жилища, так что единственный путь для каждого в свое помещение вел через общественный шатер. В нем мы вместе ели и пили, сходились и держали советы. Наши плотники понаделали нам столов, скамей и табуретов во множестве, сколько могло нам понадобиться.

Очаги не нужны были нам, - было достаточно жарко и без огня. Но, в конце концов, мы были вынуждены по особой причине поддерживать каждую ночь костер. Хотя во всех остальных отношениях место было и приятное и удобное, но здесь непрошенные хищные звери тревожили нас, пожалуй, даже больше, чем в самой пустыне. Так как олени и прочие травоядные животные сходились сюда для прикрытия и прокорма, то львы, тигры и леопарды посещали эти места ради добычи.

Мы, обнаруживши это, сперва так встревожились, что подумали даже о перемене места. Но после многих споров решили так укрепиться, чтобы оказаться в полной безопасности. Этим занялись наши плотники. Сперва они огородили все наше становище вокруг длинными шестами, ибо дерева

было у нас достаточно. Шесты эти были воткнуты друг возле друга не в правильном порядке, как и изгороди, но вразбивку. Их было великое множество; в толщину они составляли около двух ярдов, причем одни были выше, другие ниже, - все заостренные на верхушке и в футе расстояния друг от друга. Прыгни через них какая-нибудь тварь, она повисла бы на двадцати или тридцати кольях, разве только она начисто перемахнула бы через них, но это было очень трудно.

Вход был усажен еще большими шестами, так расположенными, что они образовали три или четыре крутых поворота; по этим поворотам не могло пройти ни одно четвероногое размером больше собаки. Для того чтобы какая-нибудь стая не напала на нас и не потревожила бы наш сон, чтобы нам не пришлось тратить боевое снаряжение, которое мы скупо берегли, - мы поддерживали каждую ночь перед входом в изгородь большой костер. А для двух часовых, находившихся против костра, в самом входе была сделана хижина, прикрывавшая их от дождя.

Для поддержания костра мы нарубили огромное количество дров и сложили их грудой для просушки. Из зеленых ветвей мы сделали вторую покрышку для хижины; покрышка была так высока и плотна, что впитывала в себя весь дождь, и мы оставались всегда в сухости.

Едва управились мы со всей этой работой, как пошли такие яростные и непрерывные дожди, что у нас не было почти возможности ходить на охоту. Понятно, нашим неграм, не носившим одежды, дожди были нипочем. Но для нас, европейцев, нет ничего более опасного в этом жарком климате.

В этом положении пребывали мы четыре месяца, то есть от середины июня до середины октября. Ибо хотя дожди прошли, или, по крайней мере, к равноденствию прошла главная их ярость, мы все же решили, так как солнце было над нашими головами, несколько подождать, покуда оно хоть немного отойдет к югу.

Во время всей стоянки у нас было много приключений с хищниками. Не поддерживай мы постоянно костра, неизвестно, укрыл ли бы нас забор, хотя мы и укрепили его впоследствии двенадцатью или четырнадцатью рядами шестов, если только не более. Тревожили хищники нас всегда по ночам; они иногда являлись в таких количествах, что казалось, будто все

львы, тигры, леопарды и волки Африки собрались напасть на нас. Наутро, после одной светлой лунной ночи, часовой сообщил нам, что мимо нашего маленького становища прошло, как он совершенно твердо уверен, до десяти тысяч различного рода хищников. Завидевши огонь, эти хищники отступили, но, уж во всяком случае, проходя мимо, выли или ревели и издавали всевозможные звуки.

Эта музыка ни в коей степени не была приятна для нас; она подчас была настолько нестерпимой, что не давала нам спать. Частенько часовые вызывали всех бодрствующих выйти наружу и поглядеть. Однажды они всерьез вызвали всех нас в ветреную бурную ночь, сменившую дождливый день. Тогда сбежалось к нам такое неисчислимое количество этих чертовых созданий, что наши часовые уже решили, что они нападут на нас. Звери не подходили к той стороне, где был огонь, и, хоть мы считали себя в безопасности, мы все же поднялись и взялись за оружие. Светила почти полная луна, но небо было усеяно летучими облаками, и ужас ночи довершала какая-то странная буря. Оглянувшись на заднюю сторону нашего становища, я увидел внутри наших укреплений какого-то метавшегося зверя. Он, действительно, кроме своих задних лап, был весь уже внутри. Он, как оказалось, сделал прыжок с разбега, переметнулся через всю нашу изгородь, но напоролся на крайний кол, который был выше остальных. Всей своей тяжестью зверь повис на шесте, и острие кола вошло ему в одну из задних ляжек с внутренней стороны. Так висел он, ревя и грызя дерево от ярости. Я выхватил копье у стоявшего рядом со мною негра, подбежал к зверю и, нанеся ему три или четыре удара, прикончил его; я не хотел стрелять, так как задумал дать залп по остальным хищникам, которые, я видел, плотно толпились снаружи, точно стадо буйволов, которых гонят на ярмарку. Я вызвал наших и показал им все увиденные мной предметы ужасов. Без долгих рассуждений мы дали по зверям общий залп, причем большинство наших мушкетов было заряжено двумя или тремя жеребейками или пулями зараз. Среди зверей произошла ужасная суматоха, и они пустились со всех ног убегать. Лишь некоторые из них отходили более важно и торжественно, чем прочие, будучи меньше напуганы шумом и огнем. Мы разглядели также некоторых валявшихся, очевидно, в предсмертных корчах на земле, но мы не посмели выйти наружу, чтобы ближе посмотреть на них.

Хотя хищники бежали, мы всю ночь слышали ужасающий рев; то, должно быть, ревели раненые. Лишь только рассвело, мы вышли

поглядеть, какое побоище мы произвели. Зрелище, действительно, было странное. Насмерть убито было нами три тигра и два волка, не считая того хищника, которого я убил в изгороди и который оказался каким-то ублюдком, чем-то средним между тигром и леопардом 114. Кроме того, в живых остался благородный старый лев, у которого были перебиты передние лапы; он не мог убраться прочь, всю ночь бился и этим чуть не уморил себя. Мы решили, что спать так сильно мешал нам своим громким ревом именно этот раненый воин. Наш лекарь глянул на льва и улыбнулся.

- Вот, - говорит он, - будь я уверен, что этот лев окажется так же милостив ко мне, как один из предков его величества к римскому рабу Андроклу 115, я непременно вложил бы в лубки обе его лапы и вылечил бы его. Истории Андрокла я не слыхал, и лекарь тут же подробно рассказал мне ее. Мы же указали лекарю, что единственный способ узнать, как поступит лев - это вылечить его и положиться на его благородство. Но лекарь в это благородство не верил и, чтобы покончить со львом и избавить его от мук, он выстрелил ему в голову и убил его. С той поры мы всегда называли нашего лекаря цареубийцей.

Наши негры нашли на некотором расстоянии от становища еще не менее пяти павших от ран хищников, среди них оказался один волк, один превосходный пятнистый молодой леопард, а остальные - такие звери, что мы не знали даже, как они называются.

Хищники еще не раз сходились к нам впоследствии, хотя подобные массовые их свидания возле нас больше не повторялись. Но все это имело для нас дурное следствие: хищники отогнали от нашего становища оленей и других животных, общества которых мы желали значительно больше и которые были нам необходимы для существования. Как бы то ни было, наши негры все же каждый день ходили на охоту, и не бывало почти дня, чтобы они чего-нибудь не принесли с собою. В частности же мы обнаружили в этих краях множество дикой птицы, какая водится и в Англии: уток, чирков, свищей и так далее, также гусей и также много других еще никогда не виденных нами птиц. Эту дичь мы частенько били. В реке мы также ловили много свежей рыбы, так что в съестном не нуждались. Если мы в чем-нибудь и нуждались, так это в соли. Ее у нас оставалось немного, и мы расходовали ее бережно; наши негры в рот ее не брали и очень неохотно ели все, что было приправлено ею.

Теперь погода стала улучшаться, дожди прошли, потоки уменьшились, и солнце, перешедшее через зенит, продвинулось на изрядный кусок к югу. Мы приготовились пуститься в дальнейший путь.

Двинулись мы вперед двенадцатого октября или около того. Так как местность, по которой пролегал наш путь, была, в общем, удобна и обильно снабжала нас пищей, хотя все еще не имела обитателей, то шли мы бодрее и покрывали иногда, как вычислили, двадцать или двадцать пять миль в день. За одиннадцать дней ходьбы мы не останавливались ни разу, если не считать одного дня, когда мы строили плот, чтобы переправиться через речку, набухшую от дождей и еще не опавшую.

Переправившись через эту речку, кстати, также протекавшую на север, мы встретили на пути большую гряду холмов. Правда, далеко направо мы увидели открытую местность, но так как мы точно держались своего курса - прямо на запад, то не пожелали отклониться значительно от пути для того только, чтобы избежать нескольких холмов. Поэтому мы прошли прямо. Но тем более были мы удивлены, когда один из наших, вместе с двумя неграми опередивший нас, в то время как мы еще не добрались до вершины, воскликнул: “Море! море!” 116 - заплясал и запрыгал от радости.

Пушкарь и я очень удивились этому, так как еще утром вычисляли, что до морского берега не менее тысячи миль и что нечего надеяться добраться до него раньше следующего дождливого сезона. Поэтому, когда тот закричал “море”, пушкарь рассердился и сказал, что тот, кто кричал, сошел, видимо, с ума.

Но оба мы удивились так, что больше удивиться невозможно, когда, взобравшись на вершину холма, хоть и было это очень высоко, не увидали ничего, кроме воды, как перед собою, так и справа и слева. Ибо то было огромное море, не ограниченное ничем, кроме как горизонтом.

Мы спустились с холма со смущенными мыслями, будучи не в состоянии понять, где мы, так как все наши карты показывали, что море находится еще на большом расстоянии.

От холмов до берега, или края моря, не было и трех миль, и, добравшись туда, мы обнаружили, что вода пресная и приятная на вкус. Словом, мы не знали, на что решиться. Море, каковым мы его считали, совершенно

преграждало нам путь (я подразумеваю на запад), ибо лежало на самой нашей дороге. Тотчас же возник вопрос, в какую сторону поворотить, - в правую или в левую, но он быстро разрешился. Ибо, не зная размеров озера, мы считали, что наш путь, если это действительно море, должен идти к северу и тем самым, какое бы расстояние мы ни прошли к югу, на такое же расстояние мы отдаляемся от нашей цели. Так, проведши изрядную часть дня в удивлении по этому поводу и в совещаниях, что предпринять, мы выступили к северу.

Мы шли по берегу этого моря добрых двадцать три дня, прежде чем могли понять, что же это такое на самом деле. Однажды рано поутру один из наших моряков закричал: “Земля!” И это не было ложной тревогой, ибо мы ясно видели вершины каких-то холмов на очень большом расстоянии, по той стороне воды, прямо к западу. Но хоть это и успокоило нас в том смысле, что перед нами не океан, а внутреннее море или озеро, мы все же к северу не видели земли или, вернее, не видели конца воде и должны были пройти еще восемь дней или, приблизительно, еще сто миль, покуда добрались до конца озера. И тут мы обнаружили, что это озеро или море заканчивается очень большой рекой, текущей на север или на север с уклоном на восток, подобно той реке, о которой я уже говорил раньше.

Мой друг, пушкарь, поразмыслив, сказал, что, видимо, прежде он ошибался и что это на самом деле река Нил, но что он по-прежнему разделяет общее наше мнение о невозможности плыть этим путем в Египет. Потому мы решили пересечь реку, что, однако, было не так легко, так как река текла очень быстро и притом в очень широком русле.

Поэтому нам целую неделю пришлось устраивать перевозку на тот берег как самих себя, так и нашего скота, ибо хотя деревьев здесь было много, но ни одно не было достаточно велико для того, чтобы сделать из него каноэ.

В продолжение нашего пути по берегу этой реки мы очень устали и потому проходили меньше миль в день, нежели прежде, так как огромное количество речонок с восточных холмов впадало в этот залив. И воды их были высоки, так как дожди прошли только недавно.

За последние три дня пути мы встречали кое-каких обитателей, но узнали, что живут они на холмах, а не на берегу воды. Но и нас на пути подогнало к ней, так как за четыре или пять дней мы не имели никакой

добычи, кроме рыбы, которую выуживали из озера, да и той было уже не такое количество, какое бывало раньше.

Но зато, как бы в виде воздаяния за все наши бедствия, на всем протяжении этого озера нас не потревожил ни один дикий зверь. Единственной неприятностью этого рода было встреченное нами в сырых местах возле озера безобразное ядовитое отвратительное пресмыкающееся, или змея 117. Она не раз преследовала нас, точно собираясь напасть, а когда мы били ее или что-нибудь бросали в нее, она подымалась и шипела так громко, что ее было слышно далеко. Вид у нее и голос были адские и мерзкие, и наших никак нельзя было разубедить в том, что это дьявол. Только мы никак не могли понять, что делать сатане здесь, где нет людей.

Было весьма примечательно то, что мы уже прошли тысячу миль, не встретивши никого, в самом сердце африканского материка, там, где, наверняка, не ступала человеческая нога с тех пор, как сыны Ноя распространились по лицу всей земли. В этих, кстати, местах наш пушкарь сделал наблюдения градштоком 118, чтобы определить широту места, где находились мы, и обнаружил, что мы, после того как шли к северу около тридцати трех дней, находимся на шести градусах двадцати двух минутах южной широты.

Перейдя с великими трудностями эту реку, мы попали в странную дикую местность, которая несколько испугала нас. Правда, то была не пустыня с сухим раскаленным песком, какую мы пересекали прежде, а местность гористая и бесплодная и переполненная самыми свирепыми хищными зверями, которых было больше, чем где бы то ни было на нашем пути. На поверхности почвы торчала, правда, жесткая трава, да время от времени попадалось несколько деревьев или, вернее, кустов. Но людей мы не видали и стали сильно уже беспокоиться о съестном, так как давно уже не убивали четвероногих, а жили, главным образом, рыбой и птицей, - все у берегов воды, - теперь же не видели ни того, ни другого. Но более всего смущало то обстоятельство, что здесь нельзя было сделать запасов, как прежде, но приходилось выступить с немногими припасами и без уверенности в том, что удастся пополнить их.

Как бы то ни было, помочь нам не могло ничего, кроме терпения. Убивши несколько птиц и провяливши несколько рыб, так, чтобы урезанного пайка хватило бы на пять дней, мы решили отважиться на

переход и двинулись в путь. И, видно, не беспричинно предчувствовали мы опасность, так как шли все пять дней, не встретивши ни рыбы, ни птицы, ни четвероногого, мясо которого было бы годно в пищу, и уже с ужасом предвидели, что умрем с голоду. На шестой день мы почти постились: съели все крохи того, что осталось, и к ночи улеглись на свои циновки, не поужинав, с тяжелым сердцем, а на восьмой день были вынуждены убить одного из наших верных бедных слуг, одного из буйволов, несших нашу поклажу. Мясо этого животного было очень приятно на вкус, и ели мы его так расчетливо, что его хватило нам как раз на три с половиною дня. И тут уже собирались мы зарезать второго буйвола, как увидали перед собой местность, сулившую лучшее, так как была она покрыта высокими деревьями, и в самой середине ее прорезала большая река.

Это приободрило нас, и мы поспешили к берегу реки, хотя на пустой желудок шли мы почти в беспамятстве и ослабелые. Но прежде еще, чем добрались мы до реки, мы, на наше счастье, повстречали молодых оленей, то есть то, о чем мечтали уже давно. Словом, убивши трех оленей, мы стали набивать себе брюхо; не давши даже времени мясу остыть, сожрали его. Да хорошо еще было, что мы хоть убили оленей, а не сожрали их живьем, так как мы, попросту говоря, почти умирали с голоду.

По всему этому негостеприимному краю встречали мы беспрестанно львов, тигров, леопардов, цибетовых кошек и множество всяческих животных, нам не знакомых. Слонов мы не видали, хотя от поры до времени натыкались на лежащие на земле слоновые клыки, и иные из них выглядывали, полузарытые, из земли, - такое количество времени пролежали они здесь.

Придя к берегу реки, мы обнаружили, что и она течет на север, как и все прочие, с той только разницей, что в то время как направление тех было на север через восток или на северо-северо-восток, направление этой было на северо-северо-запад.

На дальнем берегу реки завидели мы кое-какие признаки поселенцев; но в первый день не встретили никого. На второй день мы вступили в населенную местность, жители которой были все негры и без всякого стыда ходили голыми одинаково - и мужчины, и женщины.

Мы делали им дружественные знаки и убедились, что народ этот очень

смел, любезен и дружелюбен. Они подошли к нашим неграм без всяких подозрений, и не было также оснований подозревать их в каком-нибудь коварстве, как бывало с другими. Мы сделали знаки, что голодны, и тотчас же несколько голых женщин сбегали куда-то и принесли нам множество кореньев и нечто вроде пышек, которые мы ели без всякого разбора. Затем наш искусный мастер показал им кой-какие из сделанных им безделушек - железные, серебряные и золотые. У тех хватило рассудительности на то, чтобы предпочесть серебряные железным. Но, показавши им золото, мы обнаружили, что его они ценят меньше, чем серебро или железо.

За несколько этих вещиц они принесли нам еще съестного и еще три живых существа, величиною с телят, но только не той породы. Подобных мы никогда еще не видели. Мясо их было очень вкусно. А потом туземцы пригнали нам еще дюжину таких же существ и каких-то мелких созданий, вроде зайцев. Все это было нам как нельзя более приятно, так как у нас и вправду совсем плохо обстояло дело с пропитанием.

С народом этим мы сошлись близко, и действительно это был самый любезный и самый радушный народ, какой мы когда-либо встречали, и мы им также очень понравились. И, что было очень странно, они много легче понимали нас, нежели те туземцы, которых мы встречали прежде.

Наконец, мы стали расспрашивать их о дальнейшем нашем пути, указывая на запад. Они легко дали нам понять, что этим путем мы идти не можем, но показали нам, что мы можем двинуться на северо-запад, так что мы поняли, что на нашем пути встретится еще одно озеро 119, и это в дальнейшем оказалось действительно верным, ибо через два дня мы ясно увидали его, и оно преграждало нам путь, покуда не перешли мы равнодействующую линию.

В продолжение всего нашего пути лежало оно у нас по левой руке, хотя и на большом расстоянии. Так шли мы к северу, и наш пушкарь был сильно озабочен нашим путешествием. Ибо он уверил всех нас и мне объяснил при помощи карт, - понимать которые он учил меня, - что, когда мы дойдем до широты в шесть градусов к северу от экватора, земля отступит от нас к западу на такое расстояние, что до морского берега мы сможем добраться только пройдя на тысячу пятьсот миль больше, нежели если мы пойдем прямо к стране, которую хотим достичь. Я спросил пушкаря, не встретим ли мы по дороге судоходных рек, впадающих в

западный океан; по их течению сможем мы проплыть, будь там и тысяча пятьсот миль или даже вдвое больше, лишь бы хватило нам съестных припасов.

Тогда он снова развернул передо мной карты и показал, что по дороге не видно никакой реки, которая - по протяжению своему - могла бы быть нами использована, разве только, что в двухстах или трехстах милях от побережья. Единственное исключение, пожалуй, только Рио-Грандэ 120, как ее называют; эта река расположена к северу от нас, по крайней мере, на семьсот миль, да и то он не знает, через какие края нам придется проезжать по этой реке. Ибо, сказал он, по его мнению, жара к северу от экватора невыносимая и вся местность более бесплодна, опасна и дика, нежели местность, лежащая на той же широте, к югу от экватора. И если мы попадем к неграм северной части Африки, ближе к морю, особенно к тем, кто знал и торговал с европейцами - голландцами 121, англичанами 122, испанцами 123 и так далее - то большинство этих негров так в то или другое время пострадало 124 от них, что наверняка выместят на нас всю свою накопившуюся против европейцев злобу.

На основании всех этих соображений пушкарь и присоветовал, чтобы мы, как только минуем озеро, повернули бы немедленно на юго-западо-запад, то есть, чтобы немного отклониться к югу, и тогда в надлежащий срок мы наверняка выйдем к великой реке Конго 125, по которой и побережье также называется Конго. Это побережье расположено несколько к северу от Анголы, куда сперва мы намеревались идти.

Я спросил его далее, бывал ли он когда-нибудь на побережье Конго. Он сказал, что да, бывал, но никогда не сходил на берег. Тогда я спросил, как попадем мы к побережью, куда приходят европейские суда. Ведь раз страна на тысячу пятьсот миль отклоняется к западу, нам придется пройти весь этот берег, прежде чем обогнуть западную оконечность его.

Он сказал мне, что десять против одного за то, что мы встретим какой-нибудь европейский корабль, который подберет нас, так как европейские корабли часто посещают побережья Конго и Анголы для торговли с неграми. А если и не встретим корабля, то, - если мы только добудем там продовольствия, - сможем пройти вдоль по берегу не хуже, чем вдоль реки, покуда не дойдем до Золотого Берега 126, который, - сказал он, - лежит не далее, как на четыреста или пятьсот миль к северу от Конго, не считая

изгиба материка к западу еще на триста миль. Этот Золотой Берег расположен на широте в шесть или семь градусов, и на нем имеются сеттлементы 127 или фактории 128 англичан, голландцев или французов, а может, и то и другое, и всех трех одновременно.

Признаюсь, я склонялся скорее, - вопреки всем его доказательствам, - к тому, чтобы идти на север и поплыть по Рио-Грандэ или, как торговцы называют его, Рио-Нэгро, или Нигеру. Я знал, что эта река, в конце концов, выведет нас к Зеленому Мысу 129; где помощь нам обеспечена, в то время как до побережья, к которому мы теперь направлялись, нам предстояло еще проделать как водою, так и сушею изрядный путь; причем не было уверенности в том, что нам удастся без насилия добыть себе съестных припасов. Но в то время я придержал язык, дабы не оспаривать своего наставника.

Но когда, по его желанию, мы должны были, пройдя второе большое озеро, свернуть к югу, наши стали волноваться и поговаривать, что теперь-то мы наверняка сбились с пути, что уходим мы прочь от дома и что и так достаточно удалились от него.

Но мы шли не более двенадцати дней, из которых в течение восьми мы огибали озеро, а в течение четырех - продвигались на юго-запад для того, чтобы попасть к реке Конго, как принуждены были решительно остановиться, так как вступили в край столь пустынный, страшный и дикий, что не знали просто, о чем подумать и что предпринять. Не говоря уже о том, что местность представляла собой ужасную и безграничную пустыню, - без лесов, деревьев, рек и обитателей; подобно тому, как и находились мы в необитаемых местах, мы к тому же оказались лишенными возможности добыть для себя съестных припасов, которых хватило бы для того, чтобы пересечь эту пустыню, как поступили мы перед тем, как пересекли первую пустыню.

В результате нам не оставалось ничего другого, как только вернуться на четыре дня пути обратно, туда, где мы обогнули озеро.

И все же, несмотря на все эти соображения, мы отважились идти дальше. Ибо для людей, прошедших такие дикие места, какие прошли мы, не было вообще ничего слишком отчаянного, на что нельзя было бы решиться. Итак, мы отважились и главным образом потому, что на пути в большом

отдалении видели высокие горы и воображали, что, где горы, там должны быть и ключи и реки, а где реки, там должны быть деревья и травы, а где деревья и трава, там должен быть скот, а где скот, там должны быть и какие-нибудь люди. Наконец, вследствие таких умозаключений, мы вступили в пустыню, располагая большим запасом кореньев и разных растений, каких надавали нам туземцы вместо хлеба, а также весьма небольшим количеством мяса, соли и совсем малым запасом воды.

Мы шли два дня по направлению к возвышенностям, но они, казалось, оставались по-прежнему в том же отдалении, как и раньше, и лишь на пятый день мы добрались до них. Правда, продвигались мы вперед очень медленно, потому что было исключительно жарко, и мы находились возле самой линии равноденствия.

Наш вывод о том, что, где находится возвышенность, там должны быть ключи, оказался правильным. Но мы были не только удивлены, но даже испуганы, когда первый же ключ, к которому мы подошли и который на вид был чист и прекрасен, оказался солон, как морская вода. Это было для нас ужасным разочарованием, наведшим на печальные размышления о будущем. Но пушкарь, человек, которого ничем не смутишь, сказал нам, что нечего тревожиться, что, наоборот, нужно благодарить судьбу, ибо соль - добыча для нас не менее заманчивая, чем, что бы то ни было, другое, и нет сомнений в том, что в дальнейшем мы найдем еще и пресную воду, как нашли уже соленую. А тут вмешался еще и наш лекарь и ободрил нас словами о том, что, если мы не знаем, он покажет нам, как сделать из соленой воды пресную. Это, понятно, подняло общее настроение, хотя и не понимали мы, как он это сделает.

Тем временем наши, не дожидаясь приказа, искали в окрестности других ключей, и нашли их много, но все они также были соленые. Из этого мы заключили, что в этих горах должна быть соляная скала или минеральная руда, а может, и все горы были из соли. Но я все же не мог понять, каким волшебством искусный наш лекарь превратит эту соленую воду в пресную, и все томился, как бы поскорее увидеть опыт, - странный, по правде говоря. Но лекарь взялся за дело так уверенно, точно проделывал его уже на этом самом месте. Он взял две большие циновки и сшил их. Образовалось что-то вроде мешка, в четыре фута шириною, три с половиной длиною и, приблизительно, полтора фута толщиною после наполнения.

Затем он велел нам наполнить этот мешок сухим песком и умять его возможно плотнее, но так, чтобы не порвать циновок. Когда таким образом мешок был наполнен, так что до края оставалось пространство с фут, он набрал какой-то другой земли и, заполнив это пространство, утоптал мешок, как мог плотнее. Управившись с этим он проделал в верхнем слое отверстие, шириной с тулью большой шляпы или немного шире, но не такое глубокое, и приказал негру наполнить его водой, а как только вода просочится, наливать снова и проделывать это все время, дабы отверстие оставалось беспрерывно заполненным. Еще до этого он положил мешок на два обрубка дерева, примерно, в один фут высоты над землей, а под мешком приказал разложить какую-нибудь шкуру, непроницаемую для воды. Приблизительно через час, не ранее, из-под низа мешка начала капать вода и, к нашему великому удивлению, оказалась она совершенно пресная и вкусная, и так продолжалось много часов. Лишь под конец вода стала несколько солоновата. Мы сказали об этом лекарю.

- Ну что ж, - отвечал он, - вытряхните песок и наложите новый.

Откуда взял он этот опыт - из собственного ли воображения или прежде видел его - не помню.

На следующий день мы поднялись на вершины гор. Вид оттуда был действительно поражающий, ибо насколько только хватал человеческий взгляд, на юг или запад, или северо-запад, простиралась обширная дикая пустыня без деревьев, без рек, без какой бы то ни было зелени. Поверхность, подобно пройденным нами накануне местам, была покрыта чем-то вроде толстого мха, черновато-мертвенного цвета, но не видно было ничего, что могло бы послужить пищей для человека или животного.

Будь у нас достаточно съестных припасов да пресной воды для того, чтобы десять или двадцать дней идти по этой пустыне, у нас хватило бы, пожалуй, мужества пуститься в путь, если бы даже пришлось потом возвращаться, ибо не было у нас уверенности в том, что к северу не встретим мы того же. Но у нас припасов не было, а местность была такая, что здесь их невозможно было достать. У подножья гор мы убили несколько диких животных, но только два из них, каких мы раньше никогда не видали, оказались годными в пищу. Животные представляли собой нечто среднее между буйволом и оленем, но не походили ни на того, ни на другого в отдельности; рогов у них не было, ноги были огромные,

как у коровы, тонкие голова и шея, точно у оленя 130. Убили мы также, в разные времена, тигра, двух молодых львов и волка, но, к счастью, еще не дошло до того, чтобы питаться мясом хищников.

После того, как мы увидали это страшное зрелище, я возобновил свое предложение повернуть к северу и направиться к реке Нигеру, или Рио-Грандэ, а там повернуть на запад к английским сеттлементам, расположенным на Золотом Берегу. Все охотно согласились с предложением, кроме пушкаря, который действительно был нашим лучшим проводником, хотя на этот раз и ошибся. Он выдвинул такое предположение: раз наш берег расположен на север, то мы можем взять немного наискось, на северо-запад, и там, пересекая страну, быть может, доберемся до какой-нибудь реки, которая или впадает на север в Рио-Грандэ или течет на юг к Золотому Берегу. Такой путь облегчил бы нам трудности. Ведь если страна обитаема и плодородна, то только на берегах рек, и только там можем мы запастись продовольствием.

Совет был хорош и настолько благоразумен, что трудно было не согласиться с ним. Но первой нашей задачей было как-нибудь выбраться из ужасного места, в котором мы находились. Позади нас была пустыня, которая уже стоила нам пяти дней дороги, но теперь у нас не оставалось достаточно припасов, чтобы проделать обратно такой же путь. Но цепь гор, на которых мы находились и которые, очевидно, шли к северу, на изрядный конец обнаруживала кое-какие признаки плодородия, и мы решили поэтому пуститься вдоль ее подошвы по восточной стороне и идти до тех пор, покуда только сможем, и тем временем старательно выискивать пищу.

Таким образом, мы и пустились в путь на следующее же утро, так как мы не могли терять долее времени, и, к величайшему нашему утешению, в первый же утренний переход добрались до превосходных ключей пресной воды. Чтобы не испытывать недостатка в ней в дальнейшем пути, мы наполнили ею все наши пузыри-бутыли, какие несли с собой. Должен также заметить, что наш лекарь, превративший соленую воду в пресную, воспользовался тогда представленной возможностью - солеными ключами - и наготовил нам запас в три или четыре гарнца 131 очень хорошей соли.

В третий переход мы получили неожиданную возможность запастись и пищей, так как холмы кишели зайцами. Последние несколько отличались

от наших английских зайцев, - были больше и не так прытки, но их мясо было превкусным. Мы настреляли их много. Маленький ручной леопард, которого мы захватили в разгромленном нами негритянском городке, охотился за ними, как собака, и каждый день бил их для нас, но сам он не ел их, разве только если ему давали, что, по правде говоря, при наших обстоятельствах, было очень любезно с его стороны. Зайцев мы засолили и потом всей тушей провялили на солнце и таскали за собой странную поклажу. Думается мне, запасли мы без малого сотни три, так как мы не знали, попадутся ли нам еще зайцы или какая-нибудь другая пища. Мы с большими удобствами шли по этим возвышенностям еще восемь или девять дней, когда увидали, к великому своему удовлетворению, что местность перед нами приобретает несколько лучший вид. Что же касается до западной стороны холмов, мы не исследовали ее до того дня, когда трое из наших - остальные остановились передохнуть - снова взобрались на холмы, чтобы удовлетворить свое любопытство. Они увидели, что местность все прежняя и не видно ей конца, в частности, и к северу, - путь, который мы держали. Так, на десятый день, увидев, что возвышенность заворачивает и ведет прямо в обширную пустыню, мы оставили ее и продолжали наш путь на север. Местность хотя и была несколько пустынна, но не утомительно однообразна. Так мы добрались, по наблюдениям нашего пушкаря, до широты в восемь градусов и пять минут, и на этот путь у нас ушло девятнадцать дней.

В продолжение всего этого пути мы не встречали людей, но зато видели немало диких хищных зверей, к которым так привыкли, что уже больше почти не обращали на них внимания. Мы каждое утро и ночь видели в изобилии львов, и тигров, и леопардов, но, так как они редко приближались к нам, мы предоставляли им идти по своим делам. Если же они пытались приблизиться, мы давали холостой выстрел из любого незаряженного мушкета, и они уходили сразу же, только завидевши огонь.

Пища у нас в продолжение всего этого пути была разнообразна: так, подчас мы били зайцев, подчас каких-то птиц, но я ни за что не мог бы назвать их, за исключением одной птицы вроде куропатки, и другой - похожей на нашу горлицу. Время от времени нам попадались стада слонов. Эти создания прохлаждались главным образом в лесистых частях местности.

Этот продолжительный переход сильно утомил нас, и двое из наших

тяжело заболели; мы решили, что они умрут; а один из наших негров умер внезапно. Наш лекарь сказал, что это апоплексический удар 132, но добавил, что удивляется, откуда он взялся, ибо на чрезмерное питание пожаловаться не может. Другой негр был также очень болен. Но наш лекарь с большими хлопотами убедил его, или даже вернее, принудил позволить пустить себе кровь, после чего он выздоровел.

Здесь мы задержались на двенадцать дней ради наших больных, и наш лекарь уговорил меня и еще трех или четырех наших пустить себе кровь в продолжение стоянки. Это средство, в добавление к лекарствам, которые он дал нам, в значительной степени поддержало наше здоровье в столь тяжелом переходе и при столь жарком климате.

В продолжение всего перехода мы каждую ночь разбивали свои циновочные палатки, и это было нам весьма удобно; мы делали это, хотя в большинстве случаев у нас были для покрова деревья и леса. Нам казалось очень странным, что во всех этих местах мы все еще не встречаем населения. Но главною причиною этого являлось то обстоятельство, что как мы узнали впоследствии, держа путь сперва на запад, а потом на север, мы зашли слишком глубоко внутрь страны, в пустыню, в то время как туземцы живут главным образом между рек, озер и низин, как к юго-западу, так и к северу.

Встреченные нами на пути маленькие речонки были так маловодны, что воду в них можно было видеть разве только в колдобинах, и то немногим больше, чем в обычной луже. И, в сущности, скорее они служили лишь признаком того, что в дождливые месяцы речонки эти имеют видимое русло. Но по этому же признаку мы легко могли понять, что нам предстоит еще немалый путь. Но это нас не пугало, поскольку у нас имелись еда и сносный над головою кров от ужасной жары, которая, думаю я, была теперь много сильнее, нежели когда солнце стояло прямо над нашими головами.

Когда наши оправились от болезни, мы снова пустились в путь, изрядно запасшись пищей и водой. Мы несколько отклонили наш путь от севера и направились позападнее в надежде встретить речку, которая могла бы поднять каноэ. Но такую реку мы нашли только после двадцати дней пути, включая сюда восьмидневный отдых. Дело в том, что наши очень ослабели, и потому мы часто отдыхали, особенно же охотно в таких

местах, где находили скот, птицу или еще что-нибудь годное в пищу. За эти двадцать дней пути мы продвинулись на четыре градуса к северу, не считая кое-какого меридионального перемещения на запад, и по дороге встречали множество слонов, а главным образом разбросанные в лесистых местах слоновьи клыки; валялись они там и сям, но в основном в лесистых местах, и некоторые из них были очень велики. Но они не были добычей для нас; мы искали пищи и обратной дороги из этих краев. С нашей точки зрения, лучше было встретить доброго жирного оленя и убить его, чтобы прокормиться, нежели найти сто тонн слоновых клыков. И все же, как вы сейчас услышите, добравшись до начала водного пути, мы стали подумывать о том, не построить ли нам большое каноэ для того, чтобы нагрузить его слоновой костью. Но то было, когда мы ничего не знали о местных реках, о том, как опасны и трудны предстоящие нам переходы по ним, и, наконец, не представляли себе, какой груз мы собираемся спустить на воду рек, которыми поплывем.

К концу двадцатидневного путешествия, как сказано, на широте в три градуса шестнадцать минут, мы открыли в долине, на некотором от себя расстоянии, вполне сносный поток, который, полагали мы, заслуживает названия реки и который шел в направлении на северо-северо-запад, то есть туда, куда нам нужно было. Так как мы сосредоточили все наши помыслы на водном пути, мы сочли этот поток за подходящее для подобного опыта место и направили путь прямо в долину.

На самом нашем пути стояла небольшая купа деревьев, мимо которой мы прошли, не подозревая ничего дурного, как внезапно один из наших негров был опасно ранен в спину стрелою, вонзившейся между плечами. Это обстоятельство заставило нас немедленно остановиться. И тут же трое наших совместно с двумя неграми, рассыпавшись по роще, - благо, она была невелика, - нашли негра с луком, но без стрел. Этот негр убежал бы, но наши, найдя его, застрелили в отместку за зло, которое он причинил нам. Так мы лишились возможности взять его в плен. Удайся же нам это и отошли мы его домой после ласкового с ним обхождения, мы заручились бы благосклонным отношением к нам его земляков.

Пройдя несколько дальше, мы добрались до пяти негритянских хижин или домиков, построенных совсем не так, как виденные нами прежде. Возле двери одной из хижин лежало семь слоновых клыков, сложенных у стены или бока хижины, точно для продажи. Мужчин не было, но было

семь или восемь женщин и около двадцати детей. Мы не применили к ним никакого насилия, а дали каждой из них по кусочку расплющенного, как я раньше рассказывал, серебра, вырезанного в виде ромба или в виде птицы, чему женщины обрадовались донельзя и надавали нам за это много пищи, причем какой именно - мы разобрать не могли; то было нечто вроде пирожков, которые они пекут на солнце и которые очень вкусны и сделаны из толченых в муку кореньев.

Мы прошли несколько дальше и разбили становище на ночь, не сомневаясь в том, что хорошее наше обращение с женщинами, безусловно, даст свои плоды, когда их мужья вернутся домой. Так и вышло.

На следующее утро женщины и с ними одиннадцать мужчин, пять мальчиков и две взрослые девушки явились в наше становище. Прежде чем подойти к нам, женщины закричали, издавая странный визгливый звук. Они хотели, видимо, вызвать нас, и мы вышли на зов. Тогда две женщины, показавши нам то, что мы дали им вчера, и, указывая на стоявшую позади них толпу, стали делать знаки, которые должны были обозначать дружбу. Тогда выступили мужчины, вооруженные луками и стрелами, положили их наземь, наскребли песка и посыпали им себе голову. Затем обернулись трижды, держа руки на макушке. Это, очевидно, должно было обозначать торжественную клятву в дружбе. После того мы руками поманили их к себе. Тогда они сперва прислали к нам мальчиков и девушек для того, очевидно, чтобы те дали нам еще пирожков и какие-то зеленые съедобные травы. Мы приняли подарки, а затем подняли на руки и расцеловали детей. После этого подошли к нам мужчины и, усевшись наземь, подали нам знак, чтобы мы сделали то же самое. Мы уселись. Они много о чем говорили друг с другом, но мы понять их не могли, не могли мы добиться и того, чтобы они поняли нас: ни того, куда мы направляемся, ни того, что нам нужно. Поняли они только то, что мы нуждаемся в пище. После этого один из них оглянулся туда, где в полумиле виднелась возвышенность, вскочил, точно испуганный, и бросился к месту, где были сложены луки и стрелы. Затем, схвативши лук и две стрелы, он, как беговая лошадь, понесся в направлении возвышенности. Добравшись туда, он выпустил обе стрелы и с той же быстротой вернулся к нам. Мы же, видя, что он вернулся с луком, но без стрел, стали допытываться, в чем дело. Туземец, ничего не отвечал нам, поманил с собой одного из наших негров; и мы приказали ему идти. Тогда туземец отвел его к тому месту, где лежало животное, похожее на оленя, пронзенное двумя стрелами, но не убитое насмерть, и вдвоем они

принесли его нам. То был подарок, и, надо сказать, подарок весьма желанный, так как оставшиеся у нас запасы были очень скудны. Эти туземцы ходили все совершенно голые.

На следующий день к нам пришли около ста человек, и женщины делали нам те же нелепые знаки, которые должны были показать их дружеские отношения к нам. Они плясали и всячески проявляли свою радость, оставивши под конец нам все, что имели. Мы и представить себе не могли, как мог тот человек в лесу так кровожадно и грубо стрелять в одного из наших, не попытавшись прежде вступить с нами в сношения, не могли понять этого, так как здешние жители были просты, добродушны и безобидны.

Отсюда мы двинулись вниз по берегам упомянутой мной речки, возле которой, как я узнал, мы должны были встретить весь негритянский народ. Только заранее мы не могли быть уверенными, насколько дружелюбно отнесется этот народ к нам.

Река долгое время оказывалась непригодной для каноэ, строить которое мы все время замышляли; и мы еще пять дней проходили окружающую местность, покуда наши плотники, видя, что поток все увеличивается, не предложили нам разбить становище и начать, наконец, делать каноэ. Но после того как мы принялись за дело - срубили два или три дерева и потратили пять дней на работу, несколько наших, прошедших дальше вниз по реке, сообщили нам, что поток скорее уменьшается, нежели увеличивается. Он растекается в песках или иссыхает от солнечного жара, так что река, очевидно, не сможет поднять и самого малого каноэ, какое может быть полезно нам. Таким образом, мы были вынуждены бросить начатое предприятие и двинуться дальше.

В дальнейшей части этого пути мы шли три дня прямо на запад, так как местность к северу была необычайно гориста и более бесплодна, чем все, что мы видели до сих пор, в то время как к западу мы обнаружили приятную долину, тянущуюся между двумя большими горными цепями. Горы имели вид ужасающий, так как на них не было ни деревьев, ни травы, и были они совершенно белы от сухого песка. В долине же имелись деревья, трава, кое-какие животные, годные в пищу, и некоторое население.

Мы проходили мимо их хижин или домов и видели возле них людей, но эти люди, как только замечали нас, убегали в горы. В конце этой долины мы вышли в населенную местность, но сперва призадумались, вступать ли в нее или же свернуть на север, к холмам. И так как цель наша, по существу, была прежняя - пробраться к реке Нигер, мы склонились к последнему, держа путь по компасу на северо-запад. Так шли мы без передышки еще семь дней.

Мы не старались завязывать сношения или знакомства со здешними обитателями, кроме тех случаев, когда мы нуждались в них для получения пищи или для того, чтобы получить указание о дороге. Так что, хотя мы и заметили, что край этот начинает становиться очень многолюдным, особенно по нашей левой руке, то есть к югу, мы тем круче придерживались северного направления, идя по-прежнему на запад.

На нашем пути нам попадались различные животные, которых мы убивали и съедали, и это всегда удовлетворяло всем нашим потребностям, хотя и не испытывали мы такой сытости, как тогда, когда выступили впервые. Итак, отклоняясь, чтобы избегать населенных местностей, мы, наконец, пришли к очень приятному и удобному потоку, недостаточно, однако, большому, чтобы называться рекой, и текущему на северо-северо-запад, то есть как раз в выбранном нами направлении.

На противоположной стороне этого ручья мы увидали несколько негритянских хижин и в небольшой низине растущий маис 133, или индийскую пшеницу. Это навело нас на мысль, что обитатели этой местности менее дики, нежели встреченные нами в тех местах, где мы побывали.

Мы двигались вперед целым караваном, и тут шедшие впереди наши негры закричали, что увидели белого человека. Мы сперва не очень удивились, так как считали, что парни попросту ошиблись, и спросили их, что они хотят сказать. Но один из них подошел ко мне и указал на хижину, расположенную на дальнем склоне холма, и я с удивлением увидал действительно белого человека, но совершенно обнаженного. Он возился у двери своей хижины и нагибался к земле, что-то держа в руке, точно работал над чем-то. Так как он был обращен спиной к нам, то нас не видел.

Я дал неграм знак не шуметь и подождал, покуда ко мне подойдут еще

наши, чтобы посмотреть и проверить, не ошибаюсь ли я. И мы вскоре убедились в этом, так как человек, услыхав какой-то шум, выпрямился, пристально поглядел на нас и пришел в такое же, естественно, удивление, как и мы, неизвестно только, от испуга ли или надежды.

Однако не он один увидал нас. Все остальные обитатели, окружавшие его хижину, сбились в одну кучу и издали глядели на нас, отделенных от них небольшой впадиной, по которой бежал ручей. И белый, как и все остальные, - так впоследствии рассказывал он сам, - не знал толком, оставаться ли ему на месте или бежать. Как бы то ни было, тут мне пришло на ум, что раз среди туземцев имеются белые, то нам много легче будет дать туземцам понять, чего мы хотим - мира или войны. Потому, привязавши какую-то белую тряпку на конец палки, мы послали с ней к речке двух негров с приказом нести эту палку возможно выше над головою. И нас немедленно поняли: двое туземных негров и белый подошли к противоположному берегу.

Однако так как белый не говорил по-португальски, они могли объясниться друг с другом только при помощи знаков. Но наши дали ему понять, что с ними идут белые люди, на что, по их словам, белый рассмеялся. Как бы то ни было, коротко говоря, наши вернулись и сообщили, что вошли в дружеские отношения с белым; через час, примерно, уже четверо наших, два негра и черный князек, направились к речке, и белый вышел к ним.

Не провели они там и четверти часа, как ко мне прибежал негр и сказал мне, что белый - инглээ 134, как называет себя. Тут же я помчался с негром назад к речке, можете быть уверены, достаточно рьяно, и убедился, что белый действительно англичанин, как говорит, он страстно обнял меня, и слезы струились по его лицу.

Это был человек средних лет, не старше тридцати семи или тридцати восьми, хотя борода его сильно отросла, и волосы его головы и лица покрывали ему до середины спину и грудь. Он был бел, и кожа его была очень тонка, хотя и обесцвечена, а в некоторых местах вздулась волдырями и покрылась какими-то темно-коричневыми чешуйчатыми струпьями, что было следствием опаляющего солнечного зноя. Он был совершенно голый и так ходил, как сказал нам, больше чем два года.

Он был так невероятно взволнован встречей с нами, что в продолжение целого дня не мог толком разговаривать. А когда он на время удалялся от нас, мы видели, что он расхаживает и проявляет всякие чудачливые признаки радости, с которой не в силах совладать. Да и впоследствии в продолжение многих дней, стоило кому-нибудь из нас или ему самому проронить слово о его освобождении, как слезы выступали у него на глазах.

Поведение его было таким вежливым и располагающим, какого я никогда не видел ни у кого, и во всем, что он делал или говорил, проступали явственные признаки изысканного хорошего воспитания, и все наши очень привязались к нему. Он был человек образованный и математик. Правда, по-португальски он говорить не умел, но он разговаривал по-латыни с нашим лекарем, по-французски с одним из моряков, по-итальянски с другим.

Наши разбили становище на берегу речки, как раз напротив жилища белого, и он стал осведомляться, каковы наши запасы съестного и как собираемся мы пополнить их. Узнавши, что запас наш мал, он сказал, что поговорит с туземцами, и у нас окажется достаточно еды. Ибо, сказал он, они самые хорошие и добродушные изо всех обитателей этой части страны, что доказывает хотя бы то обстоятельство, что он так благополучно живет среди них.

Первое же, что сделал для нас этот англичанин, действительно принесло нам много пользы, ибо он, во-первых, в точности сообщил нам, где именно мы находимся, и какой путь нам лучше всего держать, во-вторых, он научил нас, как добывать себе достаточно съестных припасов, и, в-третьих, он служил совершеннейшим нашим переводчиком и миротворцем в сношениях со всеми туземцами, которых стало немало вокруг нас, при чем то был народ более свирепый и развитой, нежели встречавшиеся нам ранее. Их не так легко было испугать нашим оружием, и не были они столь невежественны, чтобы отдавать свои съестные припасы и зерно в обмен на наши игрушки, какие, я уже сказал прежде, делал наш искусный мастер.

Это все я говорю о тех туземных неграх, в среду которых мы скоро попали. Что же до тех бедняков, среди которых он жил, они мало разбирались в вещах, так как жили на расстоянии больше, чем в триста миль от берега. Они только собирали на северных возвышенностях

слоновые клыки и относили их на шестьдесят или семьдесят миль к югу, где обычно встречались с другими торгующими неграми, и те давали им бусы, стекляшки, ракушки и каури 135, какие сами получали от европейских торговцев - англичан, голландцев и других.

Теперь мы стали сходиться ближе с новым нашим знакомым. И в первую же очередь, хотя сами имели жалкий вид в смысле одежды, - не имели ни обуви, ни чулок, ни перчаток, ни шляп и лишь малое количество рубах, - все же одели нашего англичанина, как могли. Наш лекарь, у которого были ножницы и бритвы, побрил его и подстриг ему волосы. Шляпы, как я сказал, в запасах наших не имелось, но он сам сделал себе, и весьма искусно, шляпу из куска леопардовой шкуры. Что же до башмаков или чулок, то он столько времени обходился без них, что не нуждался даже в полусапожках или ножных перчатках, какие я описал выше.

Как он любопытствовал выслушивать всю повесть о наших приключениях и был неимоверно захвачен рассказом о них, так и мы, в свою очередь, проявляли не меньшее любопытство к истории его приключений и к тому, как он один попал в это чуждое место и как дошел до состояния, в котором мы нашли его, как сказано. Отчет обо всем этом сам по себе был бы хорошим предметом для интересной книги, и он был бы, наверное, так же длинен и занимателен, как и отчет о наших приключениях, так как заключал бы в себе много странных и необычайных происшествий. Но у нас нет места, чтобы пускаться в столь длинное отступление. Суть истории вот в чем.

Он был фактором Английской Гвинейской Компании 136 в Сиерра Леоне 137 или каком-то другом сеттлементе, который затем захватили французы, забравши у него все его вещи заодно со всем, что было вверено ему Компанией. Потому ли, что Компания не возвратила ему отобранного у него, потому ли, что отказалась от дальнейших его услуг, он бросил эту службу и стал работать у тех, кого называет независимыми торговцами 138, а затем, лишившись службы и здесь, стал торговать за свой счет. Тогда-то, попав по неосмотрительности в один из сеттлементов Компании, он то ли был выдан в руки каких-то туземцев, то ли еще иначе, но, словом, попался им 139. Во всяком случае, так как они его не убили, он ухитрился вскоре спастись от них и бежал к другому туземному племени, которое враждовало с первым и потому по-дружески обошлось с ним; и здесь он прожил некоторое время. Но так как место пребывания или общество ему

не понравилось, он снова бежал и много раз менял хозяев. Иногда его умыкали силой, иногда его угонял страх - различные бывали обстоятельства (разнообразие их требует своей отдельной истории), покуда он не добрел до места, откуда возвратиться оказалось невозможным, и не поселился здесь, где его хорошо принял царек племени. Он же за это научил племя ценить продукты своего труда и запрашивать правильную цену у негров, которым они продавали слоновую кость.

Подобно тому, как был он гол и лишен всякой одежды, так же был он лишен и оружия для защиты. Не было у него ни мушкета, ни меча, ни дубины, ни вообще чего-либо, чем мог бы он обороняться от нападения хищных зверей, которыми была полна местность. Мы спросили его, как дошел он до такого полного безразличия к опасностям, угрожавшим его жизни. Он отвечал, что для него, так часто желавшего смерти, жизнь не стоила того, чтобы ее защищать, а к тому же, так как зависел он всецело от милости негров, они более доверяли ему, видя, что у него нет оружия, которым он мог бы причинить им вред. Что же до хищных зверей, об этом он мало тревожился, так как очень редко вообще и отходил-то от своей хижины. А если и уходил, то с ним шли негритянский царек и его люди, а все они вооружены луками и стрелами, и копьями, при помощи которых могут убить любого хищника, будь то лев или иной зверь. Но хищники редко выходят днем. А если неграм случается оказаться где-нибудь в пути ночью, они всегда строят себе хижину и разводят у входа костер, и это совершенно достаточная защита.

Мы спросили у него, что нам предпринять для того, чтобы добраться до побережья. Он сказал нам, что мы приблизительно в ста двадцати английских лигах от берега, на котором расположены почти все европейские сеттлементы и фактории, и который называется Золотым Берегом, но что по пути туда столько различных негритянских племен, что десять против одного за то, что мы либо будем вести с ними постоянные бои, либо же умрем от недостатка в съестных припасах, но что имеется два других пути, по которым он сам собирался идти, будь у него только подходящее для этого общество. Один путь - идти прямо на запад. Хотя эта дорога длинная, но в этом направлении народу меньше, и будет он к нам радушнее, или биться с ним будет легче. Другой же путь - это добраться, если возможно, до Рио-Грандэ и спуститься вниз по течению в каноэ. Мы сказали ему, что этим путем мы решили идти еще перед тем, как повстречали его. Но тогда он сказал нам, что на этом пути предстоит

пересечь огромную пустыню и пройти густыми лесами, прежде чем можно добраться до реки. И через пустыню в лес нужно идти не менее чем двадцать дней, и притом так быстро, как только мы можем.

Мы спросили у него, нет ли в стране лошадей или ослов, или хотя бы быков или буйволов, которые могли бы пригодиться нам в таком пути, и показали ему наших буйволов, которых оставалось всего три. Он ответил, что нет, во всей стране не имеется ничего подобного.

Далее он рассказал нам, что в том большом лесу водится огромное количество слонов, а в пустыне - великое множество львов, рысей, тигров, леопардов и так далее, и что в этот лес и в эту пустыню негры ходят за слоновой костью, которую всегда находят в большом количестве.

Мы расспрашивали особенно о пути к Золотому Берегу и о том, нет ли рек, чтобы сплавить по ним нашу поклажу. Мы сказали ему, что нас не очень тревожит то, что негры будут сражаться с нами; не боимся мы и голодной смерти, так как если у негров имеются съестные припасы, то и мы получим свою долю их. И поэтому, если он только осмелится повести нас этим путем, то мы осмелимся пойти им. А что касается его лично, то мы сказали ему, что будем жить и умирать вместе - ни один из наших не оставит его.

Он очень взволнованно сказал нам, что если мы решились идти и отважимся на этот путь, то можем быть уверены, что и он разделит нашу судьбу. Но он постарается повести нас таким путем, чтобы повстречать более или менее мирных дикарей, которые отнеслись бы к нам хорошо и, может быть, даже поддержали бы нас против других, менее сговорчивых. Словом, все мы решили идти прямо на юг к Золотому Берегу.

На следующее утро наш англичанин снова явился к нам и, когда мы все собрались на совет, - если можно будет назвать так наше совещание, - он весьма серьезно обратился к нам с речью. Он сказал, что, как мы теперь, после долгого пути, подошли к концу наших страданий и так любезно предложили ему захватить его с собою, он всю ночь размышлял о том, что ему и всем нам нужно сделать, чтобы как-нибудь вознаградить себя за все понесенные тяготы. И в первую же очередь, сказал он, должен он сообщить мне, что мы находимся в одном из богатейших краев вселенной, хотя во всех иных отношениях это - огромная безнадежная пустыня.

- Ибо, - говорит он, - любая здесь река несет золото, и любое место пустыни без пропашки дает урожай слоновой кости. Какие золотые рудники, какие необъятные запасы золота содержат те горы, откуда текут эти реки, или берега, которые омывают эти воды, мы не знаем, но можем представить себе, что они неописуемо богаты; ведь одного того, что вымывают водные потоки, оказывается достаточным для того, чтобы удовлетворить всех торговцев, которых посылает сюда европейский мир.

Мы спросили у него, как далеко заходят они, так как знаем, что суда ведут торговлю лишь с побережьем. Он сказал нам, что прибрежные негры обследуют реки на расстоянии в сто пятьдесят или двести миль и проводят за этой работой месяц или два или три за один прием, и всегда возвращаются домой достаточно вознагражденные.

- Но, - говорит он, - так далеко они никогда не заходят, а золота и здесь имеется не меньше, чем там.

После этого англичанин сказал нам, что, как ему кажется, он мог бы собрать сто фунтов золота за то время, что здесь находится, если бы только потрудился поискать его; но так как не знал он, что делать с этим золотом, и давно уже окончательно отчаялся выйти из своего бедственного положения, то этим совсем не занимался.

- Ибо, что мне была бы за польза, - сказал он, - и чем был бы я богаче, если бы владел целой тонной золотого песка и катался бы в нем? Все богатство это не дало бы мне одного мига счастья, не освободило бы от нынешней нужды. Нет, как все вы видите, оно не купило мне ни одежды, чтобы ею покрыться, ни капли воды, чтобы спастись от жажды. Здесь оно не имеет цены, здесь, в этих хижинах, много людей, которые охотно обменяют золото на несколько стеклянных бусинок или на ракушку и дадут вам пригоршню золотого песка за пригоршню каури.

Сказавши так, он вытащил что-то в роде обожженного на солнце глиняного горшка.

- Вот, - сказал он, - немного здешней грязи и, пожелай я, у меня могло бы быть ее много больше.

И показал при этом нам, как мне кажется, что-то от Двух до трех фунтов золотого песку, такого же рода и Цвета, что и добытый нами, как сказано

раньше. После того, как мы поглядели некоторое время на золото, он, Улыбаясь, сказал нам, что мы его избавители, и все, что у него есть, включая и его жизнь, принадлежит нам.

И так как золото может пригодиться нам, когда мы попадем на родину, то поэтому он просит нас принять его в подарок; теперь он впервые раскаивается в том, что не набрал больше.

В качестве переводчика я передал товарищам его заявление и от их имени поблагодарил его. Но, обратившись к своим по-португальски, я попросил их отложить принятие его любезного подарка до следующего утра. Ему я заявил, что более подробно мы поговорим об этом завтра. Так мы расстались на время.

Когда он ушел, я обнаружил, что все мои товарищи были необычайно взволнованы его речью и благородством его натуры, равно как и щедростью его подарка, которая в ином месте показалась бы чрезмерной. В общем же говоря, чтобы не задерживать читателя на подробностях, мы все порешили, что теперь он входит в число наших и что подобно тому, как мы для него подмога, - поскольку спасаем его из отчаянного положения, в котором он находится, - так и он подмога для нас, так как будет теперь служить нам проводником через оставшуюся часть страны, будет служить переводчиком в наших сношениях с туземцами и давать нам указания, как обращаться с дикарями и как обогатиться за счет золота страны. А поэтому мы должны присоединить его золото к общему нашему запасу, и каждый должен отдать ему столько, чтобы его доля была равна доле каждого из нас, и в дальнейшем мы должны на все идти совместно и взять с него торжественное обещание, данное раньше друг другу о том, что никто из нас не укроет от других ни крупинки найденного им золота.

На следующем совещании мы ознакомили его с приключениями на Золотой реке и с тем, как поделили между собой найденное там золото, так что у каждого из нас имеется доля больше, нежели его пай, и поэтому мы решили ничего не брать у него, а вместо этого каждый даст ему немного из своей доли. Он, видимо, обрадовался тому, что нам так повезло, но не хотел взять у нас ни единой крупинки. Под конец, однако, после многих наших настояний, он сказал нам, что согласен принять золото таким образом: когда мы найдем золото, он возьмет из первой же находки столько, чтобы его доля стала вровень с нашими, и тогда уже мы будем

делить дальнейшее поровну. И на этом мы сошлись.

Тогда он сказал нам, что не безвыгодно будет перед тем, как пуститься вперед и уже набравши полный запас съестного, сходить на север, к границе пустыни. Оттуда наши негры могут принести по большому слоновому клыку каждый, и он может достать еще негров на подмогу им. Клыки же, после не очень долгой носки, можно будет в каноэ доставить к побережью, и они там дадут очень большую прибыль.

На это я возражал, так как имел в виду другой наш замысел - добыть золотого песка. К тому же наши негры, верные нам, как мы знали, добудут для нас золота в реках на много большую стоимость, нежели, таская большие клыки в полтораста фунтов весу на протяжении в сто или больше миль, что для них окажется непереносимым после и без того очень тяжкого путешествия и, наверное, убьет их.

Он согласился с справедливостью такого ответа, что чуть было не потащил нас смотреть лесистые части холмов и край пустыни, чтобы мы увидели, как валяются там слоновые клыки. Но когда мы рассказали ему о том, что видели, он замолчал.

Мы пробыли здесь двенадцать дней, и все это время туземцы были очень обходительны с нами, приносили нам плоды, травы и какие-то овощи, вроде моркови, но совсем другого, хотя и приятного вкуса, и каких-то птиц, названия которых мы не знали. Словом, они носили нам щедро все, чем располагали, и жили мы очень хорошо, давая им взамен по-прежнему все те же мелочи, понаделанные нашим токарем, который имел их теперь полный мешок.

На тринадцатый день мы выступили, захватив с собой нашего нового спутника. На прощание негритянский царек послал ему двух дикарей с подарком - сушеным мясом, но я не помню каким. А англичанин дал ему взамен трех серебряных птиц, которых предоставил ему наш токарь. Уверяю вас, то был подлинно королевский подарок.

Теперь мы шли к югу, несколько к западу, и здесь мы нашли первую, на более чем двухтысячемильный путь, реку, протекавшую к югу, в то время как все остальные текли на север или запад. Мы шли вдоль этой реки, величиною не больше хорошего английского ручья, покуда она не стала

увеличиваться. Время от времени замечали мы, как наш англичанин втихомолку подходил к воде исследовать почву. Наконец, после дня пути вдоль реки, он подбежал к нам с руками, полными песку, говоря:

- Смотрите!

Поглядевши, мы увидели, что в речном песке рассыпано много золота.

- Теперь, - говорит он, - мы можем, кажется, приняться за работу.

Итак, он разделил негров попарно и поставил их на работу: исследовать и промывать песок и производить поиски в самой воде, если она не глубока.

За первый же день с четвертью наши люди все вместе набрали фунт и две унции золота, или около того, и мы обнаружили, что золото все прибывает, чем дальше мы идем. Мы спускались вдоль речки около трех дней до того места, где с нею сливается другая маленькая речка. Исследовавши ее, мы и в ней обнаружили золото. Поэтому мы разбили становище в углу, образованном соединением рек, и развлекались, смею это так назвать, тем, что промывали речной песок и добывали съестные припасы.

Здесь провели мы еще тринадцать дней, в продолжение которых было у нас много забавных приключений, слишком длинных, чтобы здесь рассказывать о них, и слишком грубых для пересказа, ибо некоторые наши повольничали немножко с туземками, что привело бы их к войне с их мужьями и со всем их племенем, не вмешайся наш новый проводник и не установи он мир с одним из мужей ценою семи тонких кусочков серебра, которые наш токарь отчеканил в форме львов и рыб, и птиц и проделал в них дырочки, за которые их можно подвесить (бесценное сокровище).

В то же время, как мы занимались вымыванием золотого песка и тем же занимались наши негры, наш изобретательный токарь ковал и чеканил, и стал столь искусным в своем ремесле, что выделывал любые изображения. Он чеканил слонов, тигров, цибетовых кошек, страусов, орлов, журавлей, мелких птиц, рыб и вообще все, что угодно, из тонких пластинок кованого золота, так как серебряные и железные запасы его почти истощились.

В одном из городков этих диких племен, тамошний царек очень

дружелюбно принял нас. Ему очень понравились игрушки нашего мастера, и тот продал ему за неимоверную цену слона, вырезанного из золотой пластинки, толщиною в шестипенсовую монету. Царьку это изображение так понравилось, что он не успокоился, покуда не дал токарю почти целую пригоршню золотого песку, как его называют; песок этот весил, как мне кажется, добрых три четверти фунта. Кусок же золота, из которого был сделан слон, мог весить столько же, сколько пистоль 140, и скорее меньше, чем больше. Наш токарь был так честен, что хотя труд и мастерство было всецело его, однако, все полученное им золото он принес и сдал в общий запас. Но у нас, понятно, никакого смысла не было жадничать, ибо, как сказал нам новый наш проводник, раз были мы достаточно сильны для того, чтобы защищаться, и располагали временем (ибо никто из нас не спешил), то мы могли собрать любое желательное нам количество золота, хотя бы по сотне фунтов на человека. И наш англичанин добавил, что, хотя страна ему опротивела не менее, чем любому из нас, все же, если мы согласны несколько отклониться к юго-востоку и добраться до подходящего для нашей штаб-квартиры места, мы там найдем достаточно съестных припасов и два-три года сможем повелевать во всей стране, и быстро обнаружим выгоды этого.

Предложение это, как ни было оно выгодно для имевшихся в нашем стане стяжателей из нашего числа, никого из нас не удовлетворило, так как все мы предпочитали богатству возвращение домой. Мы были чересчур утомлены напряженным, непрерывным, продолжавшимся более года блужданием среди пустынь и диких зверей.

Но в речи нового нашего знакомого таилось какое-то волшебство, и он применял такие доказательства и владел такой силой убеждения, что нельзя было ему противиться. Он сказал, что было бы нелепо не пожать плоды всех наших трудов, раз добрались мы до урожая; что мы должны вспомнить, как рискуют европейцы судами, людьми и затрачивают большие средства для того, чтобы добыть хотя бы немного золота, и что безрассудно было бы нам, находящимся в самом сердце золотой страны, уйти с пустыми руками; что, наконец, мы достаточно сильны для того, чтобы пробиться через целые племена, потом сможем направить путь к любой части побережья. Он говорил, что впоследствии мы никогда не простим себе, если приедем на родину с какими-нибудь пятьюстами золотых пистолей, в то время как мы могли бы так же легко иметь пять или десять тысяч, или сколько нам вообще угодно; что он ничуть не более

жаден, чем мы, но только видит, что в наших возможностях - сразу вознаградить себя за все пережитые несчастья и обеспечить себя на всю жизнь. Поэтому он не может считать, что отплатил нам за все добро, которое мы сделали ему, если не укажет нам преимущества, которыми мы располагаем. И он заверил нас, что мы в два года, при разумной постановке дела и с помощью наших негров, сможем набрать по сто фунтов золота на брата, да к тому же, может быть, двести тонн слоновых клыков; в то время как, если мы пойдем прямо к побережью и там разойдемся, - мы никогда более уже не увидим этого места и сможем лишь мечтать о нем.

Наш лекарь был первым, кто уступил его рассуждениям, а затем пушкарь - и оба они также имели на нас большое влияние, но все же никто из остальных не желал оставаться, и я в том числе, так как вообще не понимал значения большого количества денег, ни того, что мне делать с самим собою, ни что делать с деньгами, будь они даже у меня. Я считал, что их у меня и так достаточно, и единственно, чего желал, - это, попавши в Европу, потратить их возможно скорее, купить себе одежду и снова пуститься в плавание, опять прежним же горемыкой.

Как бы то ни было, краснобайством своим он убедил нас остаться в этой стране хоть на шесть месяцев, и если тогда мы решим уйти, то он подчинится. С этим мы, в конце концов, согласились, и он провел нас к юго-востоку на пятьдесят английских миль. Там оказалось много речонок, которые бежали, очевидно, с большой горной цепи на северо-востоке. По нашим вычислениям, это должно было быть начало того пути к великой пустыне, избегая которую, мы были вынуждены двинуться на север.

Край этот был достаточно бесплоден, но по указаниям нашего нового проводника мы добывали себе достаточно пищи, ибо окрестные дикари в обмен на безделушки, о которых я уже столько раз упоминал, давали нам все, что имели. Здесь нашли мы к тому же маис, или индийскую пшеницу, которую негритянки выращивают так же просто, как мы сажаем в садах растения, и немедленно новый наш поставщик пищи приказал нашим неграм посадить маис, который тотчас же дал ростки, и, благодаря частой поливке, меньше чем через три месяца мы собрали урожай.

Устроившись и разбивши становище, мы принялись за прежнюю работу - выуживали в речках золото, и наш англичанин так хорошо руководил разведками, что нам почти не пришлось трудиться даром.

Однажды, поставив нас на работу, он спросил, не позволим ли мы ему отлучиться с четырьмя или пятью неграми на шесть или семь дней - попытать счастья и посмотреть, не найдет ли он чего в окрестностях. При этом он заверил нас, что все, что он ни найдет, пойдет в общий запас. Мы все изъявили свое согласие и дали ему мушкет, и, так как двое наших захотели пойти с ним, они захватили с собою шесть негров и двух буйволов, проделавших с нами весь путь. Взяли они с собою восьмидневный запас хлеба, но мяса не взяли, кроме только запаса сушеного на два дня.

Они отправились на вершину горы и оттуда увидали (как потом уверяли нас) ту самую пустыню, которой мы справедливо испугались, когда находились по той ее стороне. Пустыня эта, по нашим расчетам, должна была быть не менее, как трехсот миль в ширину и более шестисот миль в длину, при чем неизвестно, где она кончалась.

Подробности их путешествия слишком многочисленны для того, чтобы здесь их пересказывать. Они отсутствовали пятьдесят два дня и принесли с собою семнадцать с лишним (ведь точного веса у нас не было) фунтов золотого песку; имелись и кусочки золота, при чем много большие по размерам, нежели те, что мы находили до сих пор, и, кроме того, около пятнадцати тонн слоновой кости. Англичанин, частью уговорами, а частью насилием, заставил тамошних дикарей добыть ее и снести с гор, а других - отнести до самого нашего становища. Действительно, мы только дивились да гадали, что может это обозначать, когда увидали нашего англичанина, сопровождаемого двумястами негров, но он скоро рассеял наше удивление, заставивши их всех свалить свою поклажу в одну кучу у входа в становище.

Сверх того, они принесли две львиные, и пять леопардовых шкур, все очень большие и превосходные. Англичанин попросил у нас извинения за долгую отлучку и за то, что не принес большей добычи, но сказал, что ему предстоит еще одно путешествие, которое, надеется он, даст лучшие результаты.

Так, отдохнувши и вознаградивши дикарей, принесших ему клыки, кусочками серебра и железа, вырезанными в форме ромбов, и двумя, вырезанными в виде собачек, он отослал носильщиков вполне удовлетворенными.

Когда он отправился во второе путешествие, с ним пожелало идти еще несколько наших, и они образовали отряд в десять человек белых и десять дикарей, с двумя буйволами для переноски съестных и боевых припасов. Пустились они в том же направлении, но не вполне по тому же пути, и были в отлучке всего тридцать два дня, за каковое время убили не менее, чем пятнадцать леопардов, львов и много других зверей и принесли нам двадцать четыре фунта и несколько унций золотого песку, и слоновых клыков только шесть, но зато очень больших.

Наш друг англичанин показал нам теперь, с какой пользой провели мы время, так как за пять месяцев пребывания здесь мы набрали столько золотого песку, что, когда дошло до дележки, у нас оказалось по пять с четвертью фунтов на человека, не считая того, что было у нас прежде, и не считая шести или семи фунтов, которые мы давали нашему токарю, чтобы он делал из них безделушки. А теперь мы заговорили о том, чтобы двинуться к побережью и закончить, таким образом, наше путешествие, но на это наш проводник рассмеялся:

- Ну, теперь вы пойти не можете, так как в будущем месяце начнутся дожди, и тогда нельзя будет двинуться.

Это замечание, как должны были мы согласиться, было вполне разумно, и потому мы решили тем временем обеспечить себя съестными припасами так, чтобы во время дождей нам не приходилось бы слишком много выходить. Мы разошлись в разных направлениях, насколько каждый осмеливался забираться, для того, чтобы запастись пищей. Наши негры убили несколько оленей, которых мы, как могли, провялили на солнце, так как соли у нас теперь не было.

К этому времени начались дождливые месяцы, и мы в продолжение двух месяцев едва могли высунуть нос из хижины. Но это было еще не все. Реки так вздулись от разливов, что мы еле могли отличить маленькие ручьи и речки от судоходных рек. Представлялась теперь полная возможность сплавить все водой, но оказалась очень большая куча, ибо, так как мы всегда чем-нибудь награждали дикарей за работу, то даже женщины при каждом удобном случае приносили нам клыки, и подчас даже случалось, что две женщины тащат один большой клык.

Таким образом, наш запас возрос до двадцати двух тонн.

Как только погода снова стала хорошей, наш англичанин заявил, что не будет убеждать нас оставаться дольше, так как нам, видимо, безразлично, добудем ли мы еще золота, или нет, что мы действительно первые, когда-либо в жизни встречавшиеся ему люди, которые сами говорят, что у них достаточно золота, и о которых достоверно можно сказать, что золото лежит у них под ногами, и они не нагибаются, чтобы подобрать его. Но раз дал он нам обещание, то не нарушит его и не будет убеждать нас оставаться долее. Все же он обязан предупредить нас, что именно теперь, после разлива, находят обычно особенно много золота. Если мы останемся здесь еще хоть на месяц, то увидим, как всю равнину покроют тысячи дикарей, и они будут вымывать золото из песка для европейских судов, которые придут к побережью; что так поступают потому, что разливы всегда вымывают из гор большое количество золота; и если мы воспользуемся тем преимуществом, что находимся здесь прежде прочих, то неизвестно, какие чудеса найдем.

Речь англичанина была так убедительна и так доказательна, что по лицам всех видно было, что все согласны с ним. Поэтому мы сказали, что остаемся. Ибо, хотя правда, что все мы стремились на родину, все же очевидности столь выгодной будущности нельзя было противостоять. Он, видимо, сильно ошибся, считая, что мы не хотим увеличить наш запас золота. Мы решили до самого конца использовать имевшиеся у нас преимущества и оставаться здесь до тех пор, покуда будет здесь золото, хотя бы потребовался для этого еще год.

Англичанин едва мог выразить свою радость по этому поводу. И, как только наступила хорошая погода, мы принялись под его руководством искать золото в реках. То, что мы нашли сперва, поощрило нас мало, но совершенно ясно было, что причина этому та, что вода еще спала не вся, и реки не вошли в свои обычные русла. Но через несколько дней мы были вознаграждены полностью. Мы нашли золото, и много больше, чем находили сначала, и большими кусками. Один из наших вымыл из песка кусок золота, величиною с маленький орех, по нашим предположениям, почти в полторы унции.

Эта удача сделала нас чрезвычайно прилежными, и немного более чем в месяц, мы, все вместе, набрали около шестидесяти фунтов золота. Но затем, как говорил наш англичанин, появилось множество дикарей, - мужчины, женщины и дети, - и они обшаривали каждую речку, каждый

ручей и даже сухую землю холмов в поисках золота, так что теперь мы ничего не могли поделать, особенно по сравнению с тем, что сделали раньше.

Но наш искусный мастер нашел способ заставить других искать для нас золото, чтобы мы сами не трудились. Когда дикари стали появляться, у него уже было заготовлено изрядное количество безделушек: птиц, зверей и так далее. Англичанин служил ему переводчиком, и он поражал дикарей своим товаром. Таким образом, оборот у него получился изрядный, и вполне понятно, что продавал он свой товар за чудовищную цену. Он получал унцию, а подчас и две унции золота, за кусочек серебра ценой не более, как в грот 141. Кажется невероятным, какое огромное количество золота добыл этим путем наш мастер.

Словом, чтобы закончить рассказ об этом счастливом путешествии, следует сказать, что мы так увеличили за три добавочных месяца пребывания здесь наш запас золота, что когда начали делить, то роздали еще по четыре фунта каждому. И тогда мы двинулись к Золотому Берегу для того, чтобы найти какой-нибудь способ переправиться в Европу.

В продолжение этой части нашего пути случалось много замечательных происшествий в связи с тем, насколько дружественно или враждебно принимали нас различные дикие племена, встречавшиеся нам. Мы освободили из плена одного негритянского царька, облагодетельствовавшего нашего нового проводника и теперь в благодарность получившего с нашей помощью обратно свое царство, которое, кстати, насчитывало, вряд ли больше, чем триста человек подданных. Он угощал нас и приказал своим подданным пойти вместе с нашим англичанином, забрать всю слоновую кость, которую мы были вынуждены бросить, и отнести ее к реке, название которой я забыл. На этой реке мы построили плоты и спустя одиннадцать дней доплыли до одного из голландских сеттлементов на Золотом Берегу, добравшись туда в добром здоровье и к великому нашему удовлетворению. Что до нашего груза слоновой кости, мы продали его голландской фактории и получили за это одежду и вообще все, что требовалось для себя и для тех наших негров, которых мы сочли возможным оставить при себе. И тут нужно заметить, что к окончанию нашего путешествия у нас осталось четыре фунта пороха. Негритянского царька мы отпустили на свободу, одели его из общего запаса и дали ему единолично полтора фунта золота, с которым он

прекрасно умел обращаться. И здесь мы все расстались как нельзя более дружественно. Наш англичанин оставался некоторое время на голландской фактории и, как я слыхал, впоследствии умер там с горя, ибо он послал в Англию через Голландию тысячу фунтов стерлингов, чтобы иметь их в своем распоряжении, когда вернется к друзьям, а корабль, на котором были посланы деньги, был захвачен французами, и весь груз погиб.

Остальные мои товарищи отправились в португальские фактории возле Гамбии, расположенной на широте четырнадцати градусов. Я же, с двумя неграми, которых оставил себе, отправился к Кэйп-Кост-Кэстлю 142, откуда переправился в Англию и прибыл туда в сентябре. Так окончилась первая моя растрата молодых сил. В дальнейшем растрачивал я их с еще меньшей пользой.

В Англии не было у меня ни друзей, ни родных, ни знакомых, хотя и была она моей родиной. Следовательно, у меня не было никого, кому бы я мог довериться, или кто бы мог посоветовать мне, как сберечь или сохранить мои деньги. Я попал в дурное общество, доверил трактирщику в Розерхайзе 143 значительную часть моих денег и быстро стал спускать остальную, так что та большая сумма, которую набрал я со столькими трудностями и опасностями, утекла в течение немного больше чем двух лет. Теперь от одной мысли о том, как безрассудно была она растрачена, прихожу я в ярость, но об этом незачем рассказывать здесь. Остальное нужно закрыть румянцем стыда, так как спустил я эти деньги во всяких безумствах и кутежах. Об этой части моей жизни можно сказать, что началась она бунтом и кончилась развратом; печальный выход в свет и еще худшее возвращение.

Примерно год спустя заметил я, что мои средства истощаются и что пора подумать о дальнейшей моей судьбе. К тому же и мои развратители, как я называю их, уже давали мне понять, что по мере того, как убывают мои деньги, уходит и их уважение ко мне, и что я ничего не могу ожидать от них, кроме того, что добывается при помощи денег, да и это ни мало не зависело от того, сколько я ради них тратил прежде.

Это сильно поразило меня, и я почувствовал справедливое отвращение к их неблагодарности. Но и оно прошло. И я не испытывал тогда ни малейшего сожаления о том, что растратил такую огромную сумму денег, какую привез с собой в Англию.

Тогда я поступил, и, верно, в недобрый час, на шедшее в Кадикс судно. В то время как проходили мы мимо испанского побережья, сильный юго-западный ветер принудил нас зайти в Гройн 144.

Здесь я попал в общество мастаков по части дурных дел, и один из них, еще более ловкий, чем остальные, завязал со мною тесную дружбу, так что мы называли друг друга братьями и друг другу рассказывали все о себе. Звали его Гаррис 145. Парень этот явился как-то утром ко мне и спросил, не съезжу ли я вместе с ним на берег, на что я согласился. Мы получили у капитана разрешение воспользоваться лодкой и отправились вместе. Когда мы оказались одни, Гаррис спросил, не хочу ли я пойти на одно приключение, которое вознаградит меня за все прошлые неудачи. Я отвечал утвердительно, ибо мне безразлично было, куда идти. Мне нечего было терять и некого покидать.

Тогда он потребовал от меня, чтобы я поклялся все, что скажет он мне, хранить в тайне, и если я не соглашусь на то, что он предложит, то никогда не выдавать его. Я охотно связал себя этим обещанием, наговорив самые торжественные клятвы и божбы, какие только могли изобрести дьявол да мы оба.

Тогда он сказал мне, что на том корабле, - он указал на одно стоявшее в гавани английское судно, - есть отважный парень, который в компании с некоторыми из экипажа решил завтра утром поднять мятеж и бежать, захватив судно. Если мы наберем достаточно сил среди экипажа нашего корабля, мы можем поступить так же. Предложение мне очень понравилось, а Гаррис набрал к нам еще восьмерых ребят и сказал нам, что мы должны быть готовы взбунтоваться, как только его друг примется за дело и овладеет кораблем. Таков был замысел Гарриса. Я же, ни мало не смущаясь, ни подлостью подобного поступка, ни трудностью осуществления замышленного плана, немедленно вступил в гнусный заговор. Но осуществить нашу часть замысла не удалось.

Как было уговорено, в назначенный день сообщник Гарриса на другом корабле, по имени Вильмот, принялся за дело: захватил помощника капитана и других офицеров, завладел судном и подал нам сигнал. Нас на корабле было всего одиннадцать участвовавших в заговоре. Поэтому мы все покинули корабль, сели в лодки и отправились к тем, чтобы к ним присоединиться.

Нас, покинувших таким образом корабль, на котором я находился, с величайшей радостью принял капитан Вильмот и его новая шайка. Были мы вполне готовы ко всяческого рода злодеяниям, будучи смелы, отчаянны (я говорю о себе), не испытывал я ни малейших угрызений совести в том, что предпринимал; и уже совсем не представлял я себе, каковы могут быть последствия всего этого. Итак, говорю я, таким образом, я вступил в состав того экипажа, - обстоятельство, которое, в конце концов, привело меня к сношениям с самыми знаменитыми пиратами того времени, часть которых закончила свой жизненный путь на виселице. Поэтому я думаю, что отчет о некоторых дальнейших моих приключениях может составить занимательный рассказ. Но я заранее осмеливаюсь сказать и даю в том честное слово пирата, что не сумею припомнить все, нет, даже и сколько-нибудь значительную часть из того огромного разнообразия, которое являет собою одна из самых омерзительных историй, когда-либо поведанных миру.

Я же, бывший, как прежде уже говорил, прирожденным вором и уже давно, по склонности, пиратом, находился теперь в своей стихии и в жизни никогда ничего не предпринимал с большим удовлетворением.

Что касается капитана Вильмота (так отныне предстоит нам называть его), завладевшего кораблем тем способом, который вам уже известен, то ему, вполне понятно, совершенно незачем было оставаться в порту, дожидаясь либо возможных попыток предпринять что-либо против него с берега, либо возможных перемен в настроении экипажа. Наоборот, с тем же отливом подняли мы якорь и вышли в море, направляясь к Канарским островам 146. На корабле у нас было двадцать две пушки 147, но возможно было поставить тридцать; военного же снаряжения в количестве, полагающемся для купеческого судна, было достаточно теперь для нас, в особенности на тот случай, если нам придется завязать бой. Поэтому мы направились в Кадикс, то есть, точнее говоря, стали в заливе на якорь. Здесь капитан и парень, которого мы назвали капитаном Киддом [Капитан Виллиам Кидд. Дата рождения неизвестна (около 1645 г.). Выслужившийся из низов капитан английского военного флота, посланный в мае 1696 г. в карательную экспедицию против тихоокеанских пиратов и каперскую (см. примеч. 347) против французов. Корабль был снаряжен для него лордами Белламонтом (генерал-губернатор Новой Англии), Соммерсом (государственный канцлер), Орфордом (морской министр), Ромнеем (министр иностранных дел), герцогом Шрусбири (министр юстиции) и

некоторыми другими. Корабль был передан на таких условиях: четверть добычи идет экипажу, а три четверти делятся так: одна пятая Кидду и его посреднику Ливингстону, четыре пятых - лордам. Если доля лордов не окупает их расходов по снаряжению, Кидд и Ливингстон доплачивают разницу из своей доли, если итог добычи превышает 100 000 ф. ст., корабль со снаряжением становится собственностью Кидда и Ливингстона.

Это сугубо капиталистическое предприятие (экипаж не получал жалования) оказалось вскоре настолько малоприбыльным, что экипаж принудил Кидда, захватившего уже два французских корабля, стать пиратом. Несмотря на то, что в приказе конца 1698 года король Виллиам III объявил помилование всем пиратам, которые явятся с повинной, кроме капитанов Эйвери (см. примеч. 218) и Кидда, - Кидд рассчитывал как на то, что ему удастся доказать, что вышел он в море канером и пиратом стал поневоле, так и на то, что высокопоставленные арматоры (лица, снаряжающие корабль) выгородят его.

В июле 1699 г. он добровольно предался в руки правосудия и вручил взятые им на первых захваченных кораблях французские бумаги. Благородные лорды отступились от своего доверенного лица; бумаги же на суде вообще не фигурировали. Да и самый суд разбирал не пиратские деяния Кидда (иначе выплыла бы история с арматорами), но приговорил Кидда к смертной казни за убийство, не преднамеренное и в запальчивости, судового офицера, еще в самом начале экспедиции. 23 мая 1701 г. казнен. Зарытый им на Гардинер-Айлэнд (под Нью-Йорком) клад и захваченные при аресте ценности расценивались в общей сложности около 14 000 ф. ст. Розыски клада капитана Кидда являются частой темой приключенческой беллетристики (самый знаменитый и хронологически первый рассказ - “Золотой жук” Э. По).] (он был пушкарем), еще несколько человек, которым можно было доверять, в том числе мой товарищ Гаррис, назначенный вторым помощником, и я, назначенный лейтенантом [Корабельные офицеры были следующие: капитан; лейтенант (заместитель, помощник) или штурман (лоцман); шкипер (заведующий такелажем) и каптенармус (заведующий боевыми припасами); подштурман, пушкарь, боцман и плотник; мичмана и старшие матросы. В одной каперской (см. прим. 347) экспедиции (1708 г.) призы делились так: капитан - 100 фунтов; лейтенант и т. д. - 80 ф.; подштурман и т. д. - 40 ф.; мичман и т. д. - 20 ф.; матрос - 10 ф. ст. у пиратов: капитан и штурман получали по две доли; помощник капитана, боцман и пушкари - по полторы; остальные офицеры -

по доле с четвертью.], высадились на берег. Мы захотели захватить с собою на продажу несколько тюков английских товаров, но мой товарищ, великий знаток своего дела, предложил нам иной способ. Он уже прежде бывал в этом городе и сказал нам, что закупит пороху, ядер, ручного оружия [Ручное оружие - пистолеты, ружья и различного рода холодное оружие (сабли, пики, абордажные топоры и т. д.).] и вообще все, в чем мы нуждаемся, на слово, с тем, чтобы расплатиться имеющимися у нас английскими товарами, когда закупленное будет доставлено на борт. Несомненно, предложение было дельное, и он с капитаном отправились на берег и, поторговавшись, как нашли лучше, вернулись через два часа, привезя с собою только Бэт [Бэт - бочка емкостью в 126 галлонов (560, 796 литров).] вина да пять бочек брэнди [Брэнди - английская водка.]; мы все также вернулись на борт.

На следующее утро явились торговать с нами две глубоко груженных barcos longos 148с пятью испанцами на борту. Наш капитан продал им за гроши английские товары, а они сдали нам шестнадцать баррелей 149 пороху, двенадцать малых бочонков пороху для ручного оружия, шестьдесят мушкетов 150, двенадцать фузей 151 для офицеров, семнадцать тонн пушечных ядер, пятнадцать баррелей мушкетных пуль, несколько сабель и двадцать пар хороших пистолетов 152. Кроме того, они доставили тринадцать бэтов вина (ведь мы все теперь превратились в важных бар и стали презирать корабельное пиво 153), также шестнадцать пэнчонов 154 брэнди да двенадцать баррелей изюма и двадцать ящиков лимонов. За все это мы платили английскими товарами, и вдобавок сверх всего перечисленного капитан получил еще шестьсот осьмериков наличными. Испанцы хотели приехать еще раз, но мы больше не могли оставаться.

Оттуда мы направились к Канарским островам, а оттуда далее, к Вест-Индии 155, где совершили несколько набегов на испанцев, добывая себе съестные припасы грабежом. Захватили мы также несколько призов, но ценная добыча не попадалась в продолжение того срока, что я оставался с ними, что в тот раз было недолго. На побережье Картагены 156 захватили мы испанский шлюп, и мой друг подал мне мысль попросить у капитана Вильмота, чтобы он пересадил нас на этот шлюп, выделивши нам соответствующую долю оружия и боевых припасов, и пустил бы нас поискать своего счастья, так как шлюп более подходил для нашего дела, чем большой корабль, и лучше ходил под парусами. На это капитан согласился, и мы назначили себе место свидания Тобаго 157, заключивши

условие, что все, захваченное одним кораблем, должно делиться между командами обоих. Условие это мы свято соблюдали и соединили суда, приблизительно, пятнадцать месяцев спустя на острове Тобаго, как сказано выше.

Мы около двух лет крейсировали в тех морях, нападая главным образом на испанцев. Впрочем, мы не пренебрегали и захватом английских судов, или голландских, или французских, если они попадались нам на пути, и, в частности, капитан Вильмот напал на судно из Новой Англии 158, шедшее из Мадеры 159 на Ямайку 160, и на другое, шедшее из Нью-Йорка на Барбадос 161 со съестными припасами; последний приз был нам большим подспорьем. Но с английскими судами мы старались связываться возможно меньше по тем причинам, что, во-первых, если эти суда могли оказывать какое-нибудь сопротивление, то дрались до последних сил; и, во-вторых, потому, что на английских судах - обнаруживали мы - добычи оказывалось всегда меньше, в то время как у испанцев обычно бывали деньги, - а этой добычей мы лучше всего умели распоряжаться. Капитан Вильмот, естественно, бывал особенно жесток, когда захватывал английский корабль для того, чтобы в Англии узнали о нем как можно позднее и не так скоро приказали бы военным кораблям отправиться в погоню за ним. Но эти дела я предпочитаю укрыть в молчании.

За эти два года мы значительно увеличили наше состояние, так как на одном корабле захватили шестьдесят тысяч осьмериков, а на другом сто тысяч. Разбогатевши, мы решили стать также и могущественными, ибо захватили построенную в Виргинии 162 бригантину 163, превосходный корабль и прекрасный ходок, способный нести двенадцать пушек, а также большой испанский корабль стройки, похожей на фрегатную, который плавал также чудесно и который мы впоследствии, при помощи хороших плотников, снарядили так, что он мог нести двадцать восемь пушек. А теперь нам требовались еще люди, и поэтому мы направились к Кампешскому 164 заливу, не сомневаясь, что сможем там навербовать столько народу, сколько потребуется. Так и оказалось.

Здесь мы продали шлюп, на котором я находился. Так как капитан Вильмот оставил за собою свой корабль, я принял в качестве капитана испанский фрегат, а старшим лейтенантом взял моего товарища Гарриса, смелого, предприимчивого парня, каких мало на свете. На бригантину мы поставили кулеврину 165; итак, у нас было теперь три крепких судна, с

хорошим экипажем и припасами на двенадцать месяцев, так как мы захватили два или три шлюпа из Новой Англии и Нью-Йорка, шедших на Ямайку и Барбадос, груженых мукою, горохом и бочонками с говядиной и свининой. Дополнительные запасы говядины сделали мы себе на берегу острова Кубы 166, где били скота, сколько угодно, хотя соли у нас было мало для того, чтобы заготовить мясо впрок.

Со всех захваченных нами кораблей мы отбирали порох, ядра и пули, ручное огнестрельное оружие и тесаки, а что до людей, то мы всегда забирали, в первую очередь, лекаря и плотника, как людей, которые могут пригодиться нам во многих случаях. И они не всегда шли к нам неохотно, хотя ради собственной безопасности, на всякий случай, могли легко утверждать, что их захватили силой; забавный пример этого я привожу в дальнейших моих приключениях.

Был у нас один веселый парень, квакер 167, по имени Виллиам Уолтерз, которого мы сняли со шлюпа, шедшего из Пенсильвании 168 на Барбадос. Был он лекарем, и называли его доктором; он не служил лекарем на шлюпе, но отправился на Барбадос, чтобы там “получить койку” 169, как выражаются моряки. Как бы то ни было, на борту находилась вся его лекарская поклажа, и мы принудили его перейти к нам и захватить с собою все свои причиндалы. Был он, право, парень преуморительный, человек с отличнейшей здравой рассудительностью и, кроме того, превосходный лекарь. Но, что самое ценное, был он всегда жизнерадостен, весел в разговорах и к тому же смел, надежен, отважен, не хуже любого из нас.

Виллиам, как мне показалось, не имел ничего против того, чтобы двинуться с нами, но решился произвести это так, чтобы переход имел вид насильственного захвата его, и потому он явился ко мне.

- Друг, - говорит он, - ты говоришь 170, что я должен перейти к тебе, и не в моих силах сопротивляться, если бы я захотел того. Но я прошу, чтобы ты заставил хозяина шлюпа, на котором я нахожусь, собственноручно удостоверить, что я взят силой и против моего желания.

И сказал он это с таким довольным выражением на лице, что не понять смысла сказанного никак нельзя было.

- Ну, что же, - говорю я, - против вашей воли это или нет, но я заставлю

его и всех его подчиненных выдать вам такое удостоверение, не то захвачу их с собой и продержу в плену, покуда они его не выдадут.

Итак, я самолично написал удостоверение, в котором было сказано, что захвачен он в плен пиратским судном при помощи грубой силы, что вначале забрали его поклажу и инструменты, а потом связали ему руки за спиной и силой толкнули его в лодку к пиратам. Это было засвидетельствовано хозяином шлюпа и всеми его подчиненными.

Сообразно с этим я набросился на Виллиама с проклятиями и приказал моим людям связать ему руки за спиной; связанного мы взяли его к себе в лодку и увезли. Когда мы попали на судно, я подозвал Виллиама к себе:

- Ну-с, друг, - говорю я, - я, правда, увел вас силой, но не думаю, чтоб сделал я это так уж против вашей воли, как это кажется прочим. Полагаю, - говорю я, - что вы можете быть полезным для нас, мы же с вами будем обращаться очень хорошо.

Я развязал ему руки и тут же приказал возвратить ему все его вещи; а наш капитан поднес ему чарочку.

- Ты по-дружески обошелся со мною, - говорит Виллиам, - и прямо скажу тебе, по доброй ли я воле явился сюда. Я постараюсь быть тебе полезным, чем только смогу, но знаешь сам, когда ты будешь сражаться, - не мое дело вмешиваться.

- Нет, нет, - говорит капитан, - зато вы можете вмешаться, когда мы будем делить деньги.

- Это полезно для пополнения лекарских запасов, - сказал Виллиам и улыбнулся, - но я все же буду умерен.

Словом, Виллиам был очень приятный товарищ. Но у него было то преимущество, что, если бы нас захватили, то всех бы наверняка повесили, а он, несомненно, избежал бы наказания, - и это он твердо знал. Но, короче говоря, был он парень бойкий и мог бы стать лучшим капитаном, чем кто-либо из нас. Мне придется часто упоминать о нем в продолжение всего этого рассказа.

Долгое наше крейсирование в этих водах стало теперь известным

настолько, что не в одной только Англии, но и во Франции и в Испании всенародно оглашали наши похождения. Всюду рассказывали много басен о том, как мы хладнокровно убиваем людей, связываем их спиной к спине и бросаем в море.

Половина этих россказней, впрочем, была неправдой, хоть делали мы больше, чем уместно здесь пересказывать.

Следствием этого, во всяком случае, явилось то, что несколько английских военных судов было послано в Вест-Индию с приказом крейсировать в Мексиканском171 и Флоридском 172 заливах и вокруг Багамских островов 173 с целью, если возможно, напасть на нас. Мы были не так уже неосторожны, чтобы этого не ожидать после того, как столько времени провели в здешних краях. Но первое достоверное сообщение об этом получили мы в Гондурасе 174; там шедшее с Ямайки судно передало нам, что два английских военных корабля в поисках нас движутся прямо сюда с Ямайки. В это время мы как раз были заперты в заливе и, если бы англичане пошли прямо на нас, мы не смогли бы даже и пошевельнуться, чтобы улизнуть. Но случилось так, что кто-то осведомил их, будто мы находимся в Кампешском заливе, и они отправились прямо туда. Благодаря этому мы не только освободились от них, но и оказались на таком расстоянии с наветренной стороны от них, что они не смогли бы сделать попытку напасть на нас, даже если бы знали, где мы находимся.

Мы воспользовались этим преимуществом и направились на Картагену. Оттуда с великими трудностями, мы, держась некоторого расстояния от берега, прошли к острову святого Мартына 175, добрались до голландского берега Кюрасо 176 и оттуда направились к острову Тобаго, который, как сказано прежде, служил нам местом свиданий. Остров этот был пустынным, необитаемым и часто являлся для нас убежищем. Здесь умер капитан бригантины, и командование его принял капитан Гаррис, в то время мой лейтенант.

Мы пришли к решению уйти к бразильскому 177 побережью, оттуда к мысу Доброй Надежды и, таким образом, добраться до Ост-Индии. Но Гаррис, который, как я уже сказал, теперь был капитаном бригантины, заявил, что судно его слишком мало для столь длинного пути. Но, если капитан Вильмот разрешит, он отважится еще на один набег и последует за нами на первом же захваченном им корабле. Мы условились с ним

встретиться на Мадагаскаре. Это было сделано на основании моих рекомендаций этого места и в виду имеющихся там запасов съестного.

Как и было уговорено, Гаррис ушел от нас, и в недобрый час. Он не захватил судна, на котором мог бы последовать за нами, а был захвачен, как я слыхал впоследствии, английским кораблем, закован в кандалы и умер от горя и досады прежде еще, чем добрался до Англии. Лейтенант же его, как я слыхал, был казнен в Англии за пиратство. Таков был конец человека, который первый приучил меня к этому несчастному ремеслу.

Мы отошли от Тобаго три дня спустя, направляя курс к бразильскому побережью, но не провели на море и одних суток, как нас разлучила ужасная буря, продолжавшаяся три дня почти без перерыва или передышки. При этом случилось, к несчастью, что капитан Вильмот находился у меня на корабле, к великому своему неудовольствию, ибо его корабль мы не только потеряли из виду, но вообще больше не встречали, покуда не добрались до Мадагаскара, где он оказался выброшенным на берег. Лишившись в этой буре нашего формарса 178, мы были вынуждены возвратиться на остров Тобаго, там укрыться и исправить повреждения, чуть не приведшие нас к гибели.

Только успели мы высадиться и приняться за поиски подходящего для починки формарса дерева, как увидали, что к берегу идет английский тридцатишестипушечный военный корабль. Это явилось для нас величайшей неожиданностью, так как мы были почти беспомощны. Но, к великой удаче, наше судно стояло так тесно и плотно за высокими скалами, что военный корабль не заметил его и продолжал свой путь. Приметивши, куда он идет, мы ночью, бросивши работу, решили выйти в море, держа путь в обратном направлении. Это была, как мы обнаружили, удачная мысль, так как больше мы его не видали. Была у нас на корабле старая бизань, и она временно служила нам вместо формаса. Итак, мы пошли на остров Тринидад 179 и, хотя там на берегу находились испанцы, мы перевезли в лодке на берег несколько человек и те срубили превосходную пихту 180 для формарса. Там же добыли мы немного скота и увеличили наш запас продовольствия. Созвавши всеобщий военный совет, мы решили на время покинуть эти моря и отправиться к бразильскому побережью.

Сперва мы пытались только раздобыть пресной воды, но услыхали, что в заливе Всех святых 181 в полной готовности стоит направляющаяся в

Лиссабон португальская флотилия и ждет только попутного ветра. Это заставило нас залечь возле, чтобы высмотреть, как флотилия отправится, - с конвоем или без него, - и в зависимости от этого либо напасть на нее, либо постараться ее избегнуть.

Вечером с юго-запада через запад подул свежий ветер. Так как он оказался для португальской флотилии попутным, а погода была тихая и хорошая, мы вскоре услыхали сигнал подымать якоря. Зайдя на остров Си 182, мы взяли на гитовы 183 главный парус 184 и форзейль 185, спустили марсели 186 на эзельгофт 187, взявши их также на гитовы, для того, чтобы могли стоять возможно более потаенно в ожидании выхода флотилии. Как и следовало ожидать, на следующее утро мы увидели выход всех судов, но при этом не испытали никакого удовольствия, ибо флотилия состояла из двадцати шести вымпелов; в большинстве суда были сильные и большого водоизмещения, равно как купеческие, так и военные корабли. Видя, что тут ввязываться нечего, мы притаились, где стояли, покуда флотилия не скрылась из виду, а затем уже отправились в путь сами, в полной надежде встретить другую добычу.

В скором времени мы заметили какой-то парус и немедленно пустились за ним. Но то оказался превосходный ходок и, выйдя в море, положился он, мы ясно увидали, на свои ноги, то бишь на свои паруса. Во всяком случае, и у нас судно было неплохое, и мы стали, хотя и медленно, его нагонять; будь у нас день впереди, мы наверняка захватили бы корабль. Но вскоре стемнело, и мы знали, что в таком случае потеряем корабль из виду.

Наш веселый квакер, приметивши, что мы все еще плетемся за судном в темноте, не зная даже, куда оно держит курс, очень сердито подошел ко мне.

- Друг Сингльтон, - говорит он, - знаешь ли ты, чем мы занимаемся?

Я в ответ:

- Да, мы преследуем тот корабль. Разве не так?

- А с чего ты это взял? - говорит он, все еще очень сухо.

- Да, это сущая правда, - говорю я ему, - мы не можем быть уверены в этом.

- Да, друг, - говорит он, - мы можем быть уверены в том, что бежим от него, а не преследуем. Боюсь, - добавляет он, - что ты заделался квакером и решился не применять насилия, или же, что ты трус и бежишь от врага.

- Что вы хотите сказать? - говорю я (кажется, я и обложил его). - Чего вы насмехаетесь? Вечно вы пристаете с издевками!

- Нет, - говорит он. - Ведь ясно, что корабль направился прямо на восток в открытое море для того, чтобы сбить нас; можешь быть уверен, что дела ведут его вовсе не туда. Что ему делать в этой широте на африканском побережье? Это ведь, примерно, Конго или Ангола. Но как только стемнеет, и мы потеряем корабль из виду, он повернет и снова пойдет на запад к бразильскому побережью и к заливу, куда, как ты сам знаешь, он направлялся сначала. Значит, и выходит, что мы убегаем от него. Я сильно надеюсь, друг, - говорит эта сухопарая, склабящаяся тварь, - что ты станешь квакером, ибо вижу, что ты не за то, чтобы сражаться.

- Очень хорошо, Виллиам, - сказал я, - в таком случае из меня выйдет превосходный пират.

Как бы то ни было, а Виллиам оказался прав, и я немедленно понял, что он хочет сказать. Капитан Вильмот, лежавший тяжело больным у себя в каюте, услыхал наш разговор и понял Виллиама так же хорошо, как и я, и крикнул мне, что Виллиам прав, что самое лучшее для нас это переменить курс и направиться к заливу; там у нас десять против одного за то, что утром мы перехватим корабль.

Мы сделали полный оборот, переменили галс 188, поставили паруса на брам-стеньге 189 и пошли к заливу Всех святых. Там рано поутру мы стали на якорь, за пределами пушечного выстрела. Мы закрепили паруса каболками 190 так, чтобы возможно было распустить полотнища, не взбираясь наверх для развязывания узлов, опустили главную и передние реи и приняли вид, что давно уже здесь стоим.

Два часа спустя мы увидали, что наша добыча идет к заливу, поставивши все паруса. Она, ничего не подозревая, шла прямо к нам в пасть; а мы держались тихо, до тех пор, пока судно не подошло почти на пушечный выстрел. И тут, - так как передние части нашего такелажа лежали горизонтально, - мы сперва бросились к реям, а затем развернули марселя,

при чем скрепляющие их каболки отпали сами. В несколько минут паруса были поставлены; в то же время мы отвязали якорный канат и напали на корабль прежде еще, чем он успел ускользнуть от нас, переменивши галс. Корабль был захвачен врасплох настолько, что почти не сопротивлялся и сдался после первого же бортового залпа 191.

Мы стали соображать, что нам делать с кораблем. Виллиам подошел ко мне.

- Послушай-ка, друг, - говорит он, - ты выкинул сейчас ловкую штуку! Захватил корабль ближнего твоего у самой его двери, не спрашивая даже у него разрешения. А скажи, не думаешь ли ты, что в порту должно быть несколько военных кораблей? Ты достаточно уже их взбудоражил. Они еще до наступления ночи погонятся за тобою по пятам, чтобы спросить, зачем ты так поступил, - можешь не сомневаться в этом.

- Право, Виллиам, - ответил я, - насколько мне известно, это так. Что же нам, в таком случае, делать.

Он в ответ:

- У тебя две возможности на выбор, либо войти в порт и взять все остальные корабли, либо убраться прочь до того, как они выйдут и возьмут тебя. Ведь вот они, я вижу, уже ставят марс на том большом корабле, чтобы немедленно выйти в море. Вскоре они явятся побеседовать с тобой. Что скажешь ты им, когда они спросят, почему ты без разрешения захватил их корабль?

Как Виллиам сказал, так оно и оказалось. В подзорные трубки мы увидели, что в порту все торопятся, - собирают экипаж и убирают такелаж на шлюпках в большом военном корабле. Совершенно ясно было, что вскоре они явятся к нам. Но нам нечего было раздумывать. Мы обнаружили, что захваченный нами корабль не гружен ничем важным для нас, кроме небольшого количества какао 192, сахара и двадцати баррелей муки. Остальной же груз состоял из шкур. Поэтому мы, забравши все, что считали пригодным для себя, и в том числе все боевые припасы, ядра и ручное оружие, - покинули корабль. Мы захватили с собою также канат, три находившихся на корабле якоря, которые годились нам, и часть парусов. Последних оставили мы достаточно для того, чтобы корабль мог

добраться в порт. Это было все.

После этого мы направились на юг, к бразильскому побережью и подошли к реке Жанейро 193. Но, так как два дня дул сильный ветер с юго-востока и с юго-юго-востока, мы вынуждены были стать на якорь у маленького острова и дожидаться попутного ветра. За это же время португальцы, очевидно, успели передать на материк губернатору, что близ побережья стоят пираты. Так оказалось, что, завидевши порт, мы обнаружили, что как раз за чертою мелководья стоят на якоре два военных корабля. Один из них со всей возможной спешкой ставил паруса и отвязывал якорный канат для того, чтобы побеседовать с нами. Другой так далеко еще не зашел, но собирается последовать его примеру. Меньше, чем через час, они уже шли за нами, поднявши все свои паруса.

Не наступи ночь, слова Виллиама оказались бы пророческими: корабли наверняка задали бы нам вопрос, что мы здесь делаем, ибо обнаружили мы, что передний корабль уже нагонял нас, особенно на одном определенном галсе, тогда как мы уходили от него в наветренную сторону. Но, потерявши корабли из виду в темноте, мы решили переменить курс и направиться прямо в море, не сомневаясь в том, что за ночь нам удастся от них отделаться.

Догадался ли о наших намерениях португальский командир, или нет, - не знаю. Но утром, когда рассвело, оказалось, что мы от него не отделались: он преследует нас, находясь всего в лиге за нашей кормой. Но, к великому нашему счастью, виднелся лишь один корабль из двух. Но зато это был корабль большой, несший на себе сорок шесть пушек и отменно ходкий. Это видно из того, что он нагнал нас, ибо и наш корабль был, как я уже говорил, очень ходок.

Разглядевши все это, я понял, что иного исхода, кроме боя, нет. Зная, что нечего ждать пощады от этих мерзавцев-португальцев, народа, к которому я испытывал природное отвращение, я сообщил капитану Вильмоту, как обстоят дела. Капитан, хотя и был болен, заковылял по каюте и потребовал, чтобы его вынесли на палубу (он был очень слаб). Он захотел лично посмотреть, как обстоят дела.

- Что же, - говорит он, - будем сражаться!

Экипаж наш был и раньше бодр, но вид возбужденного капитана, пролежавшего десять или одиннадцать дней больным в калентуре 194, придал ему двойное мужество, и все принялись убирать судно и готовиться к бою. Квакер Виллиам подошел ко мне, как-то странно улыбаясь.

- Друг, - говорит он, - зачем тот корабль гонится за нами?

- Зачем? - говорю, - чтобы сражаться с нами. Будьте уверены!

- Так, - говорит он. - А как ты думаешь, нагонит он нас?

- Да, - сказал я, - сами видите, что нагонит.

- Почему же в таком случае, друг, - говорит этот сухопарный бездельник, - почему ж ты все бежишь от него, раз он все равно нас настигнет? Разве нам легче будет оттого, что он настигнет нас не здесь, а дальше?

- Все едино, - говорю я, - но что вы-то сделали бы?

- Сделал бы! - говорит он. - Пускай бедняга не трудится больше, чем нужно. Подождем его и послушаем, что он хочет нам сказать.

- Он заговорит с нами порохом и ядрами, - сказал я.

- Ну, что ж, - говорит он, - раз это его родной язык, нужно отвечать ему тем же языком, не правда ли? Не то как он сможет понять нас?

- Превосходно, Виллиам, - говорю я, - мы вас понимаем.

И капитан, несмотря на то, что был болен, крикнул мне:

- Виллиам опять прав, - сказал он. - Все одно, что здесь, что лигой дальше.

И дал приказ:

- Держать грот 195 круто к ветру 196! Мы для него убавим паруса.

Мы убавили паруса. Ожидая португальца с подветренной стороны, - а сами шли в то время на штирборте 197, - мы перетащили восемнадцать пушек на бакборт 198 и решили дать бортовой залп, чтобы взгреть

неприятеля. Прошло еще полчаса, покуда он с нами поравнялся. Все это время мы шли к ветру 199, чтобы отрезать ветер от неприятеля. Он оказался, поэтому вынужденным зайти к нам с подветренной стороны, как мы того хотели. Как только он оказался у нас под кормою, мы подошли вкось и приняли огонь пяти или шести его пушек. К этому времени, можете быть уверены, все наши люди были на своих местах; мы поставили руль прямо к ветру, отпустили подветренные брасы 200 грота и положили его на стеньгу.

Таким образом, наш корабль стал на траверсе 201 португальских клюзов

202.

Тогда мы немедленно дали бортовой залп, продернули его с носа до кормы и убили множество людей.

Португальцы, как мы видели, были в крайнем смятении. Не зная нашего замысла и воспользовавшись открытым путем, они вогнали свой бушприт 203 в переднюю часть наших главных вантов 204, и, так как им не легко оказалось освободиться от нас, мы остались скрепленными таким образом. Враг мог направить на нас не более, как пять или шесть пушек, да еще ручное оружие, тогда как мы выпускали в него полные бортовые залпы.

В самом разгаре дела, когда я был очень занят на шканцах, капитан, не отходивший от нас, позвал меня.

- Какого черта делает там друг Виллиам? - говорит капитан, - что ему нужно на палубе?

Я шагнул вперед и увидал, что друг Виллиам с двумя или тремя дюжими парнями накрепко привязывает португальский бушприт к нашей грот-мачте, боясь, чтобы португалец не ушел от нас. По временам он вытаскивал из кармана бутылочку и подбодрял парней чарочкой. Пули летели вокруг него так густо, как это только бывает в такой битве; ведь португальцы, нужно воздать им должное, дрались очень воодушевленно, будучи сперва совершенно уверены в своей победе и надеясь на свое численное превосходство. А Виллиам был так спокоен и равнодушен к опасности, точно сидит за чашей пунша 205; он только хлопотал, стремясь

добиться того, чтобы сорокашестипушечный корабль не убежал от двадцативосьмипушечного.

Дело было слишком жаркое, чтобы долго тянуться. Наши держались отважно. Наш пушкарь, бравый молодец, кричал внизу и поддерживал такой огонь, что пальба португальцев начала вскоре ослабевать. Мы подбили много их пушек, стреляя по баку 206 и продырявивши корабль, как я уже сказал, от носа до кормы. В это время Виллиам подходит ко мне.

- Друг, - говорит он очень спокойно, - о чем ты думаешь? Почему не посещаешь ты корабль ближнего своего, когда дверь его отворена тебе?

Я тотчас же понял его; наши пушки так разбили корпус португальца, что два его пушечных порта 207 соединились в один, а переборки рулевого помещения были раздроблены в щепы так, что португальцам негде уже было укрыться. Потому я немедленно дал приказ взять его на абордаж. Наш второй лейтенант с тридцатью приблизительно людьми в одно мгновение вступил на бак португальца, а за ним последовало еще несколько человек во главе с боцманом. Изрубивши в куски человек двадцать пять, захваченных ими на палубе, они бросили несколько гранат 208 в рулевое помещение, а затем вошли и туда. Тогда португальцы сразу же запросили пощады, и мы завладели судном, право, вопреки даже собственным нашим ожиданиям. Ведь мы охотно пошли бы на мировую с ними, оставь они нас только в покое, но так как случилось, что мы сперва стали на траверсе их клюзов и яростно поддерживали огонь, не давая им времени отойти от нас и повернуть корабль, так что из своих сорока шести пушек они могли, как я сказал выше, пустить в ход не больше пяти или шести, - то мы и отогнали их немедленно от пушек в бак и между палубами перебили у них множество людей. Когда мы вступили на корабль, у португальцев недоставало уже людей для того, чтобы схватиться с нами в рукопашную.

Неожиданная радость от того, что португальцы просят пощады и что кормовой их флаг 209 спущен, была так велика, что даже наш капитан, сильно ослабевший от тяжелой лихорадки, точно ожил. Природа преодолела недомогание, и в ту же ночь лихорадка спала. В течение двух или трех дней он значительно поправился, сила стала возвращаться к нему, и он снова мог давать распоряжения по всем решительно существенным вопросам. Дней же через десять он был совершенно здоров и вновь занялся

кораблем.

В это время я завладел португальским кораблем, и Вильмот назначил меня, или, вернее, я сам себя назначил его капитаном. Около тридцати человек с этого корабля перешло на службу к нам; часть их составляли французы, часть генуэзцы 210. Остальных мы на следующий день высадили на каком-то островке возле бразильского побережья. Мы были вынуждены только оставить на корабле раненых, которых нельзя было переносить, но нам удалось отделаться от них на мысе Доброй Надежды, где, по собственной их просьбе, мы ссадили их на берег.

Как только корабль был взят и пленники размещены, капитан Вильмот предложил направиться снова к реке Жанейро. Он не сомневался в том, что мы встретимся с другим военным кораблем, который, несомненно, вернется, после того, как он оказался не в состоянии найти нас и отбился от своего спутника. Если взятое уже нами судно пойдет под португальским флагом, второй корабль можно будет также захватить. И все наши стояли за это предложение.

Но наш друг Виллиам подал нам лучший совет. Он подходит ко мне:

- Друг, - говорит он, - я слыхал, что капитан хочет возвращаться в Рио-де-Жанейро в надежде повстречаться со вторым кораблем, преследовавшим нас вчера. Правда ли это? Неужели ты собираешься так поступить?

- Ну, да, Виллиам, - говорю я. - А почему бы и нет?

- Как хочешь, - говорит он. - Ты волен поступать, как тебе вздумается.

- Это и я знаю, Виллиам, - сказал я, - но капитан такой человек, которому нужны разумные доказательства. А что ты хочешь сказать?

- А то, - серьезно говорит Виллиам, - что хочу узнать, чего добиваешься ты и все люди, которые идут с тобой? Того, чтобы добыть денег?

- Да, Виллиам, добыть их честно, по-нашему.

- А что ты предпочитаешь, - говорит он, - деньги без боя или бой без денег? Скажи, что бы ты выбрал, если, предположим, тебе пришлось бы

выбирать?

- Ну, - говорю я, - понятно, первое из двух, Виллиам.

- Скажи же, - говорит он, - великую выгоду дал тебе этот корабль, который ты только что захватил? А ведь он обошелся тебе в тринадцать убитых и несколько раненых, но на торговом судне ты захватил бы добычу вдвое большую, а драться пришлось бы вчетверо меньше. Откуда ты знаешь, какая сила и сколько людей может оказаться на втором корабле, какие ты там понесешь потери, и какая тебе будет выгода, если ты его захватишь? Я полагаю, что тебе лучше оставить его в покое.

- Что ж, Виллиам, а ведь это правда, - сказал я. - Я передам ваше мнение капитану и сообщу вам его ответ.

Как и следовало, я пошел к капитану и передал ему рассуждения Виллиама. Капитан согласился с тем, что, действительно, драться надо нам тогда только, когда это неизбежно, главная же наша задача - это добыть деньги и притом с возможно меньшим для нас ущербом. Потому мы оставили задуманное предприятие и снова направились вдоль берега на юг, к реке Ла-Плате 211, в надежде найти там какую-нибудь добычу. Особенно высматривали мы испанские суда из Буэнос-Айреса 212; они обычно очень богаты серебром, и одно такое судно вполне бы нас устроило. Мы крейсировали в этих краях около месяца, но никакой добычи нам не представилось. Мы стали совещаться, что же теперь предпринять, так как до сих пор не было у нас никакого решения. Я же все время считал, что нужно идти к мысу Доброй Надежды и оттуда к Ост-Индии. Я слышал несколько разжигающих историй о капитане Эйвери 213 и о молодечествах, которые он творил в Индии. Эти истории были раздуты вдвое, вчетверо и даже тысячу раз больше. Так, в Бенгальском заливе он захватил богатое судно, на котором взял в плен знатную даму, как говорят, дочь Великого Могола 214, у которой было великое множество драгоценностей. Нам же рассказывали историю о том, что он захватил монгольское судно, - как называли его безграмотные моряки, - груженое алмазами.

Я, собственно, хотел добиться от друга Виллиама совета, куда нам идти, но он каждый раз уклонялся при помощи какой-нибудь путаной отговорки. Коротко говоря, он никоим образом не хотел служить нам руководителем.

Не знаю, было ли тут дело в его совести или он хотел избежать впоследствии возможных угрызений. Но мы, наконец, решили вопрос без него.

Мы колебались достаточно долго и много времени мотались возле Рио-де-Ла-Плата зря. Наконец, с наветренной стороны завидели мы парус и корабль. Это был такой, подобного которому - я уверен - давно в этой части света не видывали. Отнюдь не требовалось, чтобы мы за ним гнались; он шел прямо на нас, точно рулевые об этом заботились. Это было, скорее, делом ветра, нежели чего-нибудь другого; переменись как-нибудь ветер, корабль пошел бы в другом направлении. Предоставляю каждому моряку или человеку, смыслящему что-нибудь в кораблях, решить, какой вид был у этого судна, когда мы впервые увидали его, и что вообразили мы о его состоянии. Грот-мачта вышла на борт на добрых шесть футов над эзельгофтом и упала вперед, а верхушки брам-стеньги свисали в передних вантах у штага 215. В то же время ракса 216 марселевой реи на бизане по какой-то причине сдала, и брасы бизаневых марселей (стоячая часть брасов крепко держалась на вантах грот-марселя) сорвали бизаневый марсель вместе с реей к черту; они нависали над частью шканцев подобно тенту. Марсель на фоке был поднят до трех четвертей мачты, но паруса были распущены. Передняя рея была спущена до самого бока, паруса не закреплены, и часть их свешивалась за борт. В таком состоянии шел на нас корабль под ветром. Словом, облик корабля являл собою для привычных к морю людей самое ошарашивающее зрелище. На корабле лодок не было, и флаг не развевался.

Когда мы сблизились, мы дали выстрел, чтобы судно изменило курс. Но оно не обратило внимания ни на выстрел, ни на нас, а продолжало идти по-прежнему. Мы дали второй выстрел, но ничего не изменилось. Наконец, наши суда оказались на расстоянии пистолетного выстрела 217 друг от друга, но никто не отвечал и не появлялся на том корабле. Тут мы уже решили, что судно где-нибудь потерпело крушение и что после того, как экипаж покинул его, прилив снова погнал его по морю. Приблизившись к кораблю, мы пошли вдоль его борта так близко, что услышали какой-то шум внутри корабля, а через порты увидели, что в нем движется много народу.

Тогда мы насажали в две лодки вооруженных до зубов людей и послали их тотчас же подойти, возможно ближе к кораблю и взобраться на него,

при чем одна часть должна была взойти между якорных цепей по одну сторону, а другая с борта - по другую. Как только лодки подошли к борту корабля, на палубе появилось большое количество черных, как нам показалось, моряков. Коротко говоря, они так напугали наших, что лодка, которая должна была пристать к шкафуту 218, отступила и не посмела приблизиться. Те же, которые вступили на палубу с другой лодки, видя, что первая - как они решили - отбита, и что палуба полна людей, поскакали обратно в лодку и отчалили. Тогда мы решили дать бортовой залп по кораблю, но наш друг Виллиам и здесь подал правильный совет. Видно, он раньше нашего понял, в чем дело, и подошел ко мне, ибо к тому судну пристал мой корабль:

- Друг, - говорит он, - мне кажется, что ты в этом деле заблуждаешься, и что твои люди также поступили неправильно. Я скажу тебе, как можно взять этот корабль, не прибегая к тем штукам, которые называются пушками.

- Как возможно это, Виллиам? - спросил я.

- А вот как, - сказал он, - ты можешь, захватить его одним управлением. Ты видишь, что у них никто не стоит на руле, и ты видишь, в каком они состоянии. Подойди к ним с подветренной стороны и перейди к ним на палубу прямо с корабля. Я убежден, что ты без боя захватишь корабль, так как с ним приключилась какая-нибудь беда. Только мы не знаем - какая.

Словом, так как море было гладкое и ветер слабый, я последовал совету Виллиама и встал под ветром у корабля. Немедленно наши вступили на него. Это был большой корабль, на котором находилось свыше шестисот негров, - мужчин и женщин, мальчиков и девочек, я ни одного христианина и белого человека.

Вид этого поразил меня ужасом; я немедленно заключил, - и это отчасти оказалось верным, - что эти черные черти освободились, перебили всех белых людей и побросали их в море.

Не успел я поделиться своей мыслью с нашими, как они пришли в такую ярость, что мне с большим трудом удалось удержать их: они готовы были изрубить всех негров. Но Виллиаму, после многих уговоров, удалось убедить их тем, что, находись они в положении этих негров, они сами

попытались бы сделать то же; он доказывал, что по отношению к неграм совершили несправедливость, продавши их в рабство, что поступок негров подсказан им законами природы; что нельзя убивать их, так как это будет преднамеренным убийством.

Это убедило наших и охладило их первый порыв, так что они прикончили только двадцать или тридцать негров, а остальные все укрылись между палубами, на своих местах, думая, как нам казалось, что мы прежние хозяева, вернувшиеся на корабль.

Тут оказались мы перед непреодолимой трудностью, так как негры не понимали ни единого слова из того, что мы говорили, а мы сами не могли понять ни единого слова из того, что они говорили. Знаками пытались мы спросить у них, откуда они; но и этого они понять не могли. Мы указывали на кают-компанию 219, на отхожее место, на кухню, затем на наши лица, спрашивая, нет ли на корабле белых и куда они подевались, но негры не понимали, чего мы от них хотим. С другой стороны, они также указывали на наш корабль и на свое судно, задавали какие-то вопросы и много говорили и выражались очень серьезно, но мы ни слова не могли понять из всего сказанного ими и не знали, что обозначают их знаки.

Мы прекрасно только знали, что на судно они были посажены в качестве рабов, и, несомненно, какими-нибудь европейцами. Сразу убедились мы в том, что судно голландской стройки, но сильно переделанное; оно перестраивалось, должно быть, во Франции, ибо мы нашли на борту две или три французских книги. Впоследствии мы нашли также одежду, белье, кружева, старую обувь и много других вещей. Среди съестных припасов нашли мы несколько баррелей ирландской говядины и ньюфаундлендскую рыбу; и оказалось еще много доказательств тому, что на корабле были христиане, но никаких других следов их мы не видали. Мы не нашли ни единой сабли, ни единого мушкета, пистолета и вообще какого-нибудь оружия, кроме нескольких тесаков 220, которые негры спрятали внизу, где помещались. Мы спросили их, что приключилось со всем ручным оружием, при этом мы показывали сперва на свое оружие, а затем на те места, где висит обычно корабельное оружие. Один из негров сразу понял меня и знаками поманил на палубу. Там, взявши мою фузею, которую я еще некоторое время после взятия корабля не выпускал из рук, - я хочу сказать, попытавшись взять ее, - он сделал такое движение, точно швыряет ее в море. Из этого я понял, - как и подтвердилось впоследствии, - что они

побросали в море все ручное оружие - порох, пули, сабли и так далее, считая, очевидно, что эти вещи, даже без людей, перебьют их.

Когда мы поняли это, нам стало ясно, что экипаж корабля, застигнутый врасплох этими отчаявшимися негодяями, отправился туда же, то есть, был выброшен за борт. Мы обыскали весь корабль, ища следов крови, и, как казалось нам, мы заметили их во многих местах; но солнечный жар растопил на палубе деготь и вар, так что с достоверностью различить эти следы невозможно было, за исключением только отхожего места, где, мы ясно видели, было пролито много крови. Люк 221 был открыт; из этого мы заключили, что капитан и бывшие с ним люди отступили в кают-компанию, либо же, что находившиеся в кают-компании отступили в уборную.

Но больше всего подтвердило нам все случившееся то обстоятельство, что при дальнейшем расследовании мы обнаружили семь или восемь тяжело раненых негров, двое или трое из которых были ранены пулями, у одного же из них была сломана нога, и лежал он в плачевном состоянии, так как мясо было поражено гангреной 222. Наш друг Виллиам заявил, что через два дня этот негр умер бы. Виллиам был чрезвычайно искусным лекарем, как он доказал это своим лечением. Все лекари на обоих наших судах (а было у нас их не меньше пяти, называвших себя дипломированными лекарями, не считая еще двух кандидатов или помощников) - все они утверждали, что негру нужно отрезать ногу, что без этого нельзя будет спасти ему жизнь; что гангрена захватила уже костный мозг, что сухожилия загнили, и, если даже вылечить ногу, негр не сможет пользоваться ею; Виллиам вообще ничего не сказал, кроме того, что он другого мнения, и что он считает, прежде всего необходимым исследовать рану, а тогда уже выяснится дальнейшее сообразно с этим. Он принялся возиться с ногою, и, так как он просил дать ему в помощь кого-нибудь из лекарей, мы приставили к нему в подмогу двух самых толковых из них с тем, чтобы остальные смотрели, если только считают это пристойным для себя.

Виллиам принялся за дело на свой лад, и лекари сперва осуждали его. Как бы то ни было, он продолжал свое дело и осмотрел все части ноги, где можно было только заподозрить гангрену. Словом, он срезал большое количество гангренозного мяса, и при этом бедняга не испытывал боли. Виллиам продолжал срезать мясо, покуда перерезанные кровеносные

сосуды не стали кровоточить, и негр не закричал. Тогда Виллиам вынул осколки кости и, обратившись за помощью, составил, так сказать ногу, перевязал ее и уложил негра покойно.

Негр после перевязки почувствовал себя много лучше, чем прежде.

При первой же перевязке лекари стали торжествовать. Гангрена, казалось, распространилась дальше: вверх от раны и к середине бедра негра потянулась длинная красная полоса крови. Лекари заявили мне, что негр через несколько часов умрет. Я пошел взглянуть на больного и нашел, что Виллиам несколько изумлен. Но когда я спросил его, сколько, по его мнению, проживет бедняга, Виллиам серьезно поглядел на меня и сказал:

- Столько же, сколько и ты. Я совсем не тревожусь за его жизнь, - сказал он, - но хотел бы вылечить его, - если удастся, - не делая калекой.

Я заметил, что в то время он не оперировал ногу, но смешивал что-то для бедняги, чтобы остановить, как мне казалось, распространяющееся заражение и уменьшить или предупредить лихорадочное возбуждение, возможное в крови. Затем он снова взялся за работу и вскрыл ногу в двух местах над раной и вырезал большое количество мяса, начавшего загнивать, очевидно, от того, что повязка слишком сильно сдавила эти места; к тому же кровь, - в то время более обычного способная загнивать, - могла распространить гангрену.

Так вот наш друг Виллиам справился со всем этим, соскреб начавшую распространяться гангрену, и красная полоса исчезла, и мясо стало заживать, и дело налаживаться. В несколько дней положение негра улучшилось, - пульс стал биться ровно, лихорадка исчезла, и больной каждый день набирался сил. И, словом, через десять недель негр был совершенно здоров; мы оставили его у себя и сделали изрядным моряком. Но вернемся к судну. Нам так и не удалось толком узнать о нем что-нибудь. Лишь впоследствии нам о нем рассказали несколько негров, которых мы оставили на корабле и научили английскому; среди них, в частности, был и этот изувеченный парень.

При помощи всех знаков и движений, какие только удалось нам выдумать, мы допытывались, что сталось с белыми, но ничего не могли у негров узнать. Наш лейтенант был за то, чтобы пытать 223 их до тех пор,

покуда они не признаются; но Виллиам яростно восстал против этого. Узнавши, что некоторые собираются уже взяться за пытку, он явился ко мне.

- Друг, - говорит он, - умоляю тебя, не подвергай тех несчастных пытке.

- Почему же, Виллиам, - сказал я, - почему? Вы же сами видите - они не желают рассказать, что приключилось с белыми.

- Нет, - говорит Виллиам, - не говори этого. По-моему, они подробнейшим образом пересказали тебе все, что случилось.

- Как так? - говорю я. - Что узнали мы из их трескотни?

- Ну, - говорит Виллиам, - в этом, на мой взгляд, ты повинен так же, как и они. Не будешь же ты наказывать бедняг за то, что они не говорят по-английски; они, может быть, никогда до сих пор английской речи и не слыхали. Нет, я совершенно твердо убежден, что они самым добросовестным образом все рассказали тебе. Разве ты не заметил, как серьезно и как долго некоторые из них говорили с тобой? А если ты не понимаешь их языка, а они не понимают твоего, то в чем здесь их вина? Ведь, в лучшем случае, ты предполагаешь, что они не рассказали тебе всей правды, а я утверждаю обратное, - что они рассказали всю правду. Ну, как разрешишь ты вопрос, кто из нас прав - ты или я? Да что могут они сообщить тебе? Если ты даже на пытке задашь им вопрос, они его не поймут. Ты не будешь даже знать, говорит ли пытаемый “да” или “нет”.

Я был убежден этими доводами. Все же нам много пришлось повозиться, чтобы помешать второму лейтенанту убить несколько негров с целью заставить остальных заговорить. Действительно, что случилось бы, если бы они заговорили? Он не понял бы ни слова и оставался бы по-прежнему уверен, что негры обязаны его понять, раз он спрашивает, были ли на их корабле лодки в роде наших, и что с ними случилось.

Ничего не оставалось, как только ждать, покуда мы научим негров понимать по-английски; до того времени надо было отложить историю. Дело обстояло так: нам никак не удалось узнать, ни где погрузили негров на судно, ни какой национальности были белые на корабле, так как негры не знали английских названий африканских побережий и не умели различать языков. Все же впоследствии допрошенный мною негр, тот,

кому Виллиам вылечил ногу, сообщил, что белые не говорили ни на том языке, на котором говорим мы, ни на том, на котором говорят наши португальцы. Так что, по всей вероятности, на их корабле были французы или голландцы.

Затем негр рассказал, что белые обращались с ними свирепо; что били их беспощадно 224. У одного из негров была жена и двое детей, при чем среди них - дочь лет шестнадцати; один белый изнасиловал жену негра, а затем его дочь; это привело, по словам рассказывающего, в бешенство всех негров, а муж той женщины пришел в большую ярость; это так рассердило белого, что он решил убить негра. Но ночью негр высвободился и раздобыл большую дубину (под этим он понимал ганшпуг 225), и когда тот француз (это был, вероятно, француз) снова вошел в их помещение и опять принялся насиловать жену негра, последний занес ганшпуг и одним ударом размозжил ему голову. Затем, взявши у убитого ключ, которым отпирались колодки на неграх, он освободил около сотни их; они вышли на палубу через тот же люк, через который входили белые; завладевши тесаком убитого и, похватавши все, что было под рукою, они напали на людей, находившихся на палубе, и перебили их всех, и затем всех тех, кого нашли на баке; капитан же и прочие, находившиеся в каютах и в отхожем месте, защищались отменно мужественно, стреляли в них через бойницы и ранили многих, в том числе и его, а некоторых убили; после долгой стычки негры ворвались в отхожее место и убили там двух белых, но, правда, эти двое успели убить одиннадцать негров еще прежде, чем тем удалось ворваться в отхожее место. Остальные белые, успевшие через люк спрятаться в кают-компанию, ранили еще троих.

В это время их корабельный пушкарь успел укрыться в крюйт-камере 226; один из его людей подвел баркас под корму и, собравши оружие и все боевые припасы, какие удалось только достать, погрузил их в лодку; затем он посадил туда капитана и всех, кто был с ним в кают-компании. Когда все, таким образом, оказались в лодке, они решили попытаться взять судно на абордаж и снова завладеть им. Так они яростно набросились на корабль и сперва убили всех сопротивлявшихся им. Но к этому времени все негры уже находились на свободе и добыли себе оружие, и, хотя ничего не понимали в порохе, пулях и в ружьях, белым все же справиться с неграми не удалось. Как бы то ни было, тогда они отправились к носу судна и пересадили к себе также всех, которых покинули на кухне корабля. Эти последние держались стойко, несмотря на все нападения, и даже убили

тридцать или сорок негров, но под конец и они были вынуждены также покинуть корабль.

Негр не мог сказать мне, где, приблизительно, это приключилось, - близко ли от африканских берегов, или далеко, и за сколько времени до того, как корабль попал к нам в руки. Он сказал только, что это вообще было очень давно, как они это называли: судя потому, что нам удалось узнать, случилось это через два или три дня после того, как они отплыли от Африки. Они сообщили нам, что убили около тридцати белых, пробивая им головы ударами ломов, ганшпугов и всем, что попадалось под руки. А один сильный негр железным ломом убил троих уже после того, как сам дважды был прострелен насквозь; а потом ему прострелил голову сам капитан у двери в отхожее место; эту дверь тот негр выбил ударом лома. И поэтому, вероятно, и обнаружили мы столько крови у двери в отхожее место.

Тот же негр рассказал нам, что они побросали в море весь порох и все пули, какие только нашли; они побросали бы в море и пушки, если бы только смогли поднять их. Когда мы спросили его, как это случилось, что паруса пришли в такое состояние, он ответил:

- Они не понимать, они не знать, что делать паруса…

Это обозначает, что они не знали даже того, что судно движется при помощи парусов, не знали, зачем паруса нужны, и что с ними делать. Тогда мы спросили его, куда они направлялись, и он ответил, что этого они не знали, но думали, что попадут домой, на родину. Я спросил его особо о том, что, собственно, они подумали, когда впервые увидали нас? Он сказал, что они страшно испугались, так как решили, что мы те самые белые, которые уехали в своих лодках, а теперь вернулись на большом корабле с двумя лодками и сейчас перебьют их всех.

Таков был рассказ, которого мы добились после того, как научили их говорить по-английски и различать названия и назначение находящихся на корабле предметов, о которых им приходилось говорить. Мы заметили, что негры слишком просты, так что их показания не расходились между собою и совпадали во всех подробностях. Они все рассказывали одно и то же, и это подтверждало истину сказанного ими.

После того, как мы завладели кораблем, перед нами возникло затруднение - что делать с неграми? Португальцы в Бразилии охотно купили бы их и были бы довольны сделкой, не покажись мы им в качестве врагов и не будь известны им как пираты. По этой именно причине мы не смели приставать к берегу в этих краях или вступать в сношения с плантаторами, боясь поднять против себя всю страну. И можно было быть уверенными, что, если бы в их портах имелось что-нибудь похожее на военные корабли, они напали бы на нас всеми своими сухопутными и морскими силами.

Но лучшего нельзя было ожидать, если бы мы пошли и на север. Некоторое время мы подумывали о том, чтобы отвезти негров в Буэнос-Айрес и там продать их испанцам. Но негров было поистине слишком много для тамошнего рынка. А везти их кругом до Южных морей 227 - единственная оставшаяся возможность - было так далеко, что в пути мы не смогли бы прокормить их.

Под конец наш старый, никогда не теряющийся друг Виллиам снова выручил нас, как часто делал это, когда мы попадали в безвыходное положение. Он предложил, что, в качестве хозяина корабля, он с двадцатью верными парнями двинется и попытается самолично торговать с плантаторами на бразильском берегу, но только не в главных портах, так как это не разрешается 228.

Мы все согласились с его предложением, а сами решили направиться к Рио-де-Ла-Плата, куда собирались уже и раньше; встретиться же условились у порта Сан-Педро229, как его называют испанцы, расположенного на устье реки, которую они называют Рио-Грандэ 230. Там у испанцев расположено небольшое укрепление и немного народа, но мы считали, что никого нет.

Здесь мы остановились, крейсируя взад и вперед и высматривая, не встретится ли нам судно, идущее из портов или к портам Буэнос-Айреса, или Рио-де-Ла-Плата, но мы не видели ничего, заслуживающего внимания. Как бы то ни было, мы занялись приготовлениями к выходу в море: наполнили водою все бочки и добыли рыбу для повседневного пропитания, дабы сберечь возможно больше из имевшихся запасов.

Виллиам в это время отправился к северу и высадился на берег около

мыса святого Фомы 231. Между этим местом и Туберноскими островами 232 он нашел способ снестись с плантаторами, скупившими у него всех его негров - мужчин и женщин, и за хорошую цену. Виллиам, хорошо говоривший по-португальски, рассказал им на вид вполне правдоподобную историю о том, что он сильно сбился с пути, что корабль его не имеет съестных припасов и вообще не знает, где находится, и поэтому вынужден либо пойти на север до самой Ямайки, либо же продавать негров здесь на этом берегу. История эта звучала вполне правдоподобно, и поверили ей без труда. Действительно, если вспомнить, как плавают обычно работорговцы, и что случилось в данном путешествии, то каждое, слово будет звучать как истина.

Благодаря этой уловке и честным сношениям с покупателями Виллиам прослыл за то, чем был - хочу сказать, за совершенно честного парня. При помощи одного плантатора, который пригласил соседних плантаторов и устроил совместную покупку, распродажа пошла быстро. Менее чем в пять недель, Виллиам продал всех своих негров, а под конец и самый корабль. Затем он сел со своим экипажем и двумя негритянскими мальчиками, которых оставил непроданными, на шлюп - один из тех шлюпов, какие плантаторы обычно посылают на корабли за неграми. На этом шлюпе капитан Виллиам, как мы тогда назвали его, и нашел нас в порту Сан-Педро на южной широте в тридцать два градуса тридцать минут.

Ничто не могло поразить нас более чем вид идущего вдоль побережья под португальским флагом шлюпа, который двинулся прямо на нас после того, как - мы видели это - заметил оба наши корабля. Когда он подошел поближе, мы выстрелили из пушки, чтобы остановить его, но шлюп немедленно ответил салютом из пяти пушек и выкинул английский кормовой флаг. Тогда стали мы догадываться, что это друг Виллиам, но никак не могли понять, каким образом он оказался на шлюпе, когда мы отправили его на корабле в добрых триста тонн. Но он скоро рассказал нам всю историю, результатами которой мы по многим причинам были вполне удовлетворены. Как только шлюп стал на якорь. Виллиам явился ко мне на корабль и тут-то отдал нам полный отчет: как начал торговать при помощи португальского плантатора, жившего недалеко от побережья; как сошел на берег и подошел к первому же попавшемуся дому, и попросил хозяина продать ему свиней, делая вид, что остановился у этого берега только для того, чтобы набрать пресной воды и закупить съестных припасов; хозяин же, не только продал ему семь жирных свиней, но и пригласил его к себе в

дом, угостивши его и его пять спутников превосходнейшим обедом, тогда он пригласил плантатора к себе на корабль и, в благодарность за оказанную любезность, подарил негритянскую девушку для его жены.

Эта любезность вынудила плантатора на следующее утро в большой грузовой лодке послать на корабль корову, двух овец, ящик со сластями, сахару, большой мешок табаку и вдобавок снова пригласить на берег капитана Виллиама. А затем они стали стараться превзойти друг друга любезностями. К слову заговорили о том, как бы продать несколько негров. Виллиам, делая вид, что оказывает услугу, согласился продать плантатору для личных услуг тридцать негров; за что тот заплатил Виллиаму наличными по тридцать пять мойдоров за голову. Но плантатор вынужден был с величайшей осторожностью доставить их на берег. По этой причине он попросил Виллиама сняться с якоря и выйти в море, повернуть к берегу приблизительно милях в пятидесяти севернее, где у маленького залива плантатор выгрузил закупленных негров на плантацию, принадлежавшую его другу, которому он, видимо, мог доверять.

Это передвижение способствовало не только дружбе Виллиама с плантатором, но и познакомило его с другими плантаторами, друзьями первого, которые также хотели пробрести себе негров. Так что поодиночке они раскупили всех негров так быстро, что, когда под конец один богатый плантатор купил себе сто негров, у Виллиама уже ничего не осталось. А первый плантатор поделил своих негров с другим плантатором, который стал торговать затем у Виллиама его корабль и все, находившееся на нем, выменявши его на чистенький, большой, хорошо построенный и прекрасно оборудованный шестидесятитонный шлюп с шестью пушками; впоследствии мы поставили на нем двенадцать пушек. За корабль Виллиам получил, кроме шлюпа, еще триста золотых мойдоров и на эти деньги нагрузил шлюп до отказа съестными припасами, а особенно хлебом, свининой и сверх того шестьюдесятью живыми кабанами. Помимо всего прочего, Виллиам добыл восемьдесят баррелей хорошего пороха, что нам очень пригодилось. Кроме того, он забрал и все съестные припасы, бывшие на французском корабле.

Рассказ Виллиама доставил нам большое удовольствие, в особенности, когда мы узнали, что, помимо всего, Виллиам получил чеканенным или весовым 233 золотом и частью испанским серебром шестьдесят тысяч осьмериков.

Мы были в особенности рады шлюпу и стали совещаться, не лучше ли бросить наш большой португальский корабль, а сохранить только первый наш корабль и шлюп - все равно людей у нас еле хватало на все три судна, да и вообще большой корабль, считали мы, был слишком велик для нашей работы. Как бы то ни было, благодаря тому, что возник этот спор, первый наш спор о том, куда идти был разрешен. Мой товарищ, как я называл его теперь, то есть тот, кто был моим капитаном до того, как мы захватили португальский военный корабль, стоял за то, чтобы идти в Южные моря и взять курс по западному побережью Америки, где нам, безусловно, удастся захватить богатые испанские суда. А там уже, если того потребуют обстоятельства, мы из Южных морей сможем легко добраться до Ост-Индии и, таким образом, обогнуть земной шар, как то до нас делали другие.

Но у меня имелось другое предложение. Я бывал в Ост-Индии и с тех пор придерживался убеждения, что, пойди мы туда, мы сделали бы, безусловно, выгодное дело, и у нас будет и безопасное место для отступления и добрая говядина для пропитания среди моих старых друзей - туземцев Занзибара или Мозамбикского побережья, или острова святого Лаврентия 234. Мысли мои, говорю я, были настроены на этот лад, и я прочитал моим товарищам столько наставлений о выгодах, которые они наверняка получат, пиратствуя в заливе Моча 235, в Красном море, и на Малабарском побережье или в Бенгальском заливе 236, что прямо-таки ослепил их.

Этими доводами я убедил их, и все мы решили отправиться на юго-восток, к мысу Доброй Надежды. А следствием этого решения явилось то, что мы решили сохранить наш шлюп и отправиться с тремя судами, не сомневаясь, - в чем я убедил их, - что в дальнейшем пути найдем для них достаточно людей, а если и не найдем, то сможем всегда, когда пожелаем, бросить один из кораблей.

Конечно, мы не могли сделать ничего иного, как назначить капитаном шлюпа нашего друга Виллиама, добывшего нам этот шлюп благодаря такой хорошей рассудительности. Виллиам нам весьма любезно ответил, что не будет командовать ни шлюпом, ни фрегатом. Но, если мы шлюп дадим ему в качестве его доли в гвинейском корабле, - на что мы охотно согласились, - он останется в нашем обществе в качестве продовольственного склада, раз мы по-прежнему будем приказывать ему и

он будет находиться под тем же насилием, каким его увели.

Мы поняли его и дали ему шлюп, но под условием, чтобы он от нас не отходил и всецело подчинялся нам.

Виллиам чувствовал себя уже не так свободно, как прежде. А так как впоследствии шлюп понадобился нам, чтобы крейсировать с поручениями и возить уже настоящего пирата, пирата до мозга костей, да и я так скучал по Виллиаму, что обойтись без него не мог, ибо был он моим частым советчиком и товарищем во всех делах, - то я посадил на шлюп шотландца, смелого, предприимчивого, бравого парня, по имени Гордон, и поставил на судно двенадцать пушек и четыре петереро 237, хотя, в сущности, людей у нас не хватало и на каждом корабле было экипажа меньше, нежели полагается.

Мы отплыли к мысу Доброй Надежды в начале октября 1706 года и прошли в виду мыса двенадцатого ноября месяца, испытавши в дороге немалое количество ненастий. На тамошних рейдах повстречали мы много торговых судов, равно английских и голландских, но не знали, куда идут они: на родину или с родины. Как бы то ни было, мы считали не совсем удобным становиться на якорь, так как не знали определенно, что это за суда, и не предпримут ли они чего-либо против нас, если узнают, кто мы такие. Но, нуждаясь в пресной воде, мы отправили к источнику за водой две лодки с португальского военного корабля, посадивши на них только португальских моряков и негров. В то же время мы выкинули португальский кормовой флаг и простояли так всю ночь.

Таким образом, нас не узнали и, во всяком случае, сочли за кого угодно, кроме как за то, чем мы были в действительности.

Когда около пяти часов следующего утра наши лодки в третий раз воротились с полным грузом, мы сочли, что запас воды у нас достаточный, и двинулись на восток. Но до того еще, как наши вернулись в последний раз, - тогда дул добрый ветер с запада, - мы различили в сером свете утра лодку под парусом, торопившуюся к нам, точно боясь, что мы уйдем от нее. Мы вскоре обнаружили, что то был английский баркас и что он полон людей. Мы никак не могли понять, что это обозначает. Но так как это была всего только лодка, то мы подумали, что ничего опасного нам не может угрожать, если мы ее подпустим к себе. Если же окажется, что лодка

подошла с целью узнать, кто мы такие, то мы дадим ей полный отчет о себе тем, что захватим ее, - ведь в людях мы нуждались больше, чем в чем-либо ином. Но мы оказались избавленными от труда решать, как поступить с лодкой. Дело в том, что случилось так: наши португальские моряки, отправившись за водой к источникам, оказались совсем не так сдержанны на язык, как должны были быть по нашим ожиданиям. Но дело, коротко говоря, было вот в чем: капитан (я по особой причине в настоящее время не называю его имени), командующий ост-индским торговым кораблем 238, впоследствии имевшим желание пойти в Китай 239, по какой-то причине обращался очень сурово со своими подчиненными, и особенно грубо обошелся со многими из них возле острова святой Елены 240. Дошло до того, что они сговорились между собою при первой же возможности покинуть корабль и долго мечтали о такой возможности. И вот некоторые из них, как оказалось, повстречались у источников с нашими людьми и стали расспрашивать, кто они такие и куда идут. И потому ли, что наши португальцы-моряки отвечали запинаясь, те заподозрили, что вышли мы на разбой, или же наши сказали им это простым и ясным английским языком (они все говорили по-английски вполне удобопонятно), или еще как вышло, только следствием всего этого оказалось то, что беседовавшие доставили к себе на судно новость о том, что идущие к востоку корабли - английские, и что идут они на “отчет”, что на морском языке обозначает пиратство. И как только, говорю я, на судне прослышали об этом, то сразу принялись за дело и за ночь собрали все сундуки свои и одежду, и что только могли еще; перед рассветом вышли и часам к семи уже добрались до нас.

Когда они подходили к борту корабля, которым я командовал, мы окликнули их, как полагается в таких случаях, чтобы знать, кто они такие и чего хотят. Они отвечали, что они англичане и хотят к нам на корабль. Мы разрешили им причалить, но с тем, чтобы покуда только один из них взошел на борт и объяснил нашему капитану, в чем состоит их дело. При этом человек этот должен быть безоружный. Они охотно согласились.

И мы скоро узнали, в чем состоит их дело: они хотели присоединиться к нам. Что же до оружия, то они просили нас послать к ним человека, которому они и сдадут его. Так мы и поступили. Явившийся ко мне парень рассказал, как дурно обращался с ними их капитан, как он морил своих подчиненных голодом и обращался с ними, как с собаками. Он сообщил мне, что если бы остальные знали, что их примут, он убежден, что две

трети команды покинули бы судно. Мы убедились, что парни твердо решили действовать и что моряки они дельные и ловкие. Но я сказал им, что не буду ничего делать без нашего адмирала, который был капитаном на втором корабле. Поэтому я послал свою пинасу 241 за капитаном Вильмотом с приглашением приехать ко мне, но капитан чувствовал себя неважно и отказался приехать, предоставивши все дело на мое усмотрение. Но прежде, чем моя лодка возвратилась, капитан Вильмот крикнул мне в свой переговорный рупор 242 так, что все, а не только я один, услышали его. Он окликнул меня по имени.

- Я слыхал, что это - парни честные. Скажите им, пожалуйста, что мы их приветствуем, и выставьте им чашу пунша.

И так как они не хуже моего слышали, что сказал капитан, то не было нужды повторять его слова. Как только рупор смолк, все рявкнули “ура”, да так, что ясно было, как рады они тому, что попали к нам. Но мы привязали их к себе еще крепче тем, что, когда прибыли на Мадагаскар, капитан Вильмот, с согласия всего экипажа судна, распорядился выдать им из общего запаса все жалованье, причитавшееся им на судне, которое они покинули. В дополнение мы выдали им в виде поощрения по двадцати осьмериков на брата. И таким образом мы приняли их в равный пай со всеми нами. Парни-то были отважные и дюжие: всего было их восемнадцать, в том числе два мичмана и один плотник.

Двадцать восьмого ноября, претерпевши ненастье, мы стали на якорь в некотором отдалении от залива святого Августина 243, на юго-западной оконечности старого моего знакомца, острова Мадагаскар. Некоторое время простояли мы здесь, выменивая у туземцев превосходную говядину, и, хотя было так жарко, что мы не могли надеяться засолить ее впрок, я все же показал им способ, который мы применяли прежде при засолке: сперва солили селитрою, а потом вялили на солнце. Мясо от этого становилось на вкус приятным, но не таким казалось оно нашим, так как его нельзя было готовить по-обычному, а именно: запекать в пирогах, варить с ломтиками хлеба в бульоне и так далее, а особенно потому, что оно оказывалось слишком солоно, и сало его становилось или прогорклым, или застывало так, что его нельзя было есть.

Пробывши здесь некоторое время, мы стали понимать, что место это для нашего дела неподходящее. Я же, имея на этот счет свои собственные

соображения, сказал, что это не стоянка для тех, кто ищет прибылей, что имеются на острове два места, особенно подходящие для нашей цели. Во-первых, залив на восточном берегу острова и путь оттуда до острова святого Маврикия

244.

По этой дороге обычно идут суда с Малабарского побережья, Коромандельского побережья 245, от форта святого Георга 246 и так далее, и, если мы хотим подстеречь их, здесь нам и нужно выбрать нашу стоянку.

Но, с другой стороны, мы не очень решались нападать на корабли европейских купцов, так как это были суда сильные и с многочисленным экипажем, и без боя там обычно не обходилось. Поэтому и был у меня другой замысел, который, думал я, даст барыши такие же, а может, и больше, не заключая в себе при этом ни опасностей, ни затруднений первой возможности. То был залив Моча, или Красное море.

Я сказал нашим, что торговля там развита, суда богаты, а Баб-эль-Мандебский пролив 247 узок, так что нам, несомненно, удастся крейсировать так, чтобы не выпускать из рук ни одной добычи, и перед нами будут открыты моря от Красного моря, вдоль Аравийского побережья, к Персидскому заливу и к Малабарской стороне Индии.

Я рассказал им, что еще заметил, когда во время первого своего путешествия обогнул остров, а именно, - что на северной оконечности этого острова много превосходных гаваней и стоянок для наших судов; что туземцы там еще мягче и дружелюбнее тех, среди которых мы находимся теперь, так как дурному обращению со стороны европейских моряков подвергались не так часто, как обитатели южных и восточных берегов острова; и что мы всегда можем с уверенностью отступить, если необходимость, - враги или непогода, - принудит нас к этому.

Все без труда согласились с тем, что мой замысел был целесообразен. И даже капитан Вильмот, которого я теперь называл нашим адмиралом, был одного мнения со мной, хотя сперва хотел отправиться на стоянку к острову святого Маврикия и там поджидать европейских торговых кораблей от Коромянделя или из Бенгальского залива. Правда, мы были

достаточно сильны для того, чтобы напасть даже на английский ост-индский корабль любой силы, хотя некоторые из них, говорят, несут до пятидесяти пушек. Но я напомнил капитану Вильмоту, что если мы нападем на такое судно, то наверняка будет бой и кровь, а потом, если даже мы и справимся с кораблем, груз его не окупится, так как мы не имеем возможности продавать его товары. При наших обстоятельствах нам выгоднее было захватить один идущий из Англии ост-индский корабль с наличными деньгами, быть может, до сорока или пятидесяти тысяч фунтов, нежели три корабля, идущих в Англию, хотя бы груз их в Лондоне стоит втрое дороже - и это потому, что нам негде было сбывать корабельный груз. Суда же, отправляющиеся из Лондона, помимо денег, полны обычно добра, которым мы можем воспользоваться: таковы запасы съестных припасов и напитков и тому подобные вещи, посылаемые для личного пользования губернаторам и в фактории английских сеттлементов. Поэтому, если нам и был смысл охотиться за судами наших земляков, то только за такими, которые шли за границу, а не домой, в Лондон.

Адмирал, сообразивши все это, решительно согласился со мной. Так, набравши воды и свежих съестных припасов на месте нашей стоянки, возле мыса святой Марии 248, на юго-западном углу острова, мы подняли якорь и пошли на юг, а потом на юго-юго-восток, чтобы обогнуть остров. После, приблизительно, шестидневного плавания мы вышли из кильватера 249 острова и повернули на север, покуда не прошли порт Дофина 250, а там взяли на север через восток до широты в тринадцать градусов сорок минут, то есть, как раз до крайней оконечности острова, покуда наконец адмирал, держа прямо на запад, не вышел в открытое море, удаляясь прочь от острова. Тогда по его приказу мы повернули и послали шлюп обогнуть крайнюю северную оконечность острова и, пройдя вдоль берега, отыскать подходящую для нас гавань. Шлюп исполнил приказание и вскоре вернулся к нам с сообщением, что нашел глубокую бухту, с очень хорошим рейдом 251 и где много островков, вдоль которых имеются хорошие якорные стоянки, глубиною от десяти до семнадцати фазомов. Туда мы и направились.

Как бы то ни было, впоследствии нам пришлось переменить стоянку. В настоящее время у нас не было никакого дела, кроме как сойти на берег, познакомиться с туземцами, набрать свежей воды и съестных припасов, чтобы затем снова выйти в море. Тамошние жители были весьма сговорчивы и имели скот. Но, в виду того, что жили они на окраине

острова, скот водился не в большом количестве. Тем не менее, мы решили избрать этот пункт местом для наших встреч, а сейчас выйти в море и поискать добычи. Происходило это в самом конце апреля.

Так и вышли мы в море и пустились к северу, к аравийскому побережью 252. То был далекий переход, но так как от мая до сентября ветры обычно дуют с юга и юго-юго-востока, то погода нам благоприятствовала, и, приблизительно, в двадцать дней добрались мы до острова Сокотра 253, расположенного к югу от аравийского побережья и к юго-юго-востоку от устья залива Моча, или Красного моря.

Здесь мы набрали воды и двинулись далее к берегам Аравии. Не прокрейсировали мы здесь и трех дней или около того, как я заметил парус и погнался за ним. Но, нагнавши корабль, мы обнаружили, что никогда не случалось ищущим добычи пиратам гоняться за более жалким призом: на корабле не было никого, кроме бедных полунагих турок, ехавших на паломничество в Мекку 254, к могиле их пророка Магомета 255. А на везшей их джонке 256 не было ничего, заслуживающего внимания, кроме небольшого количества риса и кофе - и это было все, чем питались несчастные создания. Так мы отпустили их, ибо, право, не знали, что с ними поделать.

В тот же вечер погнались мы за другой джонкой, с двумя мачтами и несколько лучшей на вид, нежели первая. Захвативши ее, мы обнаружили, что идет она по тому же назначению, что и первая, но едут на ней люди позажиточнее. Здесь было что пограбить: кое-какие турецкие товары, брильянтовые серьги пяти или шести женщин, несколько прекрасных персидских ковров, на которых они валялись, да маленькая толика денег. Потом мы отпустили и этот корабль.

Мы провели здесь еще одиннадцать дней, но не видали ничего, кроме редких рыбачьих лодок. Но на двенадцатый день крейсирования завидели мы корабль. Сперва я даже подумал, что корабль этот английский, но оказалось, что это какое-то европейское судно, зафрахтованное для путешествия из Гоа, на Малабарском побережье, в Красное море, и очень богатое. Мы погнались за ним, захватили без боя, хотя на корабле и было несколько, но не много пушек. Оказалось, что экипаж его состоит из португальских моряков, плавающих под начальством пяти турецких купцов, которые наняли их на Малабарском побережье у каких-то

португальских купцов. Корабль был нагружен перцем, селитрой, кое-какими пряностями 257; остаток же груза состоял главным образом из миткаля 258 и шелковых тканей 259; некоторые из них были очень дорогие.

Мы захватили корабль и увели к Сокотре, но, право, не знали, что делать с ним по тем же причинам, что прежде были изложены, ибо все находившиеся на корабле товары для нас имели малую цену или не имели вовсе цены. Через несколько дней нам удалось дать понять одному из турецких купцов, что, если он согласен заплатить нам выкуп, то мы возьмем некоторое количество денег и отпустим купцов.

Он сказал мне, что, если мы отвезем одного их них за деньгами, они согласны на это. Тогда мы оценили груз в тридцать тысяч дукатов 260. После этого соглашения мы отвезли на шлюпке одного купца в Дофар 261, находящийся на Аравийском полуострове, где богатый купец выложил за них свои деньги и приехал обратно на нашем же шлюпе. Получивши деньги, мы добросовестно выполнили наше обещание и отпустили задержанных.

Через несколько дней мы захватили арабскую джонку, шедшую от Персидского залива к Моче, с большим грузом жемчуга. Мы выгрузили из нее весь жемчуг, - он, кажется, принадлежал каким-то купцам в Моче, - и отпустили, так как больше на джонке не было ничего, заслуживающего нашего внимания.

Мы продолжали крейсировать в тех местах, пока не заметили, что наши съестные запасы убывают, и тогда капитан Вильмот, наш адмирал, сказал, что пора подумать о возвращении на стоянку. То же говорили и все остальные, так как все были немного утомлены почти трехмесячным скитанием взад и вперед, давшим совсем слабые результаты, в особенности, по сравнению с тем, чего мы ожидали. Но мне не по сердцу было расставаться так, без всяких прибылей, с Красным морем, и я стал убеждать наших помедлить еще немного, на что они, после моих убеждений, согласились. Но три дня спустя, к великому нашему несчастью, мы поняли, что встревожили все побережье до самого Персидского залива тем, что высадили турецких купцов в Дофаре; теперь этим путем не решится тронуться ни один корабль, и, следовательно, ожидать здесь чего-либо было безнадежно.

Новости эти меня сильно поразили, и больше я не мог противостоять требованиям экипажа возвратиться на Мадагаскар. Как бы то ни было, раз ветер все еще дул с юго-востока, мы были вынуждены повернуть к африканским берегам и мысу Гвардафуй 262, так как у берега ветры более переменчивы, нежели в открытом море.

Здесь наткнулись мы на добычу, которой не ожидали и которая вознаградила нас за все наше ожидание. В самый тот час, когда приставали к берегу, заметили мы идущее вдоль побережья к югу судно. Оно шло из Бенгалии, из страны Великого Могола, но штурманом 263 был голландец, если не ошибаюсь, по фамилии Фандергэст, и много моряков-европейцев, из которых трое англичан. Корабль был не в состоянии сопротивляться нам. Остальной его экипаж состоял из индусов, подданных Могола, из малабарцев и тому подобное. Было там пять индусских купцов и несколько армян 264. Кажется, торговали они в Моче пряностями, шелками, алмазами, жемчугом, миткалем и так далее, то есть, добром, которое производит их родина, и теперь на корабле мало что оставалось, кроме денег - все осмерики, а это, кстати сказать, и было то, что требовалось нам. И все три моряка-англичанина перешли к нам, то же хотел сделать и штурман-голландец, но оба купца-армянина стали умолять нас не брать его, так как, помимо него, никто больше из экипажа не умел управлять судном. Так, по их просьбе, мы вынуждены были отказать штурману, но зато взяли обещание с купцов не делать ему ничего дурного за то, что он хотел перейти к нам.

Этот корабль принес нам около двухсот тысяч осьмериков. Говорили они, между прочим, что на этот корабль собирался сесть какой-то еврей из Гоа, который должен был иметь при себе собственных двести тысяч осьмериков. Он ехал с целью отдать их на хранение. Но его счастье выросло из его несчастья: он заболел в Моче и не мог сесть на корабль.

К тому времени, когда мы брали этот корабль, в моем распоряжении, сверх моего судна, был только шлюп, так как в корабле капитана Вильмота обнаружилась течь, и он ушел на стоянку еще до нас и прибыл туда в середине декабря. Но порт, куда он прибыл, не понравился капитану, и он отправился дальше, оставивши на берегу большой крест с укрепленной на нем свинцовой дощечкой, где написал приказ направиться к нему, к большим бухтам у Мангахелли 265. Там он нашел превосходную гавань. Но здесь мы узнали новость, надолго задержавшую нас, в результате чего

капитан обиделся, но мы заткнули ему рот причитавшейся ему и его экипажу долей из двухсот тысяч осьмериков. Но вот история, помешавшая нам явиться к нему. Между Мангахелли и другим пунктом, называющимся мысом святого Себастьяна 266, как-то ночью прибыло к берегу какое-то европейское судно. То ли из-за ветра, то ли из-за отсутствия лоцмана корабль сел на мель, и снять его не удалось.

В это время мы стояли в бухте (или гавани), где, как я сказал, была наша условленная стоянка, но мы еще не успели сойти на берег и не видали, таким образом, приказа, оставленного адмиралом.

Нашему другу Виллиаму, о котором я долгое время ничего не говорил, однажды сильно захотелось сойти на берег, и он пристал ко мне, чтобы я дал ему с собой небольшой отряд, с которым можно было бы без опасности осмотреть окрестность. Я был против этого по многим причинам и, между прочим, сказал ему, что он мало знает здешних туземцев, что они народ вероломный, и я не хочу, чтобы он уходил.

Но неотвязчивость Виллиама заставила меня уступить ему, так как я всегда очень полагался на его рассудительность. Коротко говоря, я дал ему разрешение идти, но с условием не отходить далеко от берега, на тот случай, что, если их что-нибудь вынудит отступить к морю, мы смогли бы заметить их и перевезти на лодках.

Виллиам ушел рано поутру. В своем распоряжении он имел тридцать превосходно вооруженных и отменно крепких парней. Шли они весь день, а к вечеру подали нам сигнал, что все обстоит благополучно; для этого они разложили большой костер на верхушке заранее назначенного холма.

На следующий день они спустились с холма по другую его сторону, держась морского берега, как обещали, и увидели перед собой очаровательную долину. Посреди нее текла река, которая несколько ниже, казалось, увеличивалась настолько, что могла поднять небольшие суда. Они немедленно двинулись к этой реке, и тут их поразил звук выстрела; судя по всему, выстрел этот был дан неподалеку. Они долго ждали, но ничего больше не услыхали. Тогда они пошли вдоль берега реки. То был прекрасный пресный поток, который скоро расширился. Они продолжали идти, покуда он внезапно не разлился в нечто в роде заливчика или гавани, милях в пяти от моря. Но самым поразительным было то, что, подойдя на

более близкое расстояние, они ясно увидали в устье заливчика или гавани корабельный врак.

В то время была высшая точка прилива, так что врак не очень возвышался над водой, но по мере того, как они приближались, он становился все заметнее. Вскоре прилив схлынул, и врак остался лежать на сухом песке и оказался корпусом внушительного корабля, большего, нежели можно было ожидать для этих мест.

Через некоторое время Виллиам, взявши подзорную трубку, чтобы повнимательнее разглядеть врак, был поражен свистом пролетевшей мимо него мушкетной пули, тотчас же вслед за этим он услыхал выстрел и увидел на том берегу дымок. На это наши немедленно выстрелили их трех мушкетов, чтобы узнать, если возможно, в чем дело. На звуки выстрелов на берег из-за деревьев выбежало множество людей, и наши легко могли увидеть, что это были европейцы, хотя и неизвестно какой нации. Как бы то ни было, наши, окликнувши их возможно громче, и кое-как раздобывши длинную жердь, поставили ее торчком и повесили на нее белую рубаху в качестве флага мира. Люди на другом берегу разглядели его в подзорные трубки, и вскоре после того наши увидели, как от того берега, - как им показалось, но в действительности из другого заливчика, - отчалила лодка. Она быстро направилась к нашим, так же показывая белый флаг в качестве знака мира.

Нелегко описать удивление и радость обеих сторон при встрече в столь отдаленном краю не только белых, но и англичан. Но можно себе представить, что произошло, когда они стали узнавать друг друга и когда обнаружили, что они не только земляки, но и товарищи, так как это было то самое судно, которым командовал наш адмирал Вильмот, и которое мы потеряли в бурю у Тобаго, после того, как условились повстречаться на Мадагаскаре!

Как оказалось, прослышали они о нас, еще добравшись до южной оконечности острова, и тут же отправились в Бенгальский залив, где повстречали капитана Эйвери. Они соединились с ним и захватили много добычи, в том числе корабль с дочерью Великого Могола и неисчислимыми сокровищами - деньгами и драгоценностями. Оттуда направились они к Коромандельскому побережью, а затем к Малабарскому в Персидском заливе, где также захватили несколько призов и затем

поплыли к южной оконечности Мадагаскара. Но ветры, упорно дувшие с юго-востока через восток, позволили им подойти к острову лишь с севера. Потом яростная буря с северо-запада отогнала их от капитана Эйвери и принудила укрыться в устье залива, где они и лишились корабля. Они рассказали нам также, что слышали, что и капитан Эйвери лишился корабля неподалеку отсюда.

Осведомивши таким образом друг друга о своих приключениях, - преисполненные радости, бедняги заторопились вернуться, чтобы поделиться радостью со своими товарищами. Несколько их людей остались с нашими, а остальные отправились обратно. Виллиаму так хотелось повидать всех остальных, что с двумя спутниками, он отправился вместе с теми на тот берег, в маленькое становище, в котором они жили. В общей сложности их было, приблизительно, сто шестьдесят человек. Им удалось перенести на берег свои пушки, кое-какие боевые припасы, но большая часть пороха отсырела. Как бы то ни было, они соорудили ладные подмостки и на них поставили двенадцать пушек, что являлось достаточной защитой с моря. А на самом конце подмостков устроили корабельный спуск и маленькую верфь, где все усердно работали, строя небольшой корабль, - смею так назвать его, - чтобы в нем отправиться в море. Но эту работу они бросили, как только узнали о нашем прибытии.

Наши вошли к ним в хижины и были поражены количеством увиденного там добра: золота, серебра и драгоценностей. Но все это, по их словам, было пустяками по сравнению с тем, что имеется у капитана Эйвери, где бы он ни находился.

Пять дней дожидались мы наших, не получая от них никаких известий. Я считал уже их погибшими, но после пятидневного ожидания с удивлением увидел идущую к нам на веслах от берега корабельную лодку. Я не знал, какое дать о ней распоряжение, и почувствовал себя значительно облегченным, когда наши сказали мне, что с лодки окликают нас и машут нам шапками.

Несколько времени спустя лодка подошла к нам ближе, и я увидал, что в ней стоит наш друг Виллиам и подает нам знаки. Наконец, они взошли на борт. Но одновременно я заметил, что из наших тридцати, отправившихся с ним, налицо было только пятнадцать человек; я спросил, что сталось с остальными.

- О, - говорит Виллиам, - они в полном здравии.

Я тут же с нетерпением стал расспрашивать, в чем дело, и он рассказал нам всю историю, которая, понятно, всех нас удивила. На следующий день мы снялись с якоря и направились на юг, чтобы соединиться с кораблем капитана Вильмота в Мангахелли, где мы и нашли его, немного, как я сказал, обиженного нашим запозданием. Но впоследствии мы успокоили его рассказом о приключении Виллиама.

А так как оказалось, что становище наших товарищей было близко от Мангахелли, наш адмирал, я, друг Виллиам и несколько человек экипажа решили сесть на шлюп и съездить проведать их и переправить их со всем добром, имуществом и поклажей на наши суда. Так мы и поступили. Мы повидали при этом лично их становище, укрепления, сооруженную ими батарею пушек, все сокровища и людей, - все так, как о том рассказывал Виллиам. Затем, после некоторого привала, мы посадили всех на шлюп и увезли с собою.

Это произошло за некоторое время до того, как мы узнали, что случилось с капитаном Эйвери. Месяц спустя, по указаниям лишившихся корабля, мы послали наш шлюп обойти берег и, если удастся, отыскать, где он находится. После недельных поисков наши нашли его и узнали, что он так же, лишился корабля и находится в скверном положении, похожем во всех отношениях на то, какое испытали наши.

Шлюп вернулся только дней через десять, привезя капитана Эйвери со всею силою, какой когда-либо на моей памяти располагал он. Теперь, когда мы соединились все, общий итог был таков: было у нас два корабля и шлюп, на которых находилось триста двадцать человек, что было недостаточно для этих судов, так как для одного только большого португальского военного корабля требовалось экипажа около четырехсот человек. Что же до наших пропавших, а теперь найденных товарищей, общее их количество равнялось ста восьмидесяти человекам или около того. А у капитана Эйвери было приблизительно триста человек, из коих было десять человек плотников, главным образом, снятых с призов, так что, коротко говоря, вся сила, которой располагал капитан Эйвери на Мадагаскаре в 1699 году 267 или около того, сводилась к нашим трем кораблям, так как своего корабля он, как вам известно, лишился. А людей в общей сложности никогда не бывало больше чем тысяча двести человек.

Приблизительно месяц спустя после того, как все наши экипажи соединились, мы согласились, - так как Эйвери был без корабля, - разместиться всем нашим на португальском военном корабле и шлюпе и отдать капитану Эйвери и его экипажу в полное их распоряжение испанский регат со всей оснасткой и со всем оборудованием, пушками и боевыми припасами. И так как были они безмерно богаты, то заплатили нам за это сорок осьмериков.

Затем мы стали обсуждать, что нам теперь предпринять. Капитан Эйвери, нужно отдать ему справедливость, предложил нам построить здесь городок 268, устроиться на берегу, возвести сильные укрепления и фортификационные постройки. Богатств у нас было достаточно, при чем мы могли бы увеличить их, стоит нам только захотеть, и мы, поселившись здесь, могли бы с успехом бросить вызов всему миру. Но мне удалось убедить капитана, что это место не безопасное для нас, если мы будем продолжать промышлять набегами, ибо тогда все нации Европы и, уже, во всяком случае, этой части света постараются истребить нас без остатка; если же мы решимся жить здесь в уединении и устроиться, как честные люди, бросивши пиратские дела, тогда, понятно, мы сможем устроиться и поселиться, где вздумается. Но в таком случае, сказал я ему, самое лучшее будет столковаться с туземцами и приобрести у них кусок земли где-нибудь в глубине острова, на судоходной реке, по которой смогут ходить для развлечения лодки, но никак не корабли, могущие угрожать нам; устроившись, завести скот - коров и коз, которыми кишит эта страна, - и тогда зажить здесь не хуже любого мирного обывателя. Я признал, что считаю это лучшим исходом для тех, кто хочет бросить пиратство и успокоиться, но одновременно с этим не желает возвращаться на родину и лезть в петлю, то есть рисковать этим.

Капитан Эйвери, хотя открыто и не заявлял, к чему он лично больше склоняется, пожалуй, все же был против моего предложения селиться в глубине страны. Более того, ясно было, что он поддерживает мнение капитана Вильмота, что нужно устроиться на берегу и в то же время не прекращать набегов. Так они и порешили. Но, как я узнал впоследствии, приблизительно пятьдесят человек из их людей отправились в глубь страны и там обосновались. Не знаю только, там ли они еще теперь и сколько их осталось в живых. Но думается мне, что они еще там, и число их увеличилось значительно, ибо, как говорят, среди них есть несколько женщин, хотя и немного. Дело в том, что они впоследствии пленили

направлявшееся в Мочу голландское судно и захватили на нем пять женщин и трех или четырех девочек-голландок. Три из них вышли замуж за некоторых из наших и отправились с ними жить на их новой плантации. Но об этом я говорю только понаслышке.

Итак, по мере того, как мы проводили здесь время, наши, - заметил я, - все сильнее расходились в мнениях. Одни были за то, чтобы идти одним путем, другие - другим путем, и под конец я стал бояться, что они разделятся 269 , и может оказаться, что нам не удастся набрать людей в количестве, достаточном для того, чтобы управлять большим кораблем. Поэтому я, заставши капитана Вильмота наедине, принялся говорить с ним об этом, но вскоре обнаружил, что он сам склонен оставаться на Мадагаскаре и, так как на его личную долю приходилось большое количество добра, то втайне подумывает о том, каким бы путем лучше пробраться на родину.

Я принялся доказывать невозможность этого и указал на опасность, которой он может подвергнуться: он попадет на Красном море в руки воров и убийц, которые ни в каком случае не дадут такому, как у него, богатству ускользнуть из их рук, а не то попадет он в руки англичан, голландцев или французов, которые наверняка повесят его, как пирата. Я рассказывал ему о путешествии, которое совершил с этого самого места к африканскому материку, и о том, сколько пришлось пройти пешком.

Коротко говоря, ничто не могло разубедить его в намерении отправиться на шлюпе в Красное море, высадиться там, посуху пройти в Великий Каир 270, расположенный не далее, чем в восьмидесяти милях, а оттуда, по его словам, из Александрии 271 можно уплыть в любую часть света, куда только будет угодно.

Я указал на опасность, да, в сущности, на невозможность, пройти через Мочу и Джидду 272, не подвергаясь ответному нападению, если пробиваться силой, или не подвергаясь грабежу, если идти мирно. Все это я излагал так усердно и так убедительно, что под конец, хотя сам он и не пожелал меня слушать, ни один из его людей не согласился пойти с ним. Они сказали ему, что пойдут под его предводительством куда угодно, но этот путь означает - вести и его самого и их на верную смерть, без всякой возможности избежать ее или как-нибудь повлиять на исход дела. Капитан в связи с этим, очевидно, обиделся на меня и сказал даже несколько

крепких слов. Но я возразил ему на все только тем, что советы даю ему ради его же собственной пользы, что если он этого не понимает, то вина в том его, не моя, что я не запрещаю ему уходить и не пытаюсь отговаривать, кого бы то ни было, идти с ним, хотя путь ведет на верную погибель.

Как бы то ни было, горячую голову не скоро остудишь. Капитан так распалился, что покинул наше общество, с большей частью экипажа перешел к капитану Эйвери и порвал с нами, забравши всю нашу казну, что, кстати, было не очень честно с его стороны, так как мы уговаривались делить все барыши независимо от того, велики ли они или малы, здесь ли участники их или отсутствуют.

Наши немного поворчали на это, но я успокоил их, как только мог, и сказал им, что нам легко добыть столько же, - стоит нам всего лишь усердно взяться за дело. Капитан же Вильмот сам положил добрый почин, ибо, после того, как он начал, теперь никто не будет делить с ним добычу. Этим случаем я воспользовался для того, чтобы склонить их к моим дальнейшим планам - обшарить восточные моря и попытаться самим разбогатеть не хуже господина Эйвери, который действительно нахватал огромные богатства, хотя и вдвое меньше того, что рассказывали об этом в Европе.

Нашим так понравилось мое бодрое, решительное настроение, что они заверили меня, что все до единого пойдут со мной, куда ни поведу я их, - хоть вокруг всего света. Что же до капитана Вильмота, они с ним дела иметь не желают. Это дошло до его сведения и привело его в такую ярость, что он грозился перерезать мне глотку, если только я сойду на берег.

Я узнал об этом частным путем, но совсем не обратил внимания на это. Правда, теперь я остерегался разгуливать так, чтобы он мог застичь врасплох, и всегда ходил в сопровождении многих товарищей. Как бы то ни было, под конец капитан Вильмот повстречался со мною; мы очень серьезно обсудили дело, и я преподнес ему шлюп, чтобы он уехал, куда ему вздумается, а если это его не устраивает, я предложил взять себе шлюп и отдать ему большой корабль. Но он отказался и от того и от другого и только попросил меня оставить ему шестерых плотников, которые были у меня лишние, чтобы они помогли его людям достроить шлюп, который начали сооружать еще до нашего появления наши, лишившиеся корабля.

На это я охотно согласился и уступил ему еще кое-кого, кто был ему нужен. И они в короткий срок построили крепкую бригантину, способную нести четырнадцать пушек и двести человек.

Какие приняли они меры и как впоследствии действовал капитан Эйвери - история слишком длинная для того, чтобы ее передавать здесь. К тому же и не мое это дело, так как собственная моя история еще не окончена.

Здесь провели мы за многочисленными, этими несложными ссорами почти пять месяцев, и лишь в конце марта я поднял паруса и вышел на большом корабле, несшем сорок четыре пушки и четыреста человек, и со шлюпом с восьмьюдесятью людьми. Так как восточные муссоны были еще слишком сильны, мы направились не к Малабарскому побережью и оттуда к Персидскому заливу, как сперва было задумано, но взяли ближе к африканскому побережью, где ветры были переменчивы, и шли, покуда не пересекли экватора и не увидели мыса Басса 273 на широте четырех градусов и десяти минут. Так как муссоны стали переходить на северо-восток и северо-северо-восток, мы вышли бакштагом 274 к Мальдивам 275, знаменитой цепи островов, хорошо известной всем морякам, побывавшим в этой части света. Оставивши эти острова несколько к югу, мы завидели мыс Коморин 276, самую нижнюю оконечность Малабарского побережья, и обогнули остров Цейлон 277. Здесь мы остановились на время, дожидаясь добычи. И здесь встретили три больших английских ост-индских корабля, которые шли из Бенгалии или форта святого Георга домой, в Англию, или, вернее, покуда не началась торговля, в Бомбей 278 или Сурат 279.

Мы задрейфовали 280, выкинули английский кормовой флаг и гюйс 281 и направились на них, точно собираясь напасть. Они долго не могли сообразить, что делать, хоть и видели наши флаги и, как думается мне, сперва приняли нас за французов. Но, когда они оказались поближе к нам, мы немедленно выкинули на вершине грот-мачты черный флаг с перекрещенными кинжалами 282, показывая этим, чего от нас можно ожидать.

Что из этого последовало, мы увидели скоро: сперва выкинули они свои кормовые флаги и, выстроившись в ряд, двинулись на нас, точно собирались сражаться. Ветер дул с берега и был достаточно силен, чтобы они могли взять нас на абордаж. Но затем они разглядели, какой мы

располагаем силой, что мы грабители не обычного порядка, а потому повернули прочь, убегая от нас под всеми парусами. Подойди они к нам, мы бы приветствовали их по-неожиданному, но раз они повернули, то и у нас не было желания преследовать их. Мы предоставили им идти своей дорогой по тем же причинам, которые я изложил раньше.

Но, хотя этих мы не тронули, мы вовсе не собирались так же задешево отпускать и других. Уже на следующее утро завидели мы какой-то корабль, огибающий мыс Коморин и идущий, как нам казалось, тем же курсом, что и мы. Сперва не знали мы, что с ним делать, так как берег находился у него на бакборте, и, попытайся мы погнаться за ним, он ушел бы от нас в какой-нибудь порт или залив и спасся бы от нас. Поэтому, чтобы избежать этого, мы послали наш шлюп с приказом стать между кораблем и берегом. Заметивши этот маневр, корабль немедленно повернул, чтобы пойти вдоль берега, а когда шлюп направился прямо на него, он взял курс уже на самый берег, поставивши все паруса.

Однако шлюп перехватил их, и бой завязался. Нашим врагом, как оказалось, был десятипушечный корабль португальской постройки, но принадлежавший голландским купцам и с голландским экипажем. Шел он из персидского залива в Батавии 283 для того, чтобы забрать там груз пряностей и других товаров. Наш шлюп захватил его и обыскал, прежде чем мы подошли. На корабле были кое-какие европейские товары, изрядная сумма денег и малая толика жемчуга. Таким образом, получалось, что не мы ходили в залив за жемчугом, а сам жемчуг шел к нам из залива, и мы пользовались им. Корабль этот был богатый, и одни только товары стоили немало, не считая уже денег и жемчуга.

Тут состоялось у нас длинное совещание насчет того, как поступить с экипажем, ибо отдать ему корабль и пустить продолжать путь в Яву 284 обозначает всполошить тамошние голландские фактории, - самый мощные во всей Индии, и отрезать себе путь туда. Мы же решили по пути забраться и в эту часть мира, не минуя, однако, и великого Бенгальского залива, где надеялись захватить много добычи. Поэтому не следовало нам портить себе путь еще до прибытия туда, ибо там могли понять, что можем мы пройти либо через Малаккский пролив 285, либо же через Зунд 286, - а оба эти пути очень легко можно было преградить нам.

Покуда совещались мы об этом в кают-компании, о том же спорил

экипаж у мачты. И вышло, что большинство было за то, чтобы засолить несчастных голландцев вместе с сельдями: словом, экипаж был за то, чтобы побросать их всех в море. Квакер Виллиам, бедняга, был очень озабочен этим решением и пришел прямо ко мне, чтобы поговорить по этому поводу.

- Послушай-ка, - сказал Виллиам - что ты хочешь сделать с голландцами, находящимися у тебя на корабле? Ты, надеюсь, не собираешься отпустить их?

- А разве, - ответил я, - Виллиам, вы советуете мне отпустить их?

- Нет, - сказал Виллиам, - не могу сказать, чтобы умно тебе было отпускать их, то есть отпускать их на прежний путь, в Батавию, ибо тебе невыгодно, чтобы голландцы в Батавии знали, что ты в этих морях.

- Так что же? - сказал я ему. - Я не вижу другого исхода, как только побросать их за борт. Вы знаете, Виллиам, что голландцы плавают, как рыбы. И все наши здесь держатся того же мнения, что и я.

Говоря так, я мысленно уже решил не поступать так, но хотел услышать, что скажет Виллиам. Он серьезно отвечал:

- Если бы даже все на корабле были того же мнения, я не поверил бы, что ты сам стоишь за это, ибо неоднократно был свидетелем того, как ты восставал против жестокостей.

- Хорошо, Виллиам, - сказал я, - это правда. Но что же, в таком случае, поделать с ними?

- Как? - сказал Виллиам, - неужели нельзя сделать ничего иного, как только убить их? Я убежден, что ты говоришь не серьезно.

- Ну, понятно, Виллиам, - сказал я, - не серьезно. Но они не должны попасть ни на Яву, ни на Цейлон, - это бесспорно.

- Но, - сказал Виллиам, - они не причинили тебе никакого вреда, ты забрал у них огромное богатство. За что же посмеешь ты обижать их?

- Ну, Виллиам, - сказал я, - об этом толковать нечего. Посметь-то посмею

я всегда, если о том идет речь. Смею я, раз они могут причинить мне вред, - а это необходимейшая часть закона самосохранения. Но главное в том, что я не знаю, как поступить с ними, чтобы они не болтали.

Покуда мы с Виллиамом совещались, несчастные голландцы были открыто приговорены к смерти, можно сказать, всем корабельным экипажем. И наши отнеслись столь горячо к этому делу, что устроили доподлинную бучу, а когда узнали, что Виллиам против их решения, то некоторые даже побожились, что голландцы должны умереть, а если Виллиам воспротивится, то и его утопят вместе с ними.

Но я, раз решивши бороться против их жестокого суда, нашел, что теперь время вмешаться в дело: не то охота пролить кровь станет слишком уж сильна. Поэтому я позвал голландцев и заговорил с ними. В первую очередь я спросил, согласны ли они присоединиться к нам. Двое тут же пошли на это, но остальные четырнадцать отказались.

- В таком случае, - сказал я, - куда же хотите вы отправиться?

Они попросили свезти их на Цейлон. Я отвечал им, что не могу позволить им отправиться в какую-нибудь голландскую факторию, и совершенно открыто изложил им причины этого; оспаривать справедливость их они не могли. Я сообщил им также о жестоком кровавом решении экипажа и о том, что решил, если удастся, спасти их. Поэтому я обещал или высадить их на берегу у английской фактории в Бенгальском заливе, или пересадить на какой-нибудь встречный английский корабль. Но все это я могу сделать только после того, как пройду проливы Малаккский или Зундский, а никак не раньше; и тут я сказал им, что на обратном пути я согласен подвергнуться нападению голландских сил из Батавии, но не желаю, чтобы слухи о моем прибытии опередили меня и чтобы все купеческие корабли ускользнули из моих рук.

Далее стал перед нами вопрос о том, что делать с их кораблем. Здесь долго размышлять не приходилось, ибо было лишь два пути: либо сжечь его, либо же выбросить на берег. Мы выбрали последний. Итак, мы поставили его фокзейл, прикрепивши тали 287 к крамбалам 288, а руль принайтовили 289 к штирборту, чтобы соответствовал переднему парусу, и таким образом пустили корабль по морю без единой души на нем. И двух часов не прошло, как наскочил он на наших глазах прямо на берег, чуть

пониже мыса Коморина. А мы отправились кругом Цейлона к Коромандельскому побережью.

Здесь мы пустились вдоль берега так близко, что видели корабли на рейдах в форту святого Давида 290, в форту святого Георга и в других факториях по этому побережью, равно как и по побережью Голконды 291 . Проходили мы под английским флагом мимо голландских факторий и под голландским флагом мимо английских. На этом побережье добычи у нас было мало: только что два маленьких корабля из Голконды, шедшие через залив с тюками миткаля, муслинах 292, шелковых тканей и пятнадцатью тюками фуляра 293. Шли они - не знаю от кого - в Ачин 294 и другие порты на Малаккском побережье. Мы не допытывались - куда именно, но отпустили корабли, так как на них не было никого, кроме индусов.

В глубине залива повстречали мы большую джонку из придворных джонок Могола, и было на ней очень много народу, - пассажиров, как решили мы. Кажется, направлялись они к реке Гугли 295 или к Гангу 296 и шли из Суматры 297. Такое судно было, действительно, неплохой добычей. Мы добыли на нем столько золота, - не считая другого добра, с которым мы и не связывались, - как перец, например, - что могли этим, в сущности, закончить все наши похождения. Даже почти весь экипаж заявил, что мы достаточно богаты и можем возвращаться в Мадагаскар. Но у меня все еще имелись другие замыслы, и я принялся уговаривать наших и заставил друга Виллиама уговаривать их; и мы пробудили в них еще такие золотые надежды, что скоро добились их согласия идти дальше.

Следующим моим замыслом было - оставить опасные проливы: Малаккский, Сингапурский 298 и Зундский, где нам нечего было ожидать большой добычи, разве только какую найдем на европейских кораблях, с которыми зато пришлось бы сражаться. И хотя драться мы умели, и храбрости у нас хватало вплоть до отчаяния, все же мы были богаты и решили стать еще богаче, и стали придерживаться такого правила: если богатства, которых мы добиваемся, могут наверняка быть добыты без сражения, то у нас нет причин подвергать себя необходимости сражаться за то, что можно добыть без усилий.

Поэтому мы покинули Бенгальский залив и, дойдя до побережья Суматры, вошли в небольшой порт, где имелся городок, населенный одними только малайцами 299. Здесь мы набрали пресной воды и изрядное

количество хорошей свинины, прекрасно засоленной, несмотря на климат той местности, расположенной в самом сердце палящей зоны, а именно: на трех градусах пятнадцати минутах северной широты. Мы погрузили на оба наши корабля сорок живых свиней, чтобы иметь запас свежего мяса; корму у нас для них было достаточно, и состоял он из местных растений: Гуам 300, картофеля и какого-то грубого риса, который не годился ни на что, кроме как для свиней. Убивали мы по кабану в день, и мясо их было превосходно. Погрузили мы также чудовищное количество уток, петухов и кур того же вида, что наши английские; их набрали мы для того, чтобы разнообразить стол. Если память мне не изменила, мы взяли их не менее чем две тысячи, так что сперва они были для нас сущим бедствием, но мы скоро уменьшили количество их при помощи варки, жарения, парения и так далее. В съестном мы, во всяком случае, не нуждались все время, покуда была у нас птица.

Теперь мог я осуществить давнишний свой замысел, а именно - забраться в самую середину голландских Пряных островов 301 и посмотреть, какие беды удастся там натворить. Так и вышли мы в море двенадцатого августа, семнадцатого пересекли экватор и повернули прямо на юг, оставляя на востоке Зундский пролив и остров Яву. Мы шли так, покуда не добрались до широты в одиннадцать градусов двадцать минут, где поворотили на восток и северо-востоко-восток под свежим ветром с юго-западо-запада, покуда не дошли к Молуккским, или Пряным, островам.

Моря эти мы пересекли с меньшими трудностями, нежели в других местах, так как ветры южнее Явы были более переменными и погода стояла хорошая, хотя время от времени налетали шквалы и недолгие бури. Но, попавши в область самих Пряных островов, мы захватили муссон, или торговый ветер, который соответствующим образом и использовали.

Бесконечное количество островов в тех морях странным образом затрудняло нам путь, и только с великими трудностями пробирались мы среди них. Тогда мы направились к северному краю Филиппин 302, где была у нас возможность захватить добычу, а именно: либо мы повстречаем испанские суда из Акапулько 303, на побережье Новой Испании 304, либо не преминем повстречаться с китайскими судами или джонками. А те обычно, если китайские суда идут из Китая, везут большое количество ценных товаров, равно как и денег. Если же они идут назад, то гружены

мускатным орехом 305 и гвоздикой 306 с Банды 307 и Тернатэ 308 или же с других островов.

Предположения наши оказались правильными, и мы прямо двинулись широким проходом, который называют здесь проливом, - хотя в нем пятнадцать миль ширины, - к острову, который они называют Даммер 309, а оттуда на северо-северо-восток, к Банде. Среди островов мы повстречали голландскую джонку или корабль, направлявшуюся на Амбойну 310. Мы захватили голландца без всякого труда, и мне стоило хлопот помешать нашим перебить весь экипаж его, после того как наши услыхали слова голландцев, что они с Амбойны. Причины, как мне кажется, ясны всякому.

Мы перегрузили оттуда, приблизительно, шестнадцать тонн мускатных орехов, кое-какие съестные припасы и их ручное оружие, - пушек у них не было, - и отпустили корабль. Оттуда мы двинулись прямо к острову или островам Банда, где, были убеждены, сможем добыть еще мускатных орехов, если только захотим. Что до меня, я охотно добыл бы еще мускатных орехов даже и за плату, но нашим была противна мысль платить, за что бы то ни было. Так мы добыли еще, приблизительно, двенадцать тонн в несколько приемов, большую часть их с берега, и только немного с небольшой туземной лодки, шедшей в Джилоло 311. Мы торговали бы открыто, но голландцы, которые самочинно завладели этими островами, запретили туземцам иметь дела с нами или вообще с какими бы то ни было чужестранцами, и так их застращали, что туземцы не смели преступить запрет. Так как в силу этого мы не могли надеяться получить здесь что-либо, если бы и оставались дольше, то и порешили отправиться в Тернатэ и попытаться нагрузиться там гвоздикой.

Поэтому мы повернули на север, но так как запутались среди бесчисленных островов и не имели лоцмана, который знал бы проходы и течения между ними, то были вынуждены оставить эту дорогу, и решили вернуться к Банде и поискать чего-нибудь подходящего среди соседних с ней островов.

Первое случившееся здесь с нами приключение могло бы оказаться для нас роковым. Шлюп, шедший впереди, подал нам сигнал, что увидел парус, а затем - другой и третий, из чего мы заключили, что он увидел три паруса. Тогда мы прибавили парусов, чтобы нагнать шлюп, но внезапно попали между камней. Случилось это так внезапно и резко, что все сильно

перепугались 312. Дело в том, что только что воды еще было достаточно, в самую пору, а тут руль ударился о вершину камня, от чего произошел страшный толчок, отщепивший большой кусок руля, так что последний пришел в негодность, и корабль перестал слушаться его, или, по крайней мере, слушался недостаточно для того, чтобы можно было положиться на это. И мы были рады, что удалось поднять все паруса, кроме фокзейла и грота, и на них уйти на восток в поисках какого-нибудь залива или гавани, где можно будет положить корабль на берег и починить руль. Кроме того, оказалось, что несколько поврежден и сам корабль, в нем возле ахтерштевня 313 образовалась течь, небольшая, но очень глубоко под водой.

Благодаря этой неудаче мы лишились возможной, какова бы она ни была, добычи с трех парусов. Впоследствии мы узнали, что то были маленькие голландские суда, шедшие из Батавии к Банде и Амбойне для закупки пряностей; на кораблях, несомненно, было не мало денег.

Вы сможете смело поверить, что после несчастья, о котором я говорил, мы, как только это удалось нам, стали на якорь; стоянка была на островке, неподалеку от Банды. На островке этом не было факторий, но голландцы ездили туда для закупки мускатного ореха. Мы простояли там тринадцать дней, но так как там не оказалось подходящего места для нашего судна, то мы послали шлюп искать его среди островов. Тем временем набрали мы превосходной воды, кое-какие съестные припасы, коренья и плоды и изрядное количество мускатного ореха и мускатного цвета, которые приобрели у туземцев, и так, что их хозяева, голландцы, ничего не знали.

Наконец, наш шлюп возвратился. Ему удалось найти остров, где была очень хорошая гавань, и мы туда отправились и стали на якорь. Немедленно мы сняли все паруса, перевезли их на остров и разбили из них семь или восемь палаток. Затем мы расснастили мачты и срезали их, вытащили все пушки, съестные припасы и прочий груз, сложивши все на берегу в палатках. Из пушек устроили мы две небольших батареи на случай, если бы нас застигли врасплох, и установили сторожевой пост на холме. Управившись со всем этим, мы положили судно на твердый песок, в верхнем конце гавани, и с обоих концов подтянули к берегу. При отливе лежало оно почти на суше, и нам удалось починить корабельное дно и заделать течь, произошедшую от того, что погнулась железная обшивка руля, когда корабль налетел на камни.

Управившись с этим, мы заодно принялись чистить всю подводную часть 314. Так как корабль очень долго был в море, то подводная часть оказалась сильно засорена. Шлюп также подвергся починке и чистке и был готов раньше судна. Восемь или десять дней ходил он между островами, но никакой добычи не нашел. Это место стало нам надоедать, ибо единственным развлечением здесь было - слушать самые свирепые раскаты грома, о каких когда-либо кто-либо слышал.

Мы надеялись повстречать какую-нибудь добычу в роде китайского судна, какие, как слышали мы, ходили обычно на Тернатэ за гвоздикой и на Бандские острова за мускатным орехом. Мы охотно бы нагрузили наш галлеон, или большой корабль, этими видами пряностей и сочли бы свое предприятие удачным. Но мы не нашли ничего заслуживающего внимания, если только не считать голландцев; но те, - представить себе не могу, отчего, - либо относились к нам подозрительно, либо же прослышали о нас; во всяком случае, они не вылезали из своих портов.

Я решил было сойти на берег, на острове Дюма 315, весьма знаменитом своим превосходным мускатным орехом. Но вдруг Виллиам, всегда стремившийся обойтись без сражения, отговорил меня от этого и представил такие доводы, что оспаривать их было невозможно, в частности же - сильную жару как времени года, так и места, ибо находились мы как раз тогда в полу-градусе южной широты. Но в то время как обсуждали мы этот вопрос, дело было разрешено следующим обстоятельством: дул сильный ветер с юго-запада через запад, и корабль наш шел хорошо, несмотря на мощное морское течение с северо-востока, которое, как мы впоследствии узнали, являло поворот Великого океана на востоке от Новой Гвинеи 316. Как бы то ни было, как я сказал, шли мы хорошо и подвигались вперед быстро, когда внезапно из висевшей над нашими головами темной тучи вспыхнула молния или, вернее, взорвалась. Была она так ужасна и так долго полыхала среди нас, что не я один, но и весь экипаж решил, что корабль наш горит. Жар, накаливший воздух, был так силен, что у некоторых из нас вскочили на коже волдыри; возможно, что не сразу, непосредственно от жары, но от ядовитых или зловредных частиц, попавших на воспаленные места. Но это еще не все. От сотрясения воздуха, вызванного разрывом облаков, весь наш корабль задрожал, точно от полного бортового залпа. Движение корабля остановилось сразу, паруса отлетели назад, и корабль стал, поистине можно сказать, пораженный молнией. Так как взрыв в облаках произошел близко от нас, всего

несколько мгновений спустя последовал ужаснейший раскат грома. Я твердо убежден, что взрыв ста тысяч баррелей пороха не показался бы таким громким нашему слуху. Больше того, несколько наших вообще оглохло от него.

Но я не могу передать, да и никто не мог представить себе весь ужас тех мгновений. Все пришли в такое смятение, что ни у одного человека их экипажа не хватило присутствия духа выполнить прямой долг моряка, кроме как у друга Виллиама. И если бы он не побежал проворно и со спокойствием, которого, я уверен, у меня не хватило бы, не опустил бы передних парусов, не поставил бы брасов передней реи и спустил бы марселя, - у нас наверняка сорвало бы все мачты, и сам корабль перевернулся бы.

При этом переходе держали мы курс на северо-восток. Пройдя с попутным ветром пролив, или канал, между островом Джилоло и землею Новой Гвинеей, мы скоро оказались в открытом море, на юго-востоке от Филиппин, там, где Великий Тихий океан, иначе - Южные моря, соединяется с обширным Индийским океаном.

Вступивши в эти моря, мы шли прямо к северу и вскоре оказались по северной стороне экватора; затем мы продолжали путь к Минандао 317 и Манилье 318, самым большим из Филиппинских островов, не встречая все время никакой добычи, покуда не оказались к северу от Манильи, и тут началась наша работа. Мы захватили здесь, правда, на некотором расстоянии от Манильи, три японских корабля 319. Два из них уже отторговали и теперь шли домой, везя мускатный орех, корицу, гвоздику и так далее, а также всякие европейские товары, доставленные испанскими судами из Акапулько. Было на них в общей сложности тридцать восемь тонн гвоздики, пять или шесть тонн мускатного ореха и столько же корицы. Мы забрали пряности, но оставили европейские товары, так как считали их не заслуживающими внимания. Но вскоре мы в этом сильно раскаялись и потому вперед уже были умнее.

Третий японский корабль оказался для нас лучшей добычей, так как шел груженный деньгами и большим количеством начеканенного золота для того, чтобы купить товары, упоминаемые выше. Мы избавили их от их золота, но иного вреда им не причинили, и так как не собирались долго оставаться здесь, то отправились к Китаю.

В этот переход мы провели на море более двух месяцев, борясь с ветром, дувшим постоянно с северо-востока или отклонявшимся на одно деление то в ту, то в другую сторону. Но это, очевидно, и послужило причиной того, что мы на пути встретили немало добычи.

Мы только что оставили Филиппины и собирались идти к острову Формозе 320, но с северо-востока дул такой сильный ветер, что мы ничего не могли поделать с ним, и вынуждены были возвратиться к Лаконии 321, самому северному из тех островов. Мы прибыли туда спокойно и меняли стоянки не для того, чтобы избежать опасности, каковой не было, но чтобы лучше добывать съестные припасы, которыми население снабжало нас очень охотно.

Пока мы оставались там, у острова стояло три очень больших галлеона, или испанских корабля, из Южных морей. Сперва мы не могли узнать, прибыли ли они только что, или уже собираются уплывать. Но, прослышавши, что китайские купцы грузятся и скоро уйдут на север, мы заключили из этого, что испанцы недавно разгрузились, а те скупили груз. Поэтому мы не сомневались, что найдем добычу в пути, да и, действительно, миновать ее мы не могли.

Мы пробыли здесь до начала мая, когда узнали, что китайские купцы собираются в море. Дело в том, что северные муссоны перестают дуть в самом конце марта или начале апреля, так что те были обеспечены попутным ветром домой. Соответственно с этим мы наняли несколько туземных лодок, - а они ходят очень быстро, - и приказали им съездить на Манилью и сообщить нам, как обстоят там дела, и когда пустятся в путь китайские джонки. Получивши известия об этом, мы так удачно устроили все, что через три дня после того, как поставили паруса, наткнулись не менее как на одиннадцать джонок. Впрочем, неудачно обнаруживши себя, захватили мы из них только три, чем удовлетворились и продолжали путь на Формозу. На этих трех судах захватили мы, коротко говоря, такое количество гвоздики, мускатного ореха, корицы 322и мускатного цвета, не считая уже серебра, что экипаж стал соглашаться с моим мнением, что мы достаточно богаты, и нам осталось теперь только подумать, каким бы способом сберечь бесчисленные сокровища, награбленные нами.

Втайне я был рад, что они согласились со мной, ибо уже давно решился убедить их возвратиться домой, - ведь я полностью осуществил свой

давнишний замысел - пошарить между Пряных островов. А все эти призы, особенно же исключительно богатая манильская добыча, не входили в мои замыслы.

Но теперь, услыхавши, что экипаж поговаривает о том, что у нас-де полное благополучие, я передал через друга Виллиама, что собираюсь дойти лишь до острова Формозы, где удастся обратить наши пряности и европейские товары в наличные деньги, а тогда я поверну на юг, так как, авось, к тому времени начнут дуть и северные муссоны. Замысел мой все они одобрили и охотно двинулись дальше. К тому же еще, помимо ветра, который до самого октября не дал бы повернуть на юг, помимо этого, говорю я, корабль наш теперь глубоко сидел в воде, так как вез не менее двухсот тонн груза, и часть его была исключительно ценной; шлюп был тоже нагружен соответственно.

С этим решением мы бодро пошли вперед и приблизительно через двенадцать дней пути увидели на большом расстоянии остров Формозу, но сами оказались под южной его оконечностью, с подветренной стороны, и чуть что не китайском побережье. Это было нам несколько неприятно, так как английские фактории находились неподалеку, и мы вынуждены были бы сражаться с их кораблями, повстречайся они нам. Справиться с этим нам было бы не трудно, но было это нам нежелательно по многим причинам, а главным образом потому, что не хотели мы, чтобы знали, кто мы такие, и что вообще замечены на побережье такие люди. Как бы то ни было, мы вынуждены были держать курс на север, стараясь, насколько возможно, отходить дальше от китайского побережья.

Плыли мы недолго, как нагнали небольшую китайскую джонку и, захвативши ее, обнаружили, что идет она к острову Формозе и не везет ничего, кроме как немного риса и небольшого количества чая. Но на джонке было три китайских купца, и они сказали нам, что идут навстречу большому китайскому кораблю, который вышел из Тонкина 323 и стоит на Формозе, в реке, название которой я позабыл. Корабль же этот идет к Филиппинским островам с шелковыми тканями, муслином, миткалем и всякими китайскими товарами и золотом, и цель их - продать свой груз и купить пряности и европейские товары.

Это вполне соответствовало нашим целям, и я решил, что отныне мы перестанем быть пиратами и превратимся в купцов 324. Потому мы

сказали им, какие везем товары, и что, если они доставят к нам своих суперкаргов 325 или купцов, то мы с ними будем торговать. Они охотно стали бы торговать с нами, но страшно боялись довериться нам; и, надо признаться, страх этот нельзя назвать несправедливым, так как мы уже отобрали у них все их имущество. С другой же стороны, мы были столь же недоверчивы, сколько и они, и также колебались, как поступить. Но Виллиам-квакер устроил из всего этого дела род обмена. Он явился ко мне и сказал мне, что, право, считает этих купцов порядочными людьми, с честными намерениями.

- И к тому же, - говорит Виллиам, - им же теперь выгодно быть честными, так как они знают, каким образом добыли мы товары, которые будем продавать им, или знают, что могут получить их за бесценок. К тому же это избавляет их от необходимости проделать порядочный путь; и так как южные муссоны все еще дуют, то, отторговавши с нами, купцы смогут немедленно возвратиться со своим грузом в Китай.

Впрочем, впоследствии мы узнали, что они направлялись в Японию, но это было безразлично, так как благодаря торговле с нами они избегали, по меньшей мере, восьмимесячного пути. На основании этих соображений Виллиам и говорил, что мы можем доверять им.

- Ибо, - говорит Виллиам, - я также охотно доверюсь человеку, которого выгода заставляет быть справедливым ко мне, как человеку, который связан нравственными законами.

В общем же Виллиам предложил задержать двух купцов в качестве заложников, перегрузить часть наших товаров на их судно и третьему купцу отправиться с ними в порт, где стоит тот корабль. А, сдавши пряности, он должен привезти назад то, на что, по условию, они должны быть обменены. На этом и порешили, и квакер Виллиам осмелился поехать с ним, чего я, честное слово, не решился бы сделать. Да я не хотел, чтобы ехал и Виллиам, но он отправился, уверяя, что им же выгодно по-дружески обращаться с ним.

За это время мы стали на якорь возле островка 326 на широте в двадцать три градуса двадцать восемь минут, на самом северном тропике и, приблизительно, в двадцати лигах от острова. Здесь простояли мы тринадцать дней и стали уже сильно беспокоиться о моем друге Виллиаме,

так как они обещали вернуться через четыре дня, что легко могли выполнить. Как бы то ни было, к концу этих тринадцати дней увидали мы, что прямо на нас идут три паруса. Это сперва несколько удивило нас, так как не знали мы, в чем тут дело. Мы стали уже готовиться к обороне, но, когда суда подошли ближе, мы успокоились, так как на первом же ехал Виллиам, и судно несло белый флаг. Несколько часов спустя они все стали на якорь, и Виллиам приехал к нам на маленькой лодке в обществе китайского купца и двух других купцов, которые служили остальным чем-то вроде посредников.

Тут пересказал он нам, как учтиво обходились с ним, как обращались с ним со всей возможной откровенностью и чистосердечием; как не только заплатили ему полную цену за пряности и другие товары, которые он привез, золотом и полным весом 327, но и снова нагрузили судно такими товарами, за какие, как он знал, мы охотно будем торговать, и что впоследствии они решили вывести большой корабль из гавани, стать на якорь возле нас, чтобы мы, таким образом, могли, торговать с большим удобством. Только Виллиам сказал, что от нашего имени обещал не применять против них никакого насилия и не задерживать ни одного корабля после того, как мы кончим торговать. Я сказал, что мы постараемся превзойти их учтивостью и не нарушим ни малейшей части его соглашений. В подтверждение этого я приказал в ответ им выкинуть белый флаг на корме нашего большого корабля, что являлось условленным знаком.

Что до третьего пришедшего с ними корабля, то это была какая-то местная барка. Там прослышали о том, что мы собираемся торговать, и явились завязать с нами сношения. Барка была нагружена большим количеством золота и съестными припасами, которым мы в эту пору очень обрадовались.

Коротко говоря, мы торговали в открытом море с этими людьми и, право, сделали превыгодное дело, хотя и продавали все по пиратской дешевке. Здесь продали мы приблизительно шестьдесят тонн пряностей, - главным образом гвоздики и мускатного ореха, - и более двухсот кип европейских товаров, таких, как полотняные и шерстяные изделия. Мы считали, что и сами можем воспользоваться подобным добром, и потому удержали для собственного употребления изрядное количество английских изделий, полотна, байки 328 и так далее. Я не стану вдаваться здесь, когда

мало осталось мне места, в подробности о нашей торговле. Достаточно упомянуть, что, кроме пачки чая и двенадцати кип прекрасных китайских шелковых тканей, мы не взяли за свои товары ничего, кроме золота. Так что общий итог того, что мы набрали здесь в этом блестящем металле, превышал пятьдесят тысяч унций полного веса.

Закончивши торг, мы отпустили заложников и преподнесли трем купцам около двенадцати центнеров мускатного ореха и столько же гвоздики, и приличное количество европейского полотна, и шерстяных тканей для личного их пользования в виде вознаграждения за то, что мы у них забрали. Так ушли они от нас более чем удовлетворенные.

Здесь-то Виллиам рассказал мне, что на японском корабле повстречался он с каким-то монахом или японским священником, который обратился к Виллиаму с несколькими английскими словами. Когда Виллиам настойчиво стал у него допытываться, откуда он знает эти слова, тот сказал, что у него на родине тринадцать англичан. Он назвал их англичанами очень членораздельно и определенно, так как многократно и свободно беседовал с ними. Священник сказал, что это все, что осталось от тридцати двух людей, попавших на северные берега Японии благодаря тому, что однажды, в бурную ночь, они налетели на большую скалу и лишились судна, а остальные люди потонули. Священник убедил повелителя той страны послать лодки на остров, где погибло судно, чтобы спасти уцелевших людей и перевезти их на берег. Это было сделано, и с ними обошлись очень мягко, построили им дома и предоставили им пахотной земли для обработки. И так они живут своим трудом.

Я спросил у Виллиама, почему не узнал он у священника, откуда эти люди.

- Я спрашивал, - сказал Виллиам, - ведь и мне было достаточно странно, - сказал он, - услыхать об англичанах на севере Японии.

- Ну, - сказал я, - что же он рассказал об этом?

- Рассказал такое, - сказал Виллиам, - что удивит тебя, да и не тебя одного, а всех, кто бы ни услыхал об этом. Думается, что и ты, узнавши это, захочешь отправиться в Японию и разыскать их.

- Что же ты подразумеваешь под этим? - сказал я. - Откуда могли они

прибыть?

- Да, - сказал Виллиам, - он вытащил книжку, а из нее кусочек бумаги, на которой было написано рукой англичанина и вполне правильно по-английски вот что. Я сам прочитал это: “Мы прибыли из Гренландии и с Северного полюса

329”.

Это, действительно, поразило нас всех и еще более тех моряков из наших, кто хоть что-нибудь знал о бесконечных попытках, производившихся из Европы одинаково англичанами и голландцами, разыскать подобный проход в эту часть света 330. Так как Виллиам стал серьезно настаивать на том, чтобы двинуться на север, на помощь этим беднягам, то корабельный экипаж стал склоняться к этому же. Словом, мы все сошлись на том, чтобы двинуться к берегу Формозы, снова разыскать этого священника и разузнать обо всем у него подробнее. Согласно с этим шлюп двинулся в путь. Но когда он добрался туда, корабли, к великому сожалению, уже ушли, и так был положен конец нашим поискам англичан. Возможно, что это лишило человечество одного из самых замечательных открытий, какие когда-либо были сделаны или когда-либо будут сделаны на земле для всеобщего блага.

Виллиам так огорчился потерей этой возможности, что серьезно стал убеждать нас отправиться в Японию разыскивать тех людей. Он говорил, что если даже только освободить тринадцать честных несчастливцев из своеобразного плена, из которого им иным путем никогда не вырваться и в котором они, может быть, когда-нибудь будут убиты дикарями-идолопоклонниками, то и этим одним мы сделаем доброе дело, могущее еще явиться искуплением причиненного нами миру зла. Но покуда мы еще не знали, что значит угрызения совести из-за сделанного зла, и еще меньше было у нас забот о том, чем его искупить. Словом, Виллиам быстро понял, что такого рода убеждения мало на нас подействуют. Тогда он очень серьезно принялся уговаривать нас, чтобы мы отдали ему шлюп, и он отправится тогда за собственный страх. Я обещал ему, что не буду противиться его намерениям. Но когда он перешел на шлюп, никто из экипажа за ним не последовал, ибо дело было вполне ясно: у каждого

имелась своя доля, как в грузе большого корабля, так и в грузе шлюпа, и богатство это было настолько огромно, что никто и нипочем не согласен был бросить его. Так бедняга Виллиам, к великому своему огорчению, должен был оставить эту затею. Что сталось с теми тринадцатью людьми, и там ли они еще, я сказать не могу.

Мы дошли уже до конца нашего путешествия. Захвачено нами было столько, что не только самые скупые и самые тщеславные души на свете были бы удовлетворены этим, но и мы были действительно удовлетворены, и наши заявили, что большего не желают. Следующим поэтому вопросом было, как возвратиться и каким путем пройти нам, чтобы голландцы не напали на нас в Зундском проливе.

Здесь мы как следует запаслись съестными припасами, и, так как близко намечался поворот муссонов, мы решили взять к югу и не только пройти, минуя Филиппины, то есть к востоку от них, но и затем по-прежнему держать к югу и попытаться оставить за собою не только Молуккские, или Пряные, острова, но также и Новую Гвинею и Новую Голландию 331. И таким образом, попавши в переменные ветры, к югу от тропика Козерога, мы направимся на запад через большой Индийский океан.

Действительно, сперва это показалось чудовищным путешествием, и грозила нам недостача съестных припасов. При этом Виллиам многословно объяснял нам, что мы не в состоянии взять для такого путешествия достаточно съестных припасов, а особенно пресной воды. И раз не будет на пути земли, к которой мы сможем пристать, чтобы обновить запасы, то безумие - предпринимать это путешествие.

Но я решил поправить эту беду и потому просил их об этом не тревожиться, так как знал, что мы можем запастись всем, что нужно, на Минданао, самом южном острове Филиппин.

Сообразно с этим мы, набравши здесь столько съестных припасов, сколько могли достать, двадцать восьмого сентября поставили паруса, при чем ветер сначала немного колебался от северо-северо-востока до северо-востока через восток, но впоследствии утвердился между северо-востоком и северо-востоко-востоком. Так шли мы в продолжение девяти недель, так как непогода неоднократно мешала нашему продвижению вперед, и остановились с подветренной стороны у островка на широте в шестнадцать

градусов двенадцать минут; названия островка мы никогда так и не узнали, так как ни на одной из наших карт он не был помечен. Остановились мы здесь, говорю я, из-за страшного шквала или урагана, навлекшего на нас изрядную опасность. Здесь продрейфовали мы, приблизительно, шестнадцать дней, так как ветры были очень бурные и погода неопределенная. Как бы то ни было, на берегу раздобылись мы кое-какими съестными припасами, травами и кореньями и несколькими свиньями. Мы думали, что на острове есть обитатели, но не видели ни одного.

Как только погода выровнялась, мы тронулись отсюда дальше и прошли к южной части Минданао, где погрузили пресной воды и несколько коров. Но так как климат был здесь очень жарок, мы не стали засаливать мяса больше, нежели на две или на три недели. Мы направились далее на юг, пересекши экватор и оставляя Джилоло под штирбортом, и прошли вдоль побережья, которое называют Новой Гвинеей, где на южной широте в восемь градусов снова пристали к берегу в поисках съестных припасов и воды. Тут обнаружили мы кое-какое население, но туземцы бежали от нас и в отношения не вступали. Отсюда мы все еще держали курс на юг и оставили за собой все, о чем хоть как-нибудь упоминали наши карты и планы, и шли далее, покуда не добрались до широты в семнадцать градусов, при чем ветер все еще дул с северо-востока.

Здесь мы к западу увидели землю, и, так как в течение трех дней подряд она не исчезала из наших глаз, в то время как мы шли в четырех, приблизительно, лигах от берега, мы стали беспокоиться, будет ли вообще выход на запад, или мы окажемся вынуждены повернуть назад и под конец оказаться среди Молуккских островов. Но, наконец, земля исчезла, и под всеми парусами мы вышли в западное море, широко открытое на юг и на юго-запад. С юга катились большие волны, из чего мы заключили, что на большое расстояние не имеется там земли 332.

Словом, мы продолжали наш курс на юг и слегка к западу, покуда не пересекли южный тропик, где уже ветры оказались переменными. Тут мы направились прямо на запад и так шли, приблизительно, двадцать дней, покуда не увидали землю прямо перед собою и под бакбортом. Мы направились прямо к берегу, желая использовать каждую представляющуюся возможность запастись свежими съестными припасами и водою, ибо знали, что теперь вступаем в обширный неизвестный Индийский океан, быть может, величайший океан на всем земном шаре,

ибо перед нами лишь изредка прерываемое островами море, которое опоясывает весь земной шар 333.

Здесь мы нашли хороший рейд и людей на берегу. Но когда мы высадились, они убежали в глубь страны и не желали ни завязывать с нами какие-либо отношения, ни подходить к нам, - лишь многократно пускали в нас стрелы длиной с копье. Мы выкинули белый флаг мира, но они или не поняли этого, или не пожелали понять. Наоборот, они многократно пробивали своими стрелами наш мирный флаг, так что, словом, нам так и не удалось приблизиться к ним.

Здесь мы нашли хорошую воду, хотя было несколько затруднительно добраться до нее, но никаких живых существ мы не видели.

Увидавши, что туземцы так робки, что не смеют приблизиться к нам, наши стали шарить по острову, - если это был действительно остров (ибо нам не пришлось обойти его) 334, - в поисках скота и индийских плантаций с овощами и плодами. Но они вскоре убедились на собственном опыте, что в этом деле нужно применять больше осторожности и что нужно тщательно обыскать каждое дерево и каждый куст, прежде, нежели двигаться дальше в глубь страны. Так, в один прекрасный день, приблизительно, четырнадцать из наших товарищей зашли дальше остальных в глубь страны, казавшейся им возделанной. Но она только казалась такой, в действительности же была покрыта камышом, таким, из какого мы делаем камышовые стулья. Когда они зашли слишком далеко, говорю я, на них внезапно, почти со всех сторон, был обрушен поток стрел, которые были пущены, как они решили, с вершин деревьев.

Им не оставалось ничего иного, как только бежать, на что, однако, они не осмелились, покуда пятеро из них не были ранены. Да они бы и не спаслись, если бы один из них, более разумный или сообразительный, не рассудил таким образом: хотя врага и не видно и, казалось, стрелять по нем бесполезно, все же, быть может, шум от стрельбы устрашит его, и поэтому нужно было попробовать стрелять наугад. Сообразно с этим десятеро из них обернулись и принялись стрелять наугад, куда попало, по камышам.

Не только шум и огонь устрашили врага, но, видимо, выстрелы, к счастью, попали кое в кого, ибо, как заметили наши, стрелы, прежде летевшие густо, перестали лететь, и индийцы, - услыхали они, -

перекликаются на свой лад и издают странные звуки, более нелепо и неподражаемо странные, чем все, что наши слыхивали прежде. Звуки эти более походили на вой и лай диких лесных зверей, нежели на людские голоса; только подчас казалось, что они произносят слова.

Заметив, что производимый индийцами шум все отдаляется, они были убеждены, что индийцы бежали, и не стали утруждать себя дальнейшими расследованиями и отступили. Но худшее из их приключений было еще впереди. На обратном пути им пришлось проходить мимо какого-то особого огромного старого дерева. Что это за дерево, они не знали, но стояло оно подобно старому мертвому дубу в парке, где английские лесничие делают так называемую стоянку, чтобы подстрелить оленя. И стояло это дерево как раз у самого ската большой скалы или холма, так что наши не могли видеть, что находится позади него.

Когда дошли они до этого дерева, на них внезапно с древесной вершины было выпущено семь стрел и три копья, которые, к великому нашему горю, убили двух наших и ранили еще троих. Нападение это потому еще было таким внезапным, что, будучи совершенно беззащитны и так близко от деревьев, наши ожидали каждое мгновение новых копий и стрел, да и бегство не помогло бы им, так как индийцы целились, как видно, отменно метко. Но в этой крайности, к счастью, у них сохранилось присутствие духа, а именно для того, чтобы подбежать к самому дереву и стать под ним так, что находившиеся наверху не могли ни увидеть их, ни метать в них копья. Это удалось и дало им время, чтобы обдумать, что предпринять дальше. Они знали, что их враги и убийцы находятся наверху, слышали, как они разговаривают, и те вверху знали, что наши внизу; наши же внизу вынуждены были плотно прижиматься к стволу, чтобы избежать копий сверху. Наконец, одному из наших, вглядывавшемуся более внимательно, чем остальные, показалось, что он различил голову одного из индийцев как раз над мертвой ветвью дерева, на которой, очевидно, тот сидел верхом. Один из наших немедленно выстрелил и так притом удачно прицелился, что пуля пробила индийцу голову; он немедленно свалился с дерева, при чем с такой силой, что не будь он убит выстрелом, он наверняка бы расшибся насмерть с такой высоты: так сильно тело его ударилось о землю.

Это так напугало индийцев, что наши люди услыхали, помимо воющих звуков, раздававшихся на дереве, странный топот в самом стволе, из чего заключили, что индийцы выдолбили дерево и теперь попрятались в нем. А

раз дело обстояло так, то они - в полной безопасности от наших, так как наши никак не могли взобраться на дерево снаружи, ибо не было на нем ветвей для того, чтобы вскарабкаться, а стрелять в дерево оказалось бесполезно, так как ствол был настолько толст, что пуля его не пробивала. Однако наши не сомневались в том, что захватили врагов в ловушку и что небольшая осада либо уничтожит их вместе с деревом, либо же заморит их голодом. Поэтому они решили остаться на карауле и послать за нами на подмогу. Сообразно с этим двое из них отправились к нам за помощью и особенно просили, чтобы пришли плотники с инструментами, которыми помогли бы либо срубить дерево, либо же, по меньшей мере, срубить другие деревья и поджечь это, что, как заключали наши, неизбежно выгонит из него индийцев.

Наши явились целым отрядом и с мощными приготовлениями для того, чтобы осадить большое дерево. Явившись туда, они увидели, что дело это трудное, ибо старый ствол очень толст и очень высок, не менее двадцати двух футов вышиною, и семь старых ветвей торчало в разные стороны с вершины, но ветви были гнилые и почти без листьев.

Виллиам-квакер, из любопытства подошедший на это дело с остальными, предложил сколотить лестницу, взобраться по ней на вершину дерева, бросить туда греческий огонь 335 и выкурить индийцев. Иные предлагали возвратиться, притащить с корабля пушку и железными ядрами разбить дерево в щепы. Иные - нарубить дров, обложить ими со всех сторон дерево, запалить и тем сжечь дерево и индийцев в нем.

Этот вопрос обсуждался нашими в течение не менее двух или трех дней. И все это время не слышали ни звука от предполагаемого гарнизона этого деревянного замка и вообще не слыхали никакого шума внутри. Сперва согласились с предложением Виллиама и сколотили большую крепкую лестницу, чтобы взобраться на эту деревянную башню. В два или три часа все уже было готово для подъема. И как раз в это время индийцы вновь зашумели в древесном стволе, и скоро большое количество их появилось на верхушке дерева и стало метать в наших копья. Одно копье вонзилось одному из наших моряков в плечо и нанесло ему такую тяжелую рану, что не только лекари с большими трудностями вылечили ее, но бедняга испытывал такие ужасные муки, что, по общему нашему мнению, лучше было бы, если бы сразу убили его. Правда, его все же вылечили под конец, но владеть рукой в совершенстве он больше не мог, так как копье

перерезало какие-то сухожилия близ плеча, прежде приводившие, как я предполагаю, руку в движение. Так бедняга и остался калекой на всю свою жизнь.

Но вернемся к отчаянным негодяям в дереве. Наши стреляли в них, но, видимо, не ранили ни одного, ибо, как только раздались выстрелы, наши услыхали, как те снова бросились в свое дупло и там, понятно, оказались в безопасности.

Но, как бы то ни было, это обстоятельство принудило отказаться от плана Виллиама воспользоваться лестницей, ибо кто бы решился после того, как ее сколотят, лезть навстречу шайке таких смелых людей, как эти индийцы, к тому же доведенных теперь обстоятельствами до полного бешенства. И так как зараз мог подниматься только один человек, то наши, решили, что с лестницей ничего не выйдет. Да и я сам был того же мнения (к этому времени я явился к ним на помощь), что взбираться по лестнице не годится, разве только за тем, чтобы человек, взбежавший по ней до верхушки дерева, бросил в ствол греческий огонь и тут же сбежал бы вниз. Это мы и проделали несколько раз, но результатов от этого никаких не получилось. Наконец один из наших пушкарей сделал смрадный горшок, как мы его называли, то есть составил смесь, которая только дымит, но не горит и не пылает, но дым которой так густ и запах так непереносимо тошнотворен, что выдержать его нельзя 336. Этот горшок он бросил в ствол, и мы стали ожидать последствий, но во всю эту ночь и весь следующий день ничего не слышали и не видели. Из этого мы заключили, что люди внутри задохлись. Но на следующую ночь неожиданно услыхали, что индийцы снова кричат и ревут, как сумасшедшие, сидя на верхушке дерева.

Мы заключили из этого, как и всякий решил бы, что они призывают на помощь, и потому решили продолжать нашу осаду, ибо все были донельзя взбешены тем, что горсточка каких-то дикарей, которых, казалось нам, мы крепко держим в тисках, издевается над нами. Да и действительно, ни в одном случае не бывало стечения обстоятельств, так сбивающего людей и, как бы то ни было, мы решили на следующую ночь пустить в ход еще один смрадный горшок, и наш изобретатель и пушкарь его изготовил. Но я услыхал, что враг шумит на верхушке дерева и в стволе, и не позволил пушкарю взбираться по лестнице, так как это значило бы идти на верную смерть. Как бы то ни было, пушкарь нашел выход из положения:

поднявшись на несколько ступенек при помощи длинного шеста он задумал швырнуть горшок на верхушку дерева; лестница же все это время стояла прислоненной к верхушке дерева. Но когда пушкарь, окончив свое дело, подошел к дереву, держа горшок на конце шеста, вместе с тремя еще людьми для подмоги, - лестницы не оказалось.

Это совершенно озадачило нас, и мы заключили, что индийцы, сидевшие в дереве, воспользовавшись нашей небрежностью, спустились по лестнице, убежали и унесли лестницу с собой. Я искренно смеялся над моим другом Виллиамом, который, как я говорил, руководил осадой и подставил как будто нарочно лестницу для того, чтобы помочь гарнизону, как мы прозвали индийцев, убежать. Но, когда рассвело, мы обнаружили, в чем дело. Лестница наша была здесь, но она была вздернута на верхушку дерева, и половина, приблизительно, была засунута в полный ствол, а вторая половина торчала в воздухе на весу. Тогда мы стали высмеивать глупость индийцев, которые не сумели сойти по лестнице и убежать иным способом, как только силой втащивши лестницу в дерево.

Тогда мы решили прибегнуть к огню и разом положить конец всему делу тем, чтобы сжечь дерево вместе с его обитателями. С этой целью мы принялись за рубку дров и в несколько часов набрали их, как нам казалось, достаточно. Наваливши дров вокруг подножья дерева, мы подпалили их и в отдалении стали дожидаться, когда этим господчикам станет слишком жарко на квартире и они будут вынуждены выбежать из своей крепости. Но нас совершенно озадачило то, что внезапно весь костер потух, так как на него было выплеснуто большое количество воды. Тут же мы решили, что в индийцах наверняка сидит сам черт. А Виллиам сказал:

- Это, наверное, самый искусный образчик строительного искусства индийцев, и все это можно объяснить только одним способом, если не прибегать к колдовству и сношениям с дьяволом, в которые я не верю, - говорит он. - По-видимому, дерево это искусственно выдолблено до самой земли сквозь корни и все прочее, и у этих тварей должна быть искусственная пещера под деревом, в самом холме, или же проход через него, ведущий в какое-нибудь место. А где это место находится, мы не знаем. Но если только наши мне не помешают, я обнаружу его и последую туда за индийцами, прежде чем стану двумя днями старше.

Тогда он позвал плотников и спросил их, имеются ли у них пилы такой

длины, чтобы можно было пропилить ствол. Они сказали, что таких длинных пил у них нет, да и вообще люди не в силах далеко пропилить столь чудовищный старый ствол. Но они могут взяться за него топорами и берутся в два дня срубить его, и еще через два дня выкорчевать корень. Но Виллиам стоял за иной способ, оказавшийся много лучше этого. Он хотел бесшумной работы, чтобы, если только возможно, поймать в дереве хотя бы несколько индийцев. Поэтому он поручает двенадцати парням, вооруженным большими сверлами, пробуравить в стволе большие дыры, проходящие почти насквозь, но не совсем насквозь. Эти дыры были пробуравлены бесшумно, а когда они были закончены, Виллиам наполнил их порохом и забил в дыры накрест большие жеребейки, а затем, пробуравив подводную набитую порохом дыру, по взорвал их все одновременно. Вспыхнули они со страшным шумом и разорвали и расщепили дерево в стольких местах, что ясно стало, что еще один подобный взрыв - и все дерево будет уничтожено. Так оно и оказалось. Уже после второго раза мы смогли в двух или трех местах просунуть руки и обнаружить весь обман, а именно, что в земле была прорыта пещера или проход, который и сообщался с другою пещерой подальше. Там мы услыхали голоса дикарей, переговаривавшихся и перекликавшихся между собою.

Раз уже забрались мы так далеко, нам очень хотелось добраться до самих индийцев, и Виллиам попросил дать ему трех людей с ручными гранатами и обещал спуститься в пещеру первым, и смело пошел, ибо Виллиам, нужно воздать ему должное, обладал большим мужеством.

У спускавшихся были в руках пистолеты и сабли на боку. Но, как прежде проучили мы индийцев своими смрадными горшками, так теперь отплатили они нам на соответствующий лад. Они напустили такого дыма из входа в пещеру, что Виллиам и трое шедших с ним людей рады были выбежать не только оттуда, но и из самого дерева, для того чтобы только передохнуть. В самом деле, они почти задохлись.

Никогда так хорошо не оборонялась крепость и так основательно не бывали отбиты атаки. Мы теперь хотели уже бросить это дело, и, в частности, я позвал Виллиама и сказал ему, что попросту смешно, что мы здесь тратим время на пустое занятие; что я даже не понимаю, что мы здесь делаем; что, явно, спрятанные там негодяи хитры до последней степени; что, понятно, всякий взбесится оттого, что его так надувает несколько

голых дикарей; но все же смысла не имеет продолжать возиться далее, да и вообще я не представляю себе, чтобы мы что-нибудь выиграли, если даже и победим их, и потому я считаю, что пора бросить это.

Виллиам признал, что все мною сказанное справедливо и что дальнейшие попытки могут вознаградить только наше любопытство, и хотя, как сказал он, ему очень хочется довести дело до конца, он все же настаивать не будет. Потому мы решили бросить это дело и уходить, что и выполнили.

Как бы то ни было, перед тем, как мы ушли, Виллиам сказал, что должен рассчитаться с ними за свои труды, а именно - сжечь дерево и завалить вход в пещеру. А покуда он занимался этим, пушкарь сказал ему, что и ему тоже хочется посчитаться с негодяями; его счеты состояли в том, что он заложит пороховой подкоп и посмотрит, что из этого выйдет. С этими словами он принес из корабельных запасов два барреля пороху и поместил их в глубине пещеры; плотно закупоривши ее, он оставил лишь маленький проход или запал, затем поджег порох и стал в отдалении, чтобы поглядеть, в каком направлении пойдет взрыв. И тут внезапно увидал он, что пороховой удар вырвался между какими-то кустами по той стороне упомянутого мною холмика и вырвался оттуда с грохотом, точно из пушечного жерла. Мы немедленно побежали туда и увидели, что натворил порох.

Прежде всего, там мы увидели второй выход пещеры. Взрыв так разрушил и расширил его, так навалилась рыхлая земля, что ничего нельзя было разобрать. Но мы разглядели все же, что осталось от гарнизона индийцев, наделавших нам столько хлопот: у некоторых не было рук, у некоторых - ног, у некоторых - головы; некоторые лежали полузарытые в щебне порохового подкопа, то есть в завалившейся рыхлой земле. Коротко говоря, мы причинили им основательные разрушения. И мы могли с полным основанием считать, что ни один из бывших внутри индийцев не мог спастись, разве что был выброшен из пещеры, как ядро из пушки.

Теперь мы полностью свели счеты с индийцами. Но, в сущности говоря, мы на этом деле потеряли, так как у нас двое было убито, один почти калека и еще пятеро ранено; мы истратили два барреля пороха и одиннадцать дней, и все для того только, чтобы узнать, что такое индийский подкоп, или как держать гарнизон в выдолбленном дереве. С

этим опытом, приобретенным столь дорогой ценой, двинулись мы прочь, набравши пресной воды, но не найдя свежих съестных припасов.

Затем мы стали соображать, что нам делать для того, чтобы вернуться на Мадагаскар. Мы находились почти что на широте мыса Доброй Надежды, но предстоял нам еще столь долгий переход, что, без попутного ветра или земли по пути, неизвестно, можно ли было бы его предпринять. Опять Виллиам оказался последним нашим прибежищем в этом деле, и говорил он очень ясно:

- Друг, - говорил он мне, - с какой радости тебе идти на голодную смерть ради одного удовольствия похвастать, что ты был там, где не бывал никто прежде? Ближе к родине достаточно мест, которыми можно точно так же похвастать, и достичь которых можно с меньшим трудом. Не понимаю, зачем тебе идти дальше на юг, раз уж ты находишься западнее Явы и Суматры. А тут ты можешь повернуться к северу на Цейлон и Коромандальское побережье, и к Мадрасу, где можно достать и пресной воды и свежих съестных припасов. А к этим местам мы, вполне вероятно, можем добраться с теми запасами, которые у нас уже есть.

Совет этот был здравый, и пренебрегать им нельзя было. Так мы и взяли курс на запад, держась между тридцать первым и тридцать пятым градусами широты. В продолжение десяти дней стояла превосходная погода, и дул попутный ветер. К этому времени, по нашим расчетам, мы совершенно отошли от островов и могли уже повернуть на север; если при этом мы не попали бы на Цейлон, то, во всяком случае, вышли бы в большой и глубокий Бенгальский залив.

Но мы сильно ошиблись в своих расчетах, ибо, пройдя прямо к северу, приблизительно, на пятнадцать или шестнадцать градусов, мы снова увидали на штирборте землю, на расстоянии трех лиг. Поэтому мы стали на якорь в полулиге от этой земли и выслали лодки посмотреть, что это за местность. Местность оказалась прекрасная; пресную воду можно было достать без труда, но ни скота, ни обитателей не было видно, а слишком далеко забираться в поисках за ними мы не решались, чтобы не повторилось такое же путешествие, как в прошлый раз. Поэтому мы не стали шататься зря, набрали все, что могли найти, - а нашли только всего несколько плодов дикого мангового дерева 337 и какие-то растения, названий которых не знали.

Мы здесь не остановились и снова вышли в море, держа на северо-запад через север; но после двухнедельного пути под слабым ветром мы снова завидели землю. Мы направились к берегу и были изумлены тем, что оказались на южном побережье Явы. А как раз когда мы бросали якорь, мы увидели, что вдоль берега идет корабль под голландским флагом. Мы не испытывали особого желания встречаться с ним, как и с другими кораблями той же национальности, и предоставили нашим людям, выходившим на берег, на собственное усмотрение - встречаться ли с голландцами или нет. Наше дело было добыть съестных припасов, которых в это время у нас действительно оставалось уже мало.

Мы решили отправить людей на берег в самом подходящем месте, какое нам удастся найти, и поискать гавани, куда можно было бы ввести наш корабль, не мало заботясь о том, кого мы повстречаем - друзей или врагов. Как бы то ни было, решили мы оставаться здесь лишь незначительный срок, за время которого, во всяком случае, нельзя будет послать нарочных в Батавию и вызвать оттуда суда для борьбы с нами.

Мы нашли, где и желали, превосходную гавань, где стояли на глубине семи фазомов, совершенно укрытые от любой непогоды, какая может приключиться. Здесь добыли мы свежие съестные припасы - хороших свиней и несколько коров. Для того чтобы образовать себе некоторый запас, мы зарезали шестнадцать коров, засолили их и разложили по бочонкам, выполняя это так хорошо, как только возможно проделать такую работу на широте в восемь градусов от экватора.

Приблизительно в пять дней управились мы с этим делом и наполнили бочки водою; когда последняя лодка возвращалась с берега, везя травы и коренья, мы уже подняли якорь на корабле, и передний марсель уже был поставлен для отплытия. Но тут мы заметили на севере большой корабль, направляющийся прямо на нас. Мы не знали, кто это, но приготовились к худшему и заторопились, сколько возможно, скорее убрать якорь и сойти со стоянки, чтобы в полной готовности встретить врага. Надо сказать, что особенно мы не боялись одного корабля, а ожидали, что на нас нападут три или четыре сразу.

К тому времени, как мы убрали якорь и укрепили лодку, корабль находился уже в лиге от нас и шел, как мы думали, для того, чтобы завязать с нами бой. Поэтому мы выкинули на корме черный флаг, а на

верхушке грот-мачты - кровавый 338 и, будучи вполне готовы ко всему, двинулись на запад, чтобы стать с наветренной стороны корабля.

Оказалось, что люди с корабля, видимо, сильно обманывались в представлении о нас, так как отнюдь не ожидали встретить в этих морях врага или пирата. Поэтому они немедленно, взявши круто к ветру, переменили галс и пошли прямо к берегу, по направлению к восточной оконечности острова. Тогда и мы переменили галс и под всеми парусами, какие могли поднять, пошли за кораблем и через два часа оказались на расстоянии почти пушечного выстрела от него. Хотя на корабле подняли все паруса, какие только было возможно, единственным исходом было завязать с ними бой; но они скоро увидали, насколько слабее нас. Мы выпалили из пушки, чтобы положить их в дрейф, после они спустили лодку и отправили ее к нам под белым флагом. Лодку мы отослали назад, но с поручением сказать капитану, что ему ничего не остается делать, как только остановиться и встать на якорь у нас под кормою, а самому явиться к нам на корабль и выслушать наши требования, и что, раз они не принуждают нас брать их силою, - что, как всякому видно, нам сделать легко, - мы заверяем, что капитан возвратится в целости и сохранности, так же, как и весь его экипаж, и корабль не будет разграблен, если мы получим все, чего потребуем. Лодка возвратилась с этим поручением, и прошло довольно много времени, а корабль все еще не останавливался. Мы решили поэтому, что они отказываются от наших условий, и потому выстрелили еще раз и увидали несколько минут спустя, что от корабля опять отходит лодка. Как только лодка отошла, корабль остановился и стал на якорь так точно, как мы приказали.

Когда капитан оказался у нас на борту, мы осведомились, каков у него корабельный груз; он оказался состоящим главным образом из тюков с товарами, которые шли из Бенгалии в Бантам 339. Мы сказали, что в настоящее время нуждаемся в съестных припасах, которые им не нужны, так как их путешествие уже кончается, и что если они пошлют на берег свою лодку совместно с нашими и доставят нам двадцать шесть голов крупного скота, шестьдесят свиней, некоторое количество брэнди и арака 340 и триста бушелей 341 риса, то мы их отпустим.

Что до риса, его передали нам шестьсот бушелей, так как они везли, как оказалось, не только ткани. Сверх того, дали они нам тридцать бочонков превосходного крепкого арака; но ни говядины, ни свинины у них не было.

Однако, несмотря на то, они отправились на берег вместе с нашими и купили одиннадцать буйволов и пятьдесят свиней, которых для нас нарочно засолили. Получивши эти припасы с берега, мы отпустили людей и их корабль.

Здесь мы провели много дней, покуда удалось нам погрузить все полученные съестные припасы, и кое-кому из наших почудилось, что голландцы замышляют погубить нас. Но люди с корабля оказались очень честными и изо всех сил старались снабдить нас крупным скотом. Но, обнаруживши, что невозможно достать такое количество, они явились и простодушно сказали, что могут доставить быков и коров сверх этих одиннадцати, только мы если останемся здесь еще на некоторое время. И мы были вынуждены удовлетвориться наличным скотом, и предпочли получить стоимость их другими товарами, только бы дольше не оставаться здесь. Со своей стороны мы точно соблюли все условия, о которых уговорились, и не позволяли никому из наших ходить к ним на корабль и никого из них не пускать к себе, ибо, попади кто из наших к ним, никто не смог бы отвечать за его поведение, точно так же, как если бы, например, он высадился на берег какой-нибудь враждебной страны.

Теперь съестных припасов для путешествия у нас было достаточно, и так как барышей мы в виду не имели, то бодро двинулись к берегам Цейлона, где думали пристать и набрать пресной воды и еще съестных припасов. В этой части нашего путешествия с нами не приключилось ничего существенного, кроме того, что встретились нам противные ветры. Больше месяца провели мы в пути.

Мы пристали к южному берегу острова, так как предпочитали иметь возможно меньше дела с голландцами. А голландцы - здесь хозяева не только по тамошней торговле, но и всего морского побережья, на котором у них много фортов. В частности, в голландских руках вся торговля корицей, которою торгует остров.

Здесь мы набрали пресной воды и кое-каких съестных припасов, но не очень беспокоились на этот счет, ибо покуда ушла у нас только небольшая часть полученных на Яве говядины и свинины. Была у нас на берегу небольшая ссора кое с кем из островитян, так как несколько наших позволили себе некоторые вольности с местными неотесанными дамами. А были они неотесанны, действительно, настолько, что, не будь у наших

большая охота по этой части, они вряд ли тронули бы этих женщин.

Нам толком не удалось узнать от наших, что они натворили, так как они покрывали грешки друг друга, но, в общем, совершили они, должно быть, что-то чудовищное и должны были дорого за это поплатиться, так как туземцы до последней степени были возмущены и стали собираться вокруг наших, и перерезали бы всех, если бы не пришла вовремя помощь. Дело в том, что островитян было не менее двух или трех сотен, и все они были вооружены своим обычным оружием: пиками и метательными копьями, которые мечут они ловко. И если бы наши попытались сражаться с туземцами, на разговоры о чем у них хватило храбрости, то наших одолели бы и перебили. Да и там семнадцать наших было ранено, и некоторые очень опасно. Но они оказались более напуганными, нежели ранеными, так как каждый считал себя уже конченным и полагал, что копья отравлены. Но Виллиам и здесь оказался нам в подмогу, ибо, в то время как два наших лекаря сказали сдуру раненым, что они умрут, Виллиам благодушно принялся лечить их и вылечил всех, кроме одного. Да и тот умер не от раны, а скорее от аракового пунша: он перепился до горячки.

Таким образом, на Цейлоне мы натерпелись достаточно, хотя некоторые из наших стояли за то, чтобы вернуться на берег вшестидесятером или восьмидесятером и отомстить. Виллиам же убедил их не делать этого, а экипаж считался с ним так же, как и мы, офицеры, ибо у него было больше влияния, чем у кого-либо из нас.

Наши очень горячо настаивали на мести и непременно хотели сойти на берег и перебить сотен пять туземцев.

- Ну, - сказал Виллиам, - предположим, вы сделаете это. Чем станет вам от этого лучше?

- Да как же, - сказал один из них от имени остальных, - мы с ними сведем счеты.

- Ну, а чем вам от этого лучше станет? - сказал Виллиам.

На это они ничего ответить не могли.

- Так вот, - сказал Виллиам, - если я не ошибаюсь, то ваша цель - деньги. Ну-с, объясните мне, пожалуйста, если вы победите и перебьете две или

три тысячи этих несчастных, у которых денег нет, так что, скажите на милость, вы на этом заработаете? Они голые, жалкие дикари, и какая вам от них может быть польза? Ну, а к тому же, - прибавил Виллиам, - в этом предприятии вы легко можете потерять добрый десяток товарищей; да, даже наверняка потеряете. Скажите на милость, какая в этом польза, и как отчитаетесь вы перед капитаном в людях, которых он лишится?

Коротко говоря, доводы Виллиама были так рассудительны, что он убедил всех в том, что они замышляют самое обыкновенное убийство; что у каждого человека есть право на свою собственность, и никто не имеет права отнять ее у него; что это будет избиением неповинных людей, поступавших только так, как велели им законы природы, и что поступить так было бы таким же убийством, как скажем, повстречавши человека на большой дороге, хладнокровно, ради самого убийства, уничтожить его, независимо от того, причинил ли он нам хоть какой-нибудь вред или не причинил.

Эти доводы, наконец, убедили наших, и они согласились уйти и оставить туземцев в покое. При первой стычке наши убили от шестидесяти до семидесяти туземцев и ранили еще много больше, но у туземцев ничего не было, и наши ничего не приобрели, кроме того, что одного нашего убили, а шестнадцать ранили, как сказано выше.

Тут кончается моя история о путешествиях в этой части света. Мы вышли в море и некоторое время шли к северу, чтобы попытаться продать наши пряности. Мускатного ореха у нас было очень много, но мы никак не знали, что с ним делать. Мы не смели явиться на английские берега, или, говоря точнее, не смели торговать возле английских факторий. Мы отнюдь не боялись сразиться с любыми двумя кораблями. Кроме того, мы знали, что, раз нет у наших каперских свидетельств 342 или разрешений от правительства, то вообще не их дело действовать наступательно, да, хотя бы мы и были пиратами. Понятно, если бы мы на них напали, они могли оправдаться тем, что соединились для самозащиты и только помогали друг другу обороняться; но по собственному почину нападать на почти пятидесятипушечный пиратский корабль, каким был наш, ясно, им не полагалось, и, следовательно, нам незачем было думать об этом, а уж тем паче тревожиться. Но, с другой стороны, нас вовсе не устраивало, чтобы нас заметили и чтобы весть о нас пошла от одной фактории к другой, и чтобы мы, каковы бы ни были наши намерения, оказались бы и

упрежденными и обнаруженными. Еще менее улыбалось нам быть замеченными среди голландских факторий на Малабарском побережье, так как мы были нагружены пряностями, которые, как полагается в нашем ремесле, мы похитили у голландцев 343. Это открыло бы голландцам, кто мы такие, и что мы натворили. И они, без сомнения, всякими способами согласились бы для того, чтобы напасть на нас.

Значит, единственным оставшимся у нас путем было идти на Гоа и там, если удастся, продать наши пряности португальским факториям. Сообразно с этим мы направились почти в том направлении, ибо завидели землю за два дня до этого. Оказавшись же на широте Гоа, мы двинулись прямо на Маргаон 344, в начале Сальсата 345, по пути в Гоа. Тут я крикнул штурвальным повернуть и приказал лоцману вести корабль на северо-запад, покуда мы не потеряем землю из виду. Тогда мы с Виллиамом созвали совет, как это случалось при важных обстоятельствах, чтобы решить, каким манером нам торговать здесь, чтобы нас не открыли. Наконец мы решили, что туда мы вообще не пойдем, но что Виллиам с экипажем из верных людей, на которых можно положиться, на шлюпе отправится в Сурат, лежавший дальше к северу, и будет там, в качестве купца, торговать с подходящими английскими факториями.

Дабы выполнить этот замысел с возможно большими предосторожностями и не навлечь на себя подозрений, мы решили снять со шлюпа все пушки и укомплектовать его только такими людьми, которые пообещают нам не проситься на берег и не вступать ни в какой разговор с тем, кто бы ни появлялся на корабле. Чтобы усовершенствовать задуманное нами, Виллиам натаскал двух наших: одного - лекаря, каким он и был, и другого - сообразительного парня, старого моряка, служившего лоцманом на побережье Новой Англии и бывшего превосходным лицедеем. Их обоих Виллиам одел квакерами и научил разговаривать на квакерский лад. Старого лоцмана он сделал капитаном шлюпа, а лекаря - доктором, кем и был он, а сам стал суперкаргом. В этом обличий, на шлюпе, лишенном каких бы то ни было украшений (да и прежде на нем их было не много) и пушек, он отправился в Сурат.

Должен я, понятно, упомянуть, что за несколько дней до того, как мы расстались, мы подошли к лежавшему недалеко от берега песчаному острову, где был хороший глубокий залив вроде рейда; находился остров вне поля зрения факторий, которых здесь был полон берег. Здесь

вытащили мы груз из шлюпа и погрузили в него только то, что собирались продавать, то есть, в сущности, только мускатный орех и гвоздику, но главным образом первое.

Отсюда Виллиам и два его квакера, с восемнадцатью людьми на шлюпе, двинулись к Сурату и стали на якорь в некотором расстоянии от факторий.

Виллиам был так осторожен, что постарался отправиться на берег один, в сопровождении только доктора, как называл своего спутника. Отправились они в лодке, которая подплыла к кораблю для того, чтобы продать рыбу; в лодке все гребцы были местные уроженцы; эту же лодку он потом нанял для того, чтобы вернуться на корабль. Пробыли они на берегу недолго, как им удалось познакомиться кое с какими англичанами, жившими здесь, и, видимо, сперва служившими у Компании, но теперь торговавшими самостоятельно. Доктор познакомился с ними первый и представил им своего друга, суперкарга: мало-помалу купцам сделка пришлась по сердцу так же, как сами торговцы пришлись по вкусу нашим. Только товара оказалось слишком много.

Во всяком случае, это обстоятельство не долго затрудняло их; уже на следующий день они включили в сделку еще двух купцов, тоже англичан, и из их разговора Виллиам понял, что ими было решено, в случае покупки, повезти груз для продажи в Персидский залив. Виллиам ухватился за эту мысль и решил, что мы не хуже их можем отвезти туда пряности. Но сейчас дело было не в этом; у Виллиама имелось не менее тридцати трех тонн ореха и восемнадцати тонн гвоздики. Среди ореха было изрядное количество мускатного цвета, но мы не противились тому, чтобы сделать скидку. Короче говоря, они столковались, и купцы, которые охотно купили бы и самый шлюп, а не то, что груз, направили Виллиама к заливу, милях в шести от фактории, давши ему в придачу двух лоцманов. Туда они доставили лодку, выгрузили все и честно расплатились с Виллиамом. Весь груз обошелся им наличными, приблизительно, в тридцать пять тысяч осьмериков, помимо кое-каких ценных товаров, которые Виллиам принял с удовольствием, и двух больших алмазов стоимостью, приблизительно, в триста фунтов стерлингов.

Когда они расплатились, Виллиам пригласил их на шлюп, и они явились. Веселый старый квакер невероятно развлекал их своей болтовней и “тыкал” их и так их напоил, что ни один из них не смог той ночью

вернуться на берег.

Им очень хотелось узнать, кто такие наши и откуда они явились, но каждый человек на шлюпе так отвечал купцам на всякий их вопрос, что они решили, что над ними издеваются, что их вышучивают. Как бы то ни было, во время болтовни с ними Виллиам узнал, что они купят любой груз, какой им только ни доставят, что они охотно бы купили у нас вдвое больше пряностей, чем на этот раз. Он приказал веселому капитану сказать им, что есть еще один шлюп, который стоит в Маргаоне, и на нем большое количество пряностей. Если по возвращении оттуда (а он послан туда) пряности еще не будут проданы, то он приведет и этот шлюп.

Новые их приятели так распалились, что готовы были заранее столковаться со старым капитаном.

- Нет, друг, - сказал он, - я не стану продавать не виданный мною товар за глаза. Да и к тому же не знаю, не продал ли уже хозяин шлюпа свой груз каким-нибудь купцам в Сальсате. Но, если, когда я возвращусь, груз еще не продан, я надеюсь привезти его тебе.

Все это время доктор был занят не менее чем Виллиам и старый капитан. Он ежедневно по несколько раз ездил на берег в индусской лодке и закупал для шлюпа свежие съестные припасы, в которых экипаж весьма нуждался. В частности, он привез семнадцать больших бочек арака, некоторое количество риса и множество плодов, манго, тыкв, а также птицу и рыбу. Всякий раз он возвращался на шлюп, глубоко нагруженный, ибо покупал не только для шлюпа, но и для корабля. В частности же, они до половины нагрузили шлюп рисом и араком, и несколькими живыми коровами. Так, запасшись съестным и получивши приглашение явиться опять, они возвратились к нам.

Виллиам всегда бывал для нас горячо желанным гостем, приветствуемым вестником, но на этот раз он был приветствуем как никогда, так как у нас на корабле была нужда, и мы не могли добиться ничего, кроме манго и кореньев, в виду того, что мы не хотели появляться на берегу и выдавать свое присутствие, покуда не получим сведений о шлюпе. Да и, действительно, терпение наших было почти исчерпано, так как на это предприятие Виллиам потратил семнадцать дней, хотя и потратил их с пользой.

Когда он возвратился, мы созвали еще одно совещание по вопросу о торговле. А именно - мы обдумывали, послать ли нам лучшие свои пряности и прочие бывшие на судне товары в Сурат, или самим двинуться в Персидский залив, где, возможно, сумеем продать и не хуже, чем английские купцы из Сурата. Виллиам стоял за то, чтобы нам отправиться самим; это, кстати, было следствием добрых купеческих свойств его натуры, склонявшейся во всяком деле к лучшему выходу из положения. Но здесь я не согласился с Виллиамом, что случалось очень редко. Я сказал ему:

- Если учесть положение, то нам много лучше продавать весь груз здесь, хотя бы даже за половинную цену, нежели идти с ним в Персидский залив, где мы подвергнемся большой опасности, где люди много любопытнее здешних и где с ними не легко будет управиться, так как там торгуют свободно и открыто, а не украдкой, как, видимо, торгует здешний народ. Кроме того, если там что-нибудь заподозрят, нам будет труднее отступить, разве только что применяя насилие. Здесь же мы стоим в открытом море и можем уйти, куда хотим, даже не меняя своего облика; в сущности, здесь не будет никакого преследования, так как никто не знает, где нас искать.

Мои опасения убедили Виллиама, хотя не знаю, убедили ли его мои доводы, но он со мной согласился, и мы решили отправить тем же купцам еще один корабельный груз. Главное дело заключалось в том, как обойти то, что они сообщили английским купцам, а именно, что то будет другой наш шлюп. Но за это взялся старый квакерский лоцман. Он был превосходным лицедеем, и ему тем легче было нарядить шлюп в новые одежды. Во-первых, он поставил на прежнее место всю резьбу, которую раньше снял; нос, прежде гладко окрашенный в темный коричневый цвет, стал теперь блестящим и голубым, усеянным, Бог знает, сколькими живыми рисунками; что касается кормы, то плотники по обоим бортам сделали славные галерейки. На шлюп поставили двенадцать пушек, а на планшире 346 - несколько петереро, которых прежде не было. А для того, чтобы закончить новое одеяние шлюпа и усовершенствовать его перемену, старый квакер приказал переменить на шлюпе паруса. И если прежде шел он подобно яхте 347 под шпринтовом 348, то теперь он был подобен кэчу, с бизанью и под четырехугольными парусами. Словом, вышло превосходное надувательство, и шлюп был перелицован во всех подробностях, на которые мог бы обратить внимание чужой, раз только видевший его; купцы же побывали на шлюпе всего один раз.

Шлюп возвратился в этом гнусном виде. Капитаном на нем был другой человек, которому доверять мы могли. Старый лоцман появился в качестве простого пассажира, доктор же и Виллиам были суперкаргами с формальной доверенностью некоего капитана Сингльтона. Все обстояло, как полагается.

Шлюп был нагружен до последних пределов. Помимо огромного количества мускатных орехов и гвоздики, и мускатного цвета, и малой толики корицы, на шлюпе были кое-какие товары, захваченные нами в то время, когда близ Филиппинских островов ожидали мы добычи.

Виллиам без труда продал, и этот груз и возвратился через двадцать, приблизительно, дней, нагруженный всем необходимым для нашего путешествия на долгий срок. Да, как я сказал, было у нас великое множество и других товаров. Он привез нам приблизительно тридцать три тысячи осьмериков и несколько алмазов. Хотя Виллиам считал, что смыслит в этом деле мало, однако сумел он устроить так, что алмазы на него особого впечатления не произвели; к тому же купцы, с которыми он имел дело, были людьми очень щедрыми.

Вообще с этими купцами затруднений не было никаких, ибо предвидение барыша отбило у них всякое любопытство. Шлюпа же они совершенно не узнали. Что касается продажи им пряностей, привезенных из столь далеких стран, то здесь это не было такою уже новостью, как мы предполагали, ибо к португальцам часто приходили из Макао 349 в Китае корабли с пряностями, купленными у китайских купцов, а те в свою очередь часто торговали у голландских Пряных островов и приобретали там пряности в обмен на привозимые из Китая товары.

Это, в сущности, можно назвать единственным торговым путешествием, какое мы совершили. Теперь мы действительно были очень богаты, и естественно, что перед нами стал вопрос о том, что делать дальше. По-настоящему отправным нашим портом, как мы называли его, был залив Мангахелли на Мадагаскаре. Но Виллиам однажды увел меня в каюту шлюпа и заявил, что хочет серьезно поговорить со мною. Мы заперлись, и Виллиам начал:

- Позволишь ли ты мне откровенно поговорить о теперешнем твоем положении и дальнейших видах на будущее? Обещаешь ли ты своим

честным словом не обижаться на меня?

- От всего сердца обещаю, - сказал я. - Виллиам, я всегда находил ваши советы хорошими, а ваши замыслы не только были хорошо задуманы, но и ваши наставления всегда приносили нам счастье. А потому можете говорить, что хотите, обещаю вам, что не обижусь.

- Это еще не все, - сказал Виллиам. - Если тебе не понравится то, что я предложу, ты должен обещать, что не разгласишь об этом среди экипажа.

- Не расскажу, Виллиам, даю слово. - И я охотно побожился ему.

- В таком случае, я должен с тобою условиться еще об этом деле, - вот о чем: если ты сам не присоединишься к моему замыслу, то позволь мне с моим новым другом доктором осуществить ту часть, которая касается нас с ним, так как ты на этом никакого убытка или ущерба не потерпишь.

- Позволяю все, Виллиам. Только не позволю покинуть меня. Я с вами ни при каких условиях не могу расстаться.

- Да я, - говорит Виллиам, - и не собираюсь расставаться с тобой, если ты сам того не захочешь. Но пообещай мне выполнить все эти условия, и я смогу откровенно разговаривать с тобой.

Я пообещал ему, как только мог торжественно, но в то же время так серьезно и искренно, что Виллиам мог без всяких сомнений поделиться со мною своими замыслами.

- Так вот, во-первых, - сказал Виллиам, - я спрошу у тебя, не думаешь ли ты, что и ты сам и все твои подчиненные достаточно богаты и действительно набрали столько добра (сейчас речь не о том, каким именно образом его набрали), что, пожалуй, даже не знают, как с ним быть.

- По чести, Виллиам, - сказал я, - ты совершенно прав. Думаю, что нам основательно везло.

- В таком случае, если тебе твоих богатств достаточно, не думаешь ли ты бросить это ремесло? Большинство людей оставляют свои дела, когда удовлетворены тем, что ими скоплено, и считают, что уже достаточно богаты. Ведь никто не трудится ради самого труда, а уж во всяком случае,

никто не грабит ради одной только кражи.

- Теперь, Виллиам, я вижу, куда ты клонишь, - сказал я. - Готов об заклад биться, что ты начал тосковать по родине.

- Верно, - сказал Виллиам, - ты рассуждаешь правильно, и надеюсь, что у тебя та же тоска. Для большинства людей, находящихся на чужбине, естественно желание вернуться, наконец, на родину, особенно когда они разбогатели, и если они (как ты считаешь себя) очень богаты, и если они к тому же настолько богаты, что не знают даже, как поступить с добавочным богатством, окажись оно у них.

- Ну-с, Виллиам, - сказал я, - теперь вы думаете, что изложили все предварительные доводы так, что мне нечего возразить, то есть что, будь у меня достаточно денег, было бы естественно, если бы я стал думать о возвращении домой. Но вы не объяснили, что понимаете под словом “домой”. Здесь мы с вами разойдемся. Помните же, человече, что я дома. Здесь мое жилище. Всю мою жизнь иного не было у меня. Я воспитывался приходом из милости. Так что у меня нет желания, куда бы то ни было, возвращаться, богатым ли, бедным ли, ибо мне возвращаться некуда.

- Как, - сказал Виллиам и несколько смутился, - разве ты не англичанин?

- Я думаю, что англичанин. Вы же слышите, что я говорю по-английски. Но из Англии я уехал ребенком и возвращался туда, с тех пор, как стал взрослым, всего один раз. Да и тогда меня обманули и провели и так дурно со мной обращались, что мне безразлично, увижу ли я ее еще раз или нет.

- Как, неужели у тебя там нет ни родных, ни друзей, ни знакомых?! - сказал он. - Никакого, к кому было бы у тебя родственное чувство или хоть какое-нибудь уважение?

- Нет, Виллиам, - сказал я. - Не более, нежели при дворе Великого Могола.

- И никакого чувства к стране, в которой ты родился?! - сказал Виллиам.

- Не более, нежели к острову Мадагаскару, а, пожалуй, еще меньше. Ведь Мадагаскар не раз, как ты знаешь, Виллиам, был для меня счастливым местом.

Виллиам был совершенно поражен моей речью и замолчал. Я сказал ему:

- Продолжай, Виллиам! Что ты хочешь сказать еще? Ведь у тебя еще кое-какие замыслы - так выкладывай их.

- Нет, - сказал Виллиам, - ты заставил меня замолкнуть, и все, что я собирался сказать, отменено. Все мои замыслы рухнули и уничтожены.

- Пускай так, Виллиам, но дайте же мне услышать, в чем они состоят. Хотя мне с вами совсем не по пути, хотя у меня нет ни родных, ни друзей, ни знакомых в Англии, но все же я не могу сказать, что настолько люблю разбойничью жизнь, чтобы от нее никогда не отказаться. Я хочу послушать, что ты можешь предложить мне взамен нее.

- Да, друг, - сказал Виллиам. - Серьезно - есть кое-что взамен нее.

Он поднял при этом руки и казался сильно тронутым, и, кажется, слезы появились у него на глазах. Но я был слишком закоренелым негодяем, чтобы растрогаться подобным зрелищем, и рассмеялся.

- Что! - воскликнул я, - вы думаете о смерти? Готов об заклад биться, что так! Смерть полагается в заключение этого промысла. Ну, что же, пускай она является, когда надо будет. Все мы обречены на смерть.

- Да, - сказал Виллиам, - это правда. Но лучше устроить как-нибудь свою жизнь, прежде чем явится смерть.

Он произнес это страстно, видно, озабоченный мыслью обо мне.

- Хорошо, Виллиам, - сказал я, - благодарю вас. Я, быть может, не так бесчувственен, как кажусь. Ну, говорите, каково у вас предложение.

- Мое предложение, - сказал Виллиам, - имеет целью твое благо, в такой же степени, как и мое собственное. Мы можем положить конец такой жизни и покаяться. И я думаю, что в этот самый час обоим нам представляется самая лучшая возможность к этому, какая была, какая должна или сумеет, или, в сущности, вообще может представиться.

- Послушайте-ка, Виллиам, выложите-ка мне ваш замысел, как положить конец теперешнему нашему образу жизни; ведь об этом идет сейчас речь, а

о другом мы поговорим впоследствии. Я не так уже нечувствителен, - сказал я, - как вы меня, быть может, считаете. Но давайте сперва выберемся из этих адских условий, в которых находимся.

- Верно, в этом ты совершенно прав. Мы не можем говорить о раскаянии, покуда продолжаем пиратствовать.

- Это самое, Виллиам, и хотел я сказать. Нам, верно, нужно перемениться и сожалеть о том, что сделано, - а если нет, значит, я не представляю себе, что такое раскаяние. Да об этом деле я, по правде, знаю очень мало. Но самое это дело подсказывает мне, что сначала мы должны бросить это скверное занятие, и в этом я вам помогу от всего сердца.

По выражению лица Виллиама я увидел, что мое предложение ему сильно полюбилось. Еще раньше стояли у него в глазах слезы, но теперь их было еще больше. Но эти слезы были от иной причины. Он так был полон радости, что не мог говорить.

- Послушайте-ка, Виллиам, - сказал я, - вы достаточно ясно заявил, что у вас благое намерение. Возможно ли, по-вашему, нам положить конец нашей злосчастной жизни здесь и выбраться отсюда?

- Да, - сказал он, - для меня это вполне возможно. Но возможно ли это для тебя - это зависит от тебя самого.

- Хорошо, - сказал я, - даю вам слово, что подобно тому, как я приказывал вам с той поры, как посадил вас к себе на корабль, подобно этому вы с этого часа будете приказывать мне, и, что ни скажете, я выполню.

- Ты все предоставляешь мне? Ты говоришь это добровольно?

- Да, Виллиам, добровольно, и честно выполню.

- В таком случае, - сказал Виллиам, - вот мой замысел. Сейчас мы находимся в устье Персидского залива. Здесь, в Сурате, мы продали столько всякого добра, что денег у нас достаточно. Пошли меня в Бассору 350 на шлюпе и нагрузи его оставшимися у нас китайскими товарами. Их хватит тут на полный груз, и уверяю тебя, что мне в качестве купца удастся разместить часть товаров и денег среди тамошних английских и

голландских купцов так, чтобы мы смогли воспользоваться ими при любых обстоятельствах. А когда я вернусь, мы уладим остальное. Ты же в это время убеди экипаж отправиться на Мадагаскар, как только я вернусь.

Я сказал, что, по-моему, ему нечего забираться в Бассору; он может отправиться в Гомбрун 351 или на Ормуз и там поступить точно так же.

- Нет, там я не смогу действовать свободно, - там находятся фактории Компании, - и меня могут задержать как контрабандиста.

- В таком случае, - сказал я, - вы можете отправиться на Ормуз, так как я ни за что не хотел бы расставаться с вами на такое долгое время. Ведь вы отправляетесь в самую глубину Персидского залива.

Он возразил, что я должен предоставить ему право поступать так, как он сочтет лучшим.

В Сурате мы получили большую сумму денег, так что в нашем распоряжении имелось около ста тысяч фунтов наличными. Но на борту корабля денег было еще больше.

Я при всех наших приказал Виллиаму взять с собою имевшиеся на шлюпе деньги, закупить на них, если удастся, боевых припасов, чтобы таким образом нам снарядиться для новых похождений. В то же время я решил собрать некоторое количество золота и кое-какие драгоценности, хранившиеся на большом корабле, и спрятать это, чтобы незаметно можно было унести, как только Виллиам возвратится. Итак, сообразно с указаниями Виллиама, я отпустил его в путешествие, а сам перешел на большой корабль, на котором был у нас действительно неисчислимый клад.

Возвращения Виллиама дожидались мы не менее двух месяцев, и я уже стал, действительно, тревожиться о его судьбе. Подчас я подумывал, что он покинул меня, что он применил ту же хитрость и завербовал других. Еще за три дня до его возвращения я чуть было не решился отправиться на Мадагаскар, махнувши на Виллиама рукой. Но старый лоцман, тот, который изображал квакера и в Сурате сходил за хозяина корабля, разубедил меня. А за добрый совет и очевидную верность в деле, которое доверили ему, я посвятил его в свой замысел. Он оказался вполне честным товарищем.

Наконец Виллиам, к нашей невыразимой радости, возвратился и привез с собою великое множество необходимых вещей. В частности привез он шестьдесят баррелей пороха, железную картечь и около тридцати тонн свинца. Привез он также большое количество съестных припасов. Словом, Виллиам открыто дал мне отчет о своем путешествии, так что нас могли слышать все, кто находился на шканцах, и на нас не могло пасть подозрение.

Когда все было улажено, Виллиам сказал, что следовало бы съездить еще раз, да и мне следовало бы отправиться с ним. Он назвал ряд вещей, которые вез с собою и не сумел продать; в частности, он сказал нам, что был вынужден много там оставить, так как караваны 352 не явились, и что он уговорился еще раз вернуться с товарами.

Это было то, что мне требовалось. Экипаж согласился с тем, что Виллиам должен отправиться, особенно потому, что он обещал на обратном пути нагрузить шлюп рисом и съестными припасами. Я же делал вид, что не хочу ехать. Тогда старый лоцман поднялся и стал уговаривать меня отправиться и, в конце концов, своими доводами убедил меня сделать это. В частности, говорил он, что если я не отправлюсь, то на шлюпе не будет порядка, - много людей может сбежать и, возможно, выдать остальных; что они считают, что шлюпу небезопасно возвращаться, если я на нем не поеду. А чтобы окончательно убедить меня, он вызвался ехать со мною.

Выслушавши все эти соображения, я сделал вид, что меня убедили, и весь экипаж, видно, был очень доволен моим согласием. Сообразно с этим мы перегрузили весь порох, свинец, и железо из шлюпа на большой корабль, вместе с прочими товарами, предназначенными для корабля. Взамен этого мы погрузили несколько тюков пряностей и бочек или корзин гвоздики, в общей сложности весом в семь тонн, и еще кой-какие товары. И между тюками их я спрятал свою личную казну, не малой, уверяю вас, ценности.

Перед тем, как уехать, я созвал на совет всех корабельных офицеров, чтобы решить, в каком месте им дожидаться меня и как долго. Мы постановили, что корабль будет двадцать восемь дней стоять у одного островка на аравийской стороне залива; если же к этому времени шлюп не возвратится, то они должны отправиться на запад к другому островку и

ждать там еще пятнадцать дней; если тогда шлюп не возвратится, то из этого нужно заключить, что что-нибудь с ним приключилось, и местом свидания будет Мадагаскар.

Так порешивши, мы покинули корабль, и Виллиам, и я, и лоцман решили больше никогда не видеть его. Мы направились прямо в залив и, через него, к Бассоре, или Бальсаре. Город Бальсара лежит в некотором расстоянии от того места, где остановился наш шлюп, так как река не вполне благонадежна, а мы знали ее плохо и располагали лишь обыкновенным лоцманом, то высадились на берег в деревне, где живет несколько купцов. Деревня эта очень населена, так как здесь стоянка небольших судов.

Оставались мы здесь и торговали три или четыре дня. Мы выгрузили все наши тюки и пряности, да и вообще весь груз сколько-нибудь значительной ценности. Мы предпочли немедленно отправиться в Бассору, закупивши много различных товаров 353. Наша лодка с двенадцатью людьми стояла у берега, и я, Виллиам, лоцман и еще четвертый, которого мы выбрали в самом начале, задумали вечером послать одного турка к боцману с письмом. Наказавши парню бежать, как только можно быстрее, мы стали в небольшом отдалении, чтобы посмотреть, что случится. Письмо было написано старым лоцманом следующим образом:

”Боцман Тома, нас выдали. Ради Бога, отчальте и возвратитесь на корабль, не то вы все погибли. Капитан, Виллиам квакер и Джордж реформадо 354 схвачены и уведены. Я убежал и спрятался, но не могу выйти. Если выйду - мне смерть. Сейчас же, как только попадете на шлюп, рубите, или отвязывайте якорный канат, ставьте паруса и спасайтесь.

Прощайте.

Р. С”.

Мы стояли незамеченными в вечерних сумерках и видели, что турок передал письмо. В три минуты наши люди поскакали в лодку и отчалили, очевидно, выполнили совет письма. На следующее утро их нигде не было

видно, и с той поры мы ничего не слыхали о них.

Теперь мы находились в хорошем месте и в очень хорошем положении, так как все нас считали персидскими купцами 355.

Несущественно передавать здесь, сколько неправедно нажитого добра в общей сложности набрали мы. Важнее сказать вам, что я понял, насколько преступно было наживать его таким путем. Обладание им доставляло мне очень мало удовольствия, и, как я сказал Виллиаму, я не особенно стремился и не особенно надеялся удержать его. Однажды во время прогулки по полям возле города Бассоры я заявил Виллиаму, что собираюсь распорядиться своим добром по-своему, а как - вы сейчас услышите.

В Бассоре находились мы в полной безопасности после того, как отпугнули наших товарищей. И теперь нам нечего было делать, как только думать, каким бы образом превратить наши сокровища в такие вещи, чтобы был у нас вид купцов, которыми мы собирались стать, а не вид рыцарей наживы, которыми мы были в действительности.

Здесь мы очень кстати наткнулись на голландца, который совершил путешествие из Бенгалии в Агру 356, столицу Великого Могола. Оттуда он сухим путем добрался до Малабарского побережья, переправился таким или иным манером на корабле через залив и замыслил он, как мы узнали, по Великой Реке 357 пробраться вверх до Багдада 358 или Вавилона 359, а там караванным путем к Алеппо 360 и Скандерун. Так как Виллиам говорил по-голландски и отличался приятным, вкрадчивым поведением, то вскоре познакомился с этим голландцем. Мы сообщили друг другу, в каком положении каждый находится, и узнали, что у него с собою внушительная поклажа; что он долго торговал в этой стране и направляется домой, в свою родную страну, и что с ним слуги: один - армянин, которого он обучил разговаривать по-голландски и который сам кое-чем владеет, но хочет попутешествовать по Европе, а другой - голландский матрос, которого подобрал он из причуды и которому верил вполне. То был честный парень.

Этот голландец очень обрадовался знакомству с нами, так как скоро узнал, что и мы обращаем свои помыслы к Европе. И так как он узнал, что у нас с собою одни лишь товары (ибо мы ничего не сказали ему о наших деньгах), то охотно предложил помочь нам продать их столько, сколько

поглотит здешний рынок, и присоветовать, что сделать с остатком.

Покуда все это происходило, Виллиам и я совещались о том, как нам поступить с нами самими и с тем, что было у нас. Во-первых, решили мы все серьезные разговоры вести только в открытом поле, где можем быть уверены, что никто нас не услышит. Так, каждый вечер, когда солнце склонялось к западу, и жара спадала, мы выходили то в одном, то в другом направлении, чтобы обсудить свои дела.

Должен заметить, что здесь мы оделись на новый лад, так, как одеваются персы: в длинные шелковые куртки и нарядные платья или халаты из английского алого полотна, и отпустили себе бороды на персидский лад, так, что стали походить на персидских купцов, но только видом, впрочем, ибо не понимали ни одного слова на персидском языке, да и вообще не знали никаких языков, кроме английского и голландского, да и последний я понимал очень скверно.

Как бы то ни было, голландец выполнил все обещанное нам, а мы, решивши возможно более держаться в стороне, не знакомились и не обменивались ни единым словом ни с одним из английских купцов, хотя в том месте их было много. Благодаря этому способу мы лишили их возможности наводить о нас справки или дать какие-нибудь сведения о нас, если бы дошли сюда известия о нашей высадке здесь. А последнее вполне могло произойти, попади кто-нибудь из наших товарищей в дурные руки или в силу других непредвиденных обстоятельств.

В продолжение моего пребывания здесь - мы оставались около двух месяцев - я стал все чаще задумываться о своем положении. Не об опасности, ибо опасность нам не угрожала. Но мне действительно стали приходить мысли обо мне самом, о мире, иные, нежели какие бывали прежде.

Что до имевшегося у меня богатства, - а оно было у меня невероятно велико, - я ценил его столь же высоко, сколь и грязь под ногами. Я ценил его, обладание им не приносило мне покоя, не беспокоила меня и мысль лишиться его.

Виллиам заметил, что дух мой смущен и настроение по временам тяжело и подавлено. Однажды вечером, во время одной из наших прогулок по

прохладе, я заговорил с ним о том, чтобы бросить наши богатства; а Виллиам был человеком мудрым и осмотрительным - всеми предосторожностями в моем поведении в продолжение уже долгого времени был я, и вправду, обязан его советам, и потому все дело по охранению наших вещей, да и нас самих, лежало на нем. Он как раз рассказывал мне о кое-каких мерах, которые предпринимает для нашего путешествия домой и охранения нашего богатства, когда я оборвал его.

- Как, Виллиам, - говорю я, - неужели ты полагаешь, что вообще мы сможем достичь Европы, когда на нас висит такой груз?

- Да, - говорит Виллиам, - без сомнения, подобно другим купцам с подобным же грузом, если только не станет известным, какое количество у нас его или какую ценность он представляет.

- Как же, Виллиам, - говорю я с улыбкой. - Ведь ты считаешь, что над нами есть Бог; и ты так долго объяснял мне, что мы должны будем дать ему отчет во всех наших делах; так вот, как же, если ты считаешь, что он справедливый судья, можешь ты допустить, чтобы он позволил нам спастись, оставляя при себе все награбленное у стольких невинных людей и, можно сказать, целых народов? Как же может не призвать он нас к ответу за это до того еще, как мы попадем в Европу, где собираемся насладиться награбленным?

Виллиам, видимо, был поражен и удивлен этим вопросом, и долгое время не отвечал. А я повторил вопрос и добавил, что это недопустимо.

После некоторого молчания Виллиам в ответ:

- Ты поднял очень существенный вопрос, и положительного ответа на него я дать не могу. Но скажу я так: во-первых, правда, что, зная господнюю справедливость, нечего нам ожидать от него защиты. Но как обычные пути провидения не те, что повседневные пути людских деяний, то, все же, покаявшись, можем мы надеяться на милосердие и не знаем, сколь милосерден будет он к нам. И потому должны мы поступать, склоняясь к последнему, я хочу сказать, к милостивому решению, а не к первому, которое может навлечь на нас лишь суд и отмщение.

- Но послушайте, Виллиам, - говорю я, - в самое покаяние, как вы раз мне объяснили, входит исправление. А мы никак не можем исправиться.

Как же нам покаяться?

- Почему мы не можем исправиться? - говорит Виллиам.

- Потому, - сказал я, - что не можем вернуть того, что добыли разбоем и насилием.

- Верно, - говорит Виллиам, - этого мы сделать не можем, ибо не можем узнать, кто собственники награбленного.

- Что же, в таком случае, делать с нашим богатством, - сказал я, - следствием грабежа и разбоя? Сохраним мы его - мы останемся разбойниками и ворами, а если бросим его, то тоже поступим несправедливо, ибо не сможем возвратить его законным собственникам.

- Ну, - говорит Виллиам, - ответ на это короток. Отказаться от того, что имеем, это обозначает бросить его тем, кто на него не имеет прав, и лишить себя богатства, не сотворивши тем добра. Поэтому должны мы беречь его тщательно и твердо, творя с его помощью добро, какое сможем. И кто знает, какую возможность предоставит нам провидение сотворить благодеяние хотя бы нескольким из тех, кому мы причинили вред? Потому, по меньшей мере, должны мы предать все в руки господни и двинуться далее. И, без всякого сомнения, наш долг - уйти в какое-нибудь безопасное место и ожидать господней воли.

Это решение Виллиама действительно вполне удовлетворило меня, как, правда, и то, что все, что он ни говорил, всегда бывало надежно и правильно.

И вот вышло, что господь соблаговолил сделать Виллиама всем для меня.

Потому однажды вечером, как велось, потащил я Виллиама в поля много торопливее обычного. И там я рассказал ему смятение моего разума, как страшно искушал меня дьявол, и что я должен застрелиться, ибо не могу вынести тяжести, которая гнетет меня.

- Вот, - сказал я, - всю ночь снились мне ужасные сны, а особенно снилось мне, что за мною явился дьявол и спросил, как меня зовут, и я отвечал ему. Тогда он спросил меня, какой был мой промысел. “Промысел?

- говорю я. - Я вор, негодяй по призванию. Я пират и убийца и заслуживаю виселицы". - "Верно, верно, - говорит дьявол, - заслуживаете. И вы тот человек, которого я ищу, и потому ступайте за мной". Тогда я ужасно испугался и закричал так, что сам проснулся. С того самого времени я пребываю в ужасных мучениях.

- Превосходно, - говорит Виллиам, - теперь давай мне пистолет, о котором ты только что говорил.

- Зачем? - говорю я. - Что ты с ним сделаешь?

- Сделаю с ним! - говорит Виллиам. - Да тебе незачем самому убивать себя. Я буду вынужден сделать это за тебя. Да ты ведь чуть было не погубил нас всех.

- Что ты хочешь сказать, Виллиам? - сказал я.

- Сказать! - сказал он. - Нет, что ты хочешь сказать, если кричишь со сна: "Я вор, я пират, я убийца, я заслуживаю виселицы"? Да ты этим всех нас погубишь. Хорошо, что голландец не понимает по-английски. Коротко говоря, я должен застрелить тебя, чтобы самому спастись. Ну же, - говорит он, - давай пистолет.

Признаюсь, что это ужаснуло меня совсем, и я стал понимать, что действительно, будь поблизости меня кто-нибудь, понимающий по-английски, я бы погиб. С того времени мысль о том, чтобы застрелиться, покинула меня, и я обратился к Виллиаму.

- Ты совершенно смущаешь меня, Виллиам, - сказал я. - Да, я опасен, и небезопасно водить со мною общество. Что мне делать? Я выдам вас всех.

- Брось, брось, друг Боб, - говорит он. - Я со всем этим управлюсь, если ты послушаешь моего совета.

- А что это за совет? - сказал я.

- Весьма простой, - говорит он, - когда в следующий раз ты будешь разговаривать с дьяволом, то говори немного потише, не то мы все погибнем, и ты тоже.

Это испугало меня, я должен признаться, и немного утихомирило смятение моего духа.

Речь Виллиама принесла мне много удовлетворения и очень сильно успокоила меня, но сам Виллиам с тех пор очень тревожился из-за того, что я говорю во сне, и всегда старался ночевать в одной комнате со мною и не оставлять меня на ночлег в домах, где понимают по-английски хотя бы одно слово.

Как бы то ни было, впоследствии подобных случаев не бывало, ибо я стал теперь много спокойнее и решил в будущем жить жизнью, совсем отличной от той, которой жил. Что до бывшего у меня богатства, то смотрел я на него, как на ничто. Я решил сберечь его для того, чтобы творить правосудие, какое даст мне сотворить господь. И представившаяся мне впоследствии чудесная возможность потратить часть моих богатств для спасения разоренной семьи, которую я когда-то ограбил, стоит того, чтобы рассказать о ней, если в этом отчете останется место.

Принявши подобное решение, я стал несколько спокойнее духом. И вот, после трех месяцев нашего пребывания в Бассоре, распродав часть товаров, но, сохранивши большое их количество, мы, сообразно с указаниями голландца, наняли лодку и двинулись вверх по реке Тигру или, вернее, Евфрату к Багдаду или Вавилону. Был у нас с собою весьма значительный груз товаров, и потому мы оказались там важными особами, и повсюду нас принимали с почтением. В частности, было у нас сорок две кипы различного рода индийских тканей, шелка, муслина и тонких ситцев 361. Было у нас пятнадцать кип превосходных китайских шелков и семнадцать тюков или кип пряностей, - в частности, гвоздики и мускатного ореха, - и другие товары. Нам предлагали купить нашу гвоздику за наличные, но голландец советовал нам не выпускать ее и сказал, что лучшую цену получим мы в Алеппо или на Леванте 362. Так собрались мы для караванного пути.

Мы скрывали, как только могли, что у нас есть золото и жемчуг, и потому продали три или четыре тюка китайских шелков и индийского миткаля, чтобы иметь деньги на покупку верблюдов и на уплату пошлин, взимаемых во многих местах, и на пропитание в пути через пустыню.

Совершал я этот путь, оставаясь равнодушным до последней степени к

моим товарам и богатству и веруя, что раз собрал я все это разбоем и насилием, то господь повелит, и все будет отнято у меня тем же путем. И я поистине могу сказать, что, полагаю, обрадовался бы, случилось подобное. Но подобно тому, как был надо мною всеблагой покровитель, так же был у меня и верный дворецкий, советчик, товарищ, и не знаю, как еще лучше назвать его, который служил мне проводником и лоцманом, и руководителем, и всем на свете и заботился и обо мне и обо всем, что имелось у нас. И, хоть никогда не бывал он в этой части света, все же взял на себя заботу обо всем. Приблизительно в пятьдесят девять дней прибыли мы из Бассоры в устье реки Тигра или Евфрата, через пустыню и через Алеппо, в Александрию, или как мы называем ее, Скандерун на Леванте.

Здесь Виллиам и я, и двое других наших верных товарищей заспорили о том, что нам делать. И здесь Виллиам и я решили отделиться от двух остальных, так как они решили отправиться с голландцем в Нидерланды на каком-то голландском корабле, который как раз в то время стоял в гавани. Виллиам же и я решили отправиться на Морею 363, которая в то время принадлежала венецианцам 364, и поселиться там.

Мы поступили, правда, мудро, что скрыли от них наше направление, раз решивши расстаться с ними. Все же мы выполнили указания старого лоцмана, как писать ему в Голландию и в Англию, чтобы в случае чего узнать, что с ним, и пообещали сообщить ему, как писать нам. Мы выполнили это впоследствии, как выяснится в соответствующее время.

После того, как те уехали, мы еще некоторое время оставались здесь. Мы еще окончательно не решили, куда направляться. В это время какой-то венецианский корабль прибыл с Кипра 365 и зашел в Скандерун поискать фрахта на обратный путь. Мы этим воспользовались, сторговались о плате за проезд и за провоз наших товаров, сели на корабль и через некоторое время благополучно прибыли в Венецию со всеми нашими сокровищами и с таким грузом, какого (если сложить наши товары и наши деньги, и наши драгоценности), думаю я, никогда с самого основания Венеции не привозили туда два частных человека.

Мы долгое время еще хранили инкогнито, по-прежнему выдавая себя за армянских купцов, как называли себя уже некоторое время. А к этой поре мы настолько овладели персидским и армянским наречиями, на которых говорят в Бассоре и Багдаде, и вообще всюду, где нам пришлось пройти,

что вполне могли разговаривать между собою так, чтобы никто нас не понимал, хотя и сами подчас друг друга понимали еле-еле.

Здесь мы обратили все наше имущество в деньги и устроились будто на значительный срок. Виллиам и я, сохраняя нерушимую дружбу и верность друг другу, зажили, как два брата. Ни один не искал занятий для одного себя, отдельно от другого. Мы серьезно и важно беседовали и всегда о том же - о нашем покаянии. Мы не изменили обличий, то есть наших армянских одежд, и в Венеции нас называли: два грека.

Я два или три раза собирался сказать о размерах нашего богатства, но оно покажется невероятным, и нам неимоверно трудно было скрывать его, тем более что мы совершенно справедливо считали, что в этой стране нас легко могут убить из-за наших сокровищ. Наконец, Виллиам сказал мне, что, видимо, в Англии ему уже не побывать, но что это теперь его уже не так огорчает. Но так как собрали мы такое большое богатство, а у него в Англии имеются бедные родственники, то, если я согласен, он напишет, чтобы узнать, живы ли они и в каких условиях находятся, и если он узнает, что они, как ему кажется, живы, то он с моего согласия пошлет им немного денег, чтобы улучшить их положение.

Я очень охотно согласился, и Виллиам немедленно написал сестре и дяде и через пять, приблизительно, недель получил от них обоих ответ. Был он адресован на какое-то дикое армянское имя, которое Виллиам себе выдумал, а именно: Венеция, синьор Константин Алексион из Испагани 366.

Письмо от сестры было очень трогательно. Она после многих выражений радости и по поводу того, что он жив, - оказывается, много времени назад она слыхала, что в Вест-Индии он был убит пиратами, - заклинала его сообщить ей, как ему живется. Она писала, что ничего существенного для него сделать не может, но будет от всего сердца рада принять его у себя; что она осталась вдовой с четырьмя детьми, но держит лавочку в Минориз 367 и этим кое-как кормит свою семью; что, наконец, она послала ему пять фунтов на случай, если ему нужны деньги, чтобы возвратиться из чужбины на родину.

Я видел, что слезы проступили на глазах Виллиама, когда он читал письмо. И действительно, когда он показал мне его и жалкий

пятифунтовый перевод, посланный на имя одного английского купца 368 в Венецию, то и у меня проступили слезы.

Мы оба были сильно тронуты нежностью и добротой этой женщины, и Виллиам обратился ко мне:

- Что сделать для этой бедной женщины?

Я подумал немного. Наконец сказал:

- Я скажу вам, что вы должны сделать. Она послала вам пять фунтов, имея четверых детей, да она сама - это пятеро. Эта сумма для бедной женщины в ее положении - то же, что пять тысяч фунтов для нас. Вы должны послать ей перевод на пять тысяч фунтов английскими деньгами, и попросить скрыть свое удивление по этому поводу, покуда она о вас не услышит вновь. Потребуйте, чтобы она бросила свою лавочку, сняла бы дом где-нибудь в деревне, но неподалеку от Лондона, и там жила бы скромно, покуда вновь не услышит о вас.

- Однако, - сказал Виллиам, - я замечаю, что у тебя явились мысли о возвращении в Англию.

- Право, Виллиам, - сказал я, - вы ошибаетесь. Но мне пришло на ум, что вы могли бы попытаться сделать это, ибо вы не совершили ничего, что могло бы помешать вам. Почему должен я удерживать вас вдали от родных ради того только, чтобы не разлучаться с вами?

Виллиам был очень растроган, но взглянул на меня.

- Нет, - сказал он, - мы оба слишком долго плавали вместе, слишком далеко зашли оба. Я решил никогда не расставаться с тобой, покуда я жив, я поеду туда, куда поедешь ты, буду жить там, где будешь ты. А что до моей сестры, - сказал Виллиам, - я не могу послать ей столько денег, ибо кому принадлежат эти деньги, которые у нас имеются? Большая часть их - твоя.

- Нет, Виллиам, - сказал я, - нет у меня ни пенса, который бы не принадлежал вам, и не будет у меня ничего, что не принадлежало бы вам в равной доле, а потому вы должны послать ей эти деньги. Если же вы не пошлете, то пошлю их я.

- Да послушайте, - сказал Виллиам, - бедняжка ведь обалдеет. Она так изумится, что с ума сойдет.

- Хорошо, - сказал я, - Виллиам, это можно сделать с осторожностью. Пошлите ей перевод на сто фунтов и сообщите, что через одну или две почты пришлете еще, и что пошлете ей достаточно для того, чтобы могла она жить, не держа лавки; а затем пошлите еще.

Сообразно с этим Виллиам послал ей очень нежное письмо и перевод на одного лондонского купца на сто шестьдесят фунтов и попросил не беспокоиться и надеяться, что он в скором времени сможет послать ей еще. Приблизительно, десять дней спустя он послал ей другой перевод на пятьсот сорок фунтов и через одну или две почты - еще перевод на триста фунтов. И он написал ей, что пошлет ей достаточно для того, чтобы она могла бросить лавочку, и советовал ей снять дом, как говорил я выше.

Он подождал, покуда не получил ответа на все три письма. В ответе говорилось, что она деньги получила, и, чего я не ожидал, сообщила, что никому из знакомых она не сказала ни одного слова о полученных ею деньгах и вообще о том, что Виллиам жив, и не сообщит об этом, покуда не узнает дальнейшего.

Когда он показал мне это письмо, я сказал:

- Знаете, Виллиам, этой женщине можно доверить даже жизнь. Пошлите ей остаток от пяти тысяч фунтов, и я поеду вместе с вами в Англию, в дом этой женщины, когда вы только захотите.

Словом, мы послали ей пять тысяч фунтов, и она, получивши все сполна, через короткое время написала брату, что известила дядю о том, что очень больна и больше не может заниматься каким бы то ни было трудом и, что сняла дом, приблизительно, в четырех милях от Лондона, где будет якобы жить на средства со сдаваемых в наем комнат. Коротко говоря, она поступила так, точно понимала, что брат собирается приехать к ней инкогнито, и заверила, что он сможет жить так уединенно, как ему захочется.

Благодаря этому перед нами отворилась та самая дверь, которая, как мы думали, на всю жизнь будет заперта для нас. Словом, мы решили действовать, но осторожно, скрывая как имена, так и все другие

обстоятельства. Сообразно с этим Виллиам дал знать сестре, как приятна ему ее осторожность, а также, что она правильно угадала его желание жить в уединении, и, наконец, просил ее жить как можно скромнее до тех пор, покуда они не встретятся.

Он собирался отправить это письмо.

- Послушайте-ка, Виллиам, - сказал я, - не посылайте ей пустого письма. Напишите, что с вами едет друг, который ищет такого же уединения, как и вы, и я пошлю ей еще пять тысяч фунтов.

Так, коротко говоря, мы обогатили семью этой бедной женщины, и все же, когда дошло дело до отъезда, мужество покинуло меня, и я не осмелился. А что до Виллиама, то он без меня отправиться не хотел, и так мы после того провели еще два года, обдумывая, что нам делать.

Вы, быть может, решите, что я слишком расточительно обращался с моим неправедно нажитым добром, осыпая щедротами и посылая княжеские дары постороннему для меня человеку, который даже не знал меня. Но нужно считаться с тем, в каком я находился положении.

Денег у меня было в изобилии, а друзей ни одного на свете. И ни от кого не видывал я ни услуги, ни помощи. Я не знал поэтому, куда поместить или кому доверить мои богатства, покуда я жив, или кому оставить их, когда я умру.

Так, не имея друзей, говорю я, ухватился я за сестру Виллиама. Доброта ее по отношению к брату, которого она сперва считала бедным, свидетельствовала о щедром духе и милосердной душе. Решивши на нее первую обратить мои щедроты, я не сомневался, что тем самым добуду себе в будущем нечто вроде убежища или средоточия, на которое смогу опираться в будущих поступках. Ибо, действительно, человек, у которого имеются богатства, но нет приюта, нет места, которое бы имело магнетическое влияние на его привязанности, находится поистине в одном из самых странных обстоятельств и положении, какие только возможны, и улучшить это положение не в силах все его деньги.

Как я сказал уже, мы провели два года с лишним в Венеции и соседних с нею местах и все время пребывали в постоянных колебаниях, - не решались и были неуверенны до последней степени. Сестра Виллиама

каждый раз убеждала нас приехать в Англию и удивлялась, почему мы не решаемся доверять ей, когда она нам стольким обязана, и даже некоторым образом обижалась за проявляемую к ней подозрительность.

Наконец я стал склоняться к тому, чтобы поехать и сказал Виллиаму:

- Послушайте-ка, брат Виллиам (ибо с того нашего разговора в Бассоре я называл его братом), если вы согласитесь со мною в двух или трех вопросах, я охотно, от всего сердца поеду с вами в Англию.

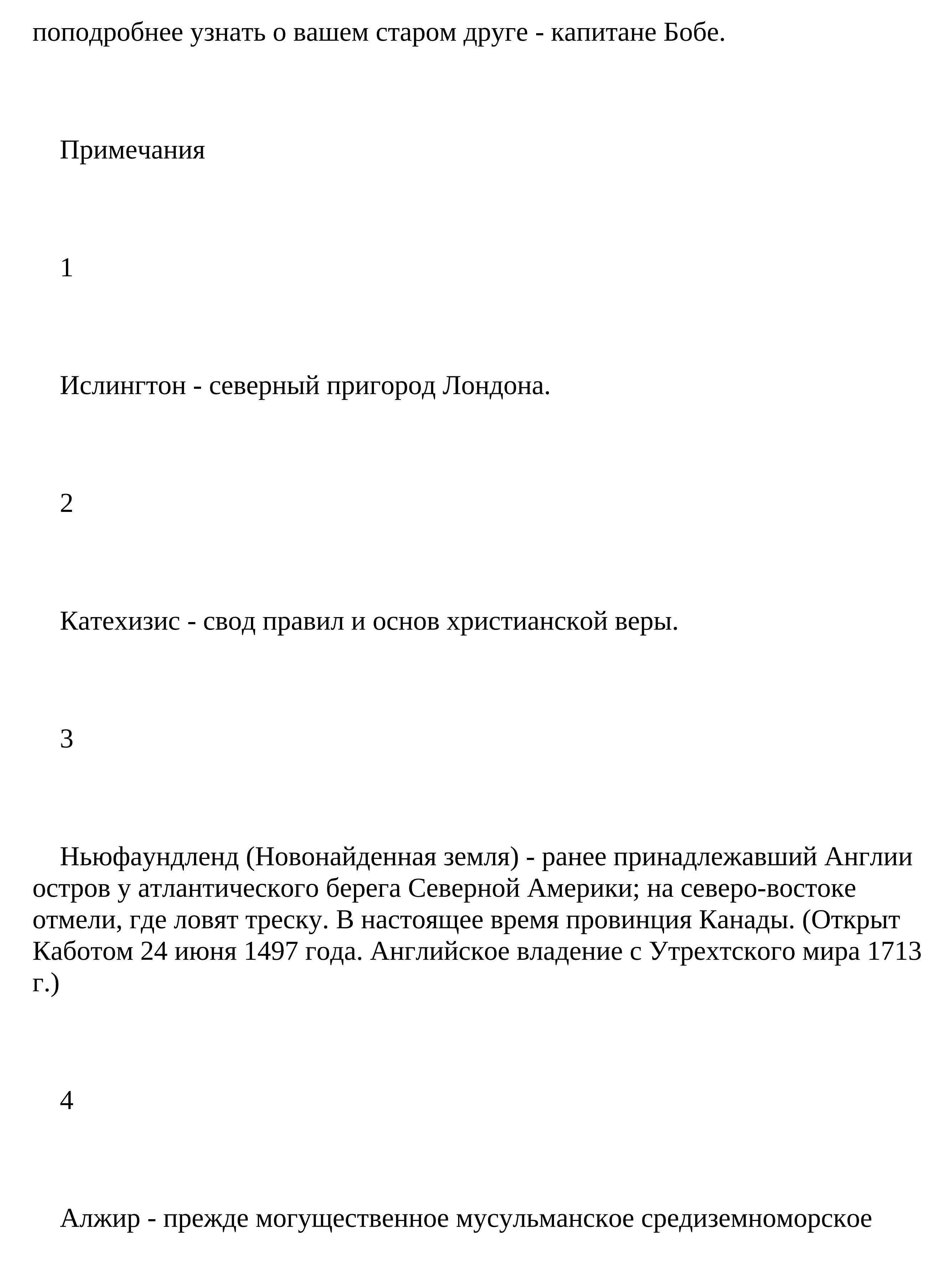
Виллиам отвечал на это:

- Скажите мне, в чем дело.

- Во-первых, - сказал я, - вы не откроетесь никому из ваших родных в Англии, кроме как сестре. Во-вторых, мы не сбреем наших баков или бород (ибо мы все время носили бороды на греческий лад), и мы не снимем наших длинных курток, чтобы сходить за греков и иностранцев. В-третьих, мы никогда не будем говорить по-английски при ком бы то ни было, за исключением вашей сестры. В-четвертых, мы всегда будем жить вместе, и выдавать себя за братьев.

Виллиам сказал, что от всего сердца соглашается на все эти условия, но что не разговаривать по-английски будет труднее всего, хотя он и постарается делать это, как только сумеет. Итак, словом, мы согласились отправиться из Венеции в Неаполь 369, где выложили большую сумму денег на покупку тюков шелка, оставили большую сумму у одного купца в Венеции и еще значительную сумму, - в Неаполе, взявши к тому же векселей на изрядное количество денег. И все же в Лондон прибыли мы с таким грузом, с каким за несколько лет не прибывали туда, наверное, даже американские купцы, ибо мы нагрузили два корабля семьюдесятью тремя тюками трощенного шелка 370, не считая еще тринадцати тюков шелковых тканей из герцогства Миланского 371, погруженных в Генуе. Все это я привез в сохранности и некоторое время спустя женился на верной моей покровительнице, сестре Виллиама, с которой я более счастлив, нежели того заслуживаю.

А теперь, после того, как я так откровенно рассказал вам, как прибыл в Англию, и после того, как так смело признался, какую жизнь вел в чужих краях, - мне пора на время умолкнуть, не то, пожалуй, кое-кто захочет

поподробнее узнать о вашем старом друге - капитане Бобе.

Примечания

1

Ислингтон - северный пригород Лондона.

2

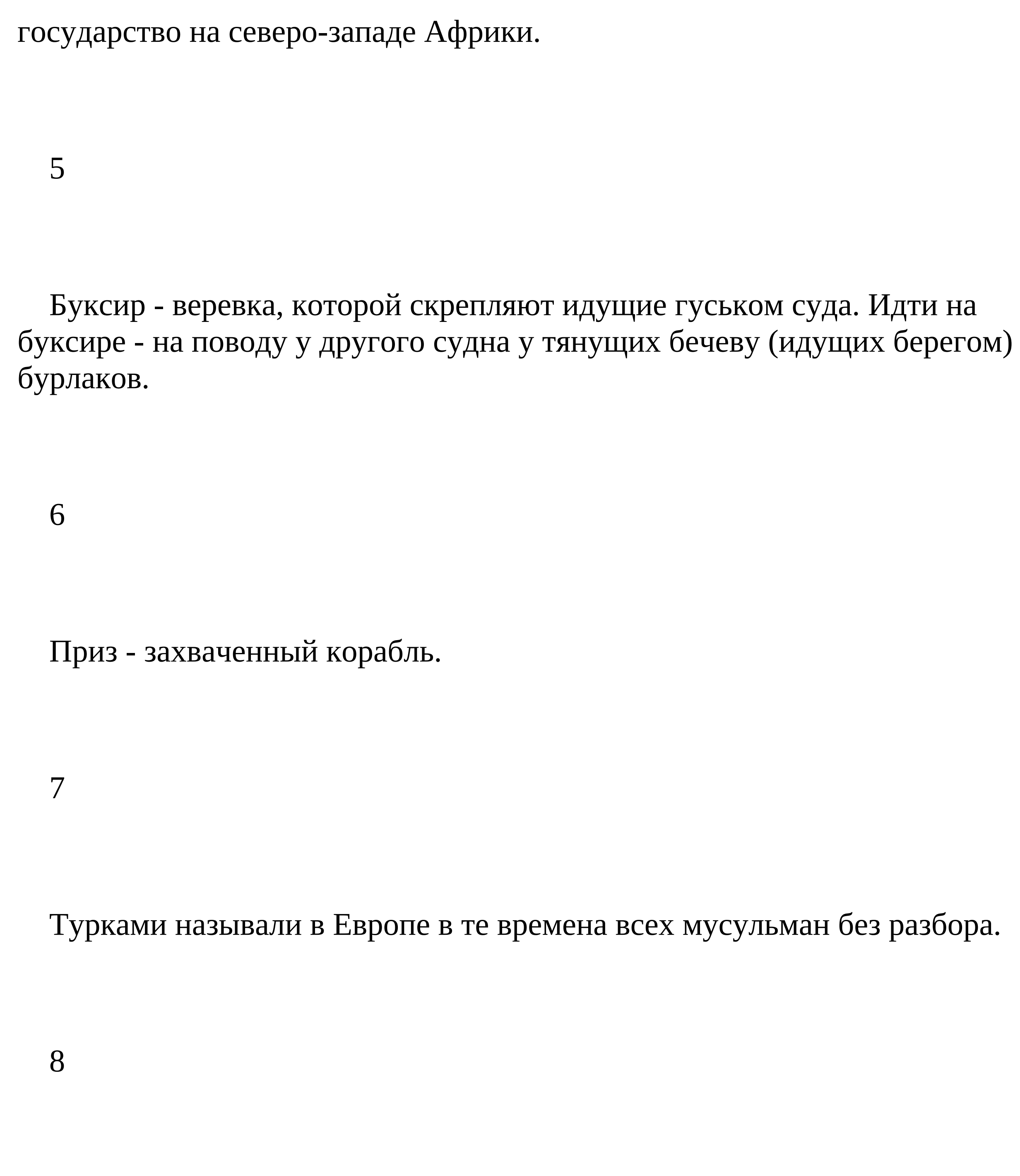
Катехизис - свод правил и основ христианской веры.

3

Ньюфаундленд (Новонайденная земля) - ранее принадлежавший Англии остров у атлантического берега Северной Америки; на северо-востоке отмели, где ловят треску. В настоящее время провинция Канады. (Открыт Каботом 24 июня 1497 года. Английское владение с Утрехтского мира 1713 г.)

4

Алжир - прежде могущественное мусульманское средиземноморское

государство на северо-западе Африки.

5

Буксир - веревка, которой скрепляют идущие гуськом суда. Идти на буксире - на поводу у другого судна у тянущих бечеву (идущих берегом) бурлаков.

6

Приз - захваченный корабль.

7

Турками называли в Европе в те времена всех мусульман без разбора.

8

Корсар - морской разбойник. Степень развития пиратства в то время лучше всего иллюстрируется следующими двумя фактами: 1) Захваченный в 1689 или 1690 г. средиземноморскими пиратами (то есть в самом сердце развитой морской торговли культурных стран) моряк Роберт оказался пленным на одном из кораблей целого флота в составе восьми вымпелов и вооруженного в общей сложности 50 пушками, 108 петереро (см. примеч. 242), при общей команде около 1200 человек. Корабли шли под флагами:

португальским - один, ливурнским (Неаполитанское королевство) - три, венецианским - один, и мальтийским - три. Мальтийскими кораблями командовали рыцари мальтийского ордена (дворянское объединение, одним из последних командоров которого был русский император Павел).
2) В те же годы остров Истанкой или Кос (у берегов Малой Азии, между Патмосом и Родосом) жил исключительно морским разбоем. Начальник острова признавал верховную власть Великого Господина (турецкого султана) и платил ежегодную ему подать, исчисляемую, понятно, не с естественных богатств острова, но с его грабительских достатков. Пиратский же флот Истанкоя состоял из двенадцати вымпелов, - семи сорокавосьмивесельных галиотов, по 4 пушки и 300 человек на каждом и пяти двадцативосьмивесельных бригантин, по 6 петереро и 70 человек на каждой, - итого 28 пушек, 30 петереро и без малого двух с половиною тысяч отчаянных головорезов - сила опасная даже для тогдашней военной эскадры. (Роберт “Путешествие на Средиземноморский Восток” 1699 г.)

9

Гибралтар - пролив, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном

10

Кадикский залив - в Испании, на юго-западе Пиренейского полуострова, у города Кадикса.

11

Португалия в те времена была одним из самых мощных и богатых государств мира, владевшим большими колониями в Южной Америке, Африке и Индии.

12

Лиссабон - столица Португалии с 1506 г. Основана до 716 г.

13

Лоцманами тогда называли не только судовожатых в гавани (как сейчас), но и опытных моряков, знающих дальние страны и пути к ним (штурманы дальнего плавания в нынешней терминологии).

14

Галлеон - большой торговый четырехмачтовый корабль.

15

Каррак - то же, но несколько больше.

16

Гоа - столица португальских владений в Индии.

17

Ост-Индия - Индостан, Индийский полуостров. Тогда находилась в руках португальцев.

18

Навигационное дело - мореходное искусство.

19

Мойдор (правильнее - мойда д’оуро) - португальская золотая монета.

20

Инквизиция - (от лат. inquisitio - розыск) тайное политическое и религиозное судилище в католических странах. Особенно свирепствовала в Испании. В XX веке функции инквизиции частично перешли к одной из конгрегации римской курии.

21

Ормуз - остров в устье Персидского залива; Ормузский залив соединяет Персидский залив с Османским морем.

22

Мыс Доброй Надежды - один из южных пунктов Африки; поворотная станция на морском пути в Индию. Открыт Варфоломеем Диазом в 1487 г.

23

Компас делится на шестнадцать румбов, то есть направлений; вокруг четырех основных (север, восток, юг, запад) располагаются добавочные двенадцать (север, северо-северо-восток; северо-восток; востоко-востоко-север; восток и т. д.).

24

Мадагаскар - большой остров в Индийском океане; отделен от восточного берега Африки Мозамбикским проливом. Открыт, очевидно, в 1506 г. Лоренцом Альмейдой.

25

Бунты на кораблях, вызванные жестоким обращением, дурной пищей, обсчитыванием при выплате жалованья и т. п., а часто и желанием матросов стать пиратами, были обычным явлением в то время.

26

Судовой комиссар ведает продовольствием, амуницией и суммами экипажа.

27

На берегах высаживали взбунтовавшихся или не угодных капитану матросов очень часто, оставляя им ружье, немного пуль, бутылку пороха и бутылку воды. Так, на острове Хуан-Фернандез (Тихий океан, на восток от Чили) прожил с 1704 по 1709 год английский матрос Александр Селькэрк, послуживший одним из образцов для знаменитого романа Дефо “Робинзон Крузо”.

28

Доллар - в те времена почти международная денежная единица; приблизительно равнялась тогдашней английской кроне - пяти шиллингам.

29

Мушкет или мускет - кремневое ружье, заряжаемое с дула. Порох насыпался на так называемую полку, а удар курка высекал из кремня искру, падавшую на полку. Несмотря на всю неуклюжесть этого ружья, хорошо обученные солдаты могли делать из него шесть выстрелов в минуту и забивать седьмую пулю (армия прусского короля Фридриха II; 2-я половина XVIII в.)

30

Лига - равняется трем географическим милям, то есть 22, 281 километра; английская миля - 1, 609 километра; морская миля-1, 8522 километра; узел (единица хода корабля) - 1, 8532 километра.

31

Шканцы - средняя часть верхней палубы от кормы до передней мачты; офицерская часть корабля.

32

Боцман - корабельный старший унтер-офицер.

33

Кабестан - стоячий ворот для подъема якорного каната. К кабестану ставили для телесного наказания плетьми, после чего в исполосованное тело втирали соленую воду.

34

Алебарда - копье с топориком; старорусское наименование - протазан.

35

Барк, или баркас - большая двадцати или более весельная лодка.

36

Шлюп - одномачтовый корабль.

37

Шалуп - разновидность шлюпа.

38

Пирога - выдолбленная из древесного ствола лодка (старорусское название - дубок).

39

Каноэ - то же, что пирога.

40

Малабарское побережье находится на востоке южной части Индостана.

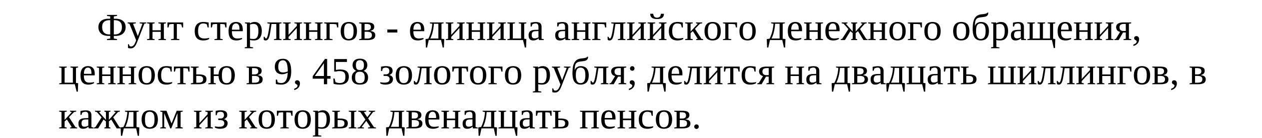
41

Пираты - морские разбойники.

42

В те времена были очень распространены суеверные гадания по ладони (хиромантия) и лицу (физиогномика).

43

Фунт стерлингов - единица английского денежного обращения, ценностью в 9, 458 золотого рубля; делится на двадцать шиллингов, в каждом из которых двенадцать пенсов.

44

Муссоны - ветры, дующие в Индийском океане шесть месяцев в году в одном направлении и следующие шесть - в обратном.

45

Красное, или Черное море - узкая водная полоса между юго-западом Аравийского полуострова и северо-востоком Африки, соединенная со Средиземным морем Суэцким каналом (с 1869 г.). До прорытия канала - продолжение караванных путей.

46

Абордаж, абордировать (франц. aborder) - приставать к борту - стать борт о борт к кораблю. Брать на абордаж - брать приступом, врукопашную, корабль.

47

Галлон - мера жидкости - 4, 546 литра; кварта (четверть галлона) - 1, 137

литра; пинта (полкварты) - 0, 568 литра.

48

Осьмерик (piastre de ocho reales) - испанская монета, 8 реалов, стоимостью в доллар (см. примеч. 28).

49

Циновка - частая рогожа чистой работы из сученых мочал, особой ткани.

50

В южном полушарии (то есть южнее экватора) времена года располагаются обратно нашему календарю. Таким образом, октябрю соответствует приблизительно апрель-май.

51

Между 20 и 21 марта в широтах Москвы солнце восходит точно на востоке и заходит точно на западе (весеннее равноденствие). Затем точки восхода и захода начинают смещаться к северу, и 22 июня оказываются соответственно на северо-востоке и северо-западе (летнее солнцестояние - время высшего полуденного подъема солнца над горизонтом). То же движение начинает происходить в обратном направлении, к югу; при чем

осеннее равноденствие приходится на 22-23 сентября, а зимнее солнцестояние - на 21 - 22 декабря, после чего солнце снова движется на север.

52

Круг земного шара разделен продольно от полюса к полюсу на 360 меридианов, показателей долгот. Расположенные к востоку от нулевого (общепринятым является меридиан Гринвича под Лондоном) меридианы являются восточными, и обратно; 180-й градус восточной и западной долгот (приблизительно совпадающий с календарной линией, пересекая которую, едущие с запада на восток прибавляют день, а едущие в обратном направлении отсчитывают день) проходит через отделяющий Азию от Америки Берингов пролив. Поперечное деление - широты - насчитывают 180 параллелей; нулевая называется экватором, а 90-е - полюсами. Астрономический градус делится на 60 минут; минута - на 60 секунд; секунда - на 60 терций. Условные обозначения: ° ‘ “

’”.

53

Экватор (нулевая широта) (от латинского aequare - равнять) - делит земной шар между полюсами на две равные половины. Тропики - параллельные экватору линии, между которыми осуществляется видимое движение солнца вокруг земли. Северный - тропик Рака (знак зодиака, соответствующий апрелю), южный - Козерога (знак зодиака, соответствующий октябрю). Область между тропиками именуется палящей зоной; это самый жаркий пояс на земле.

54

Зенит - воображаемая точка над головой, восстановленная из точки наблюдения по вертикали к земле.

55

Очевидно, мыс святого Андрея. Приближение его к Африке, однако, не так значительно, как рассказывает Дефо.

56

Фрегат - трехмачтовый военный корабль. Здесь и в некоторых местах дальше - иронически.

57

Зангебар - область восточной Африки, Кения наполовину же Танзания. Не смешивать с Занзибаром, островом у зангебарского побережья!

58

Картография того времени была в весьма плачевном состоянии, что

являлось результатом несовершенства необходимейшего инструмента для определения долготы - хронометра. (Полуденное стояние солнца сверяется с часом, показанным идущим по гринвичскому времени хронометром. Расстояние в 4° равно одной минуте времени.) Широту определяли более или менее сносно. Показания карт были такие: мыс Доброй Надежды - 25°33’ восточной долготы (в действительности - 18°29’); мыс Фрио (в Бразилии) - 33°59’ западной долготы (вместо 41 “570 ; мыс Бланко (Перу) - 62°52’ западной долготы (вместо 81°10’). (Мэзью Норвуд, “Наука мореходства”, 1692 г.). Удивительно, что корабли вообще прибывали на место назначения (особенно если вспомнить, что добрая треть известных нам земель вообще не была еще нанесена на карты, да и карты были неточные).

59

По инвентарному штату кораблю известного водоизмещения полагалось определенное количество пушек.

60

Лавировать - идти на парусах против ветра. Идя под острым углом и поворачивая с одного галса на другой, судно движется коленчатым путем против ветра - лавирует.

61

Английский весовой фунт равен 0, 454 килограмма; унция - 31, 103 грамма.

62

Кэч - очень длинная, узкая гребная и парусная лодка.

63

Галера - низкобортное длинное судно, идущее под парусом и на веслах.

64

Галиот-1) небольшая легкая галера; 2) плоскодонное голландское судно для прибрежного (каботажного) плавания.

65

Мозамбик - побережье на востоке южной половины Африки. Мозамбикский пролив отделяет Мадагаскар от Африки.

66

Враком (английское wreck - обломок) называют потерпевший крушение

корабль.

67

Кормовые сооружения. На больших судах того времени на корме (где находились офицерские помещения) воздвигались двух, трех и даже четырехэтажные жилые сооружения.

68

Бизанью называется меньшая, задняя мачта трехмачтовика. Средняя, главная, называется грот-мачта, а передняя - фок-мачта.

69

Водоизмещение, или тоннаж, корабля определяется весом вытесняемого им, равного по объему, количества воды.

70

Такелажем (немецкое Taklage - положение талей) именуется вся веревочная оснастка корабля. Стоячий такелаж - просмоленные веревки (по-морскому - концы), часто заменяемые железными скрепами, поддерживающие мачты и их продолжения. Бегучий такелаж - концы, при помощи которых управляются парусами.

71

Очевидно, мимоза (из семейства акациевых).

72

Румпель - рычаг, управляющий рулем. Рулем, собственно, именуется проходящее под корабельным килем (острым дном) правило. Обслуживающие руль (штурвал) моряки - штурвальные.

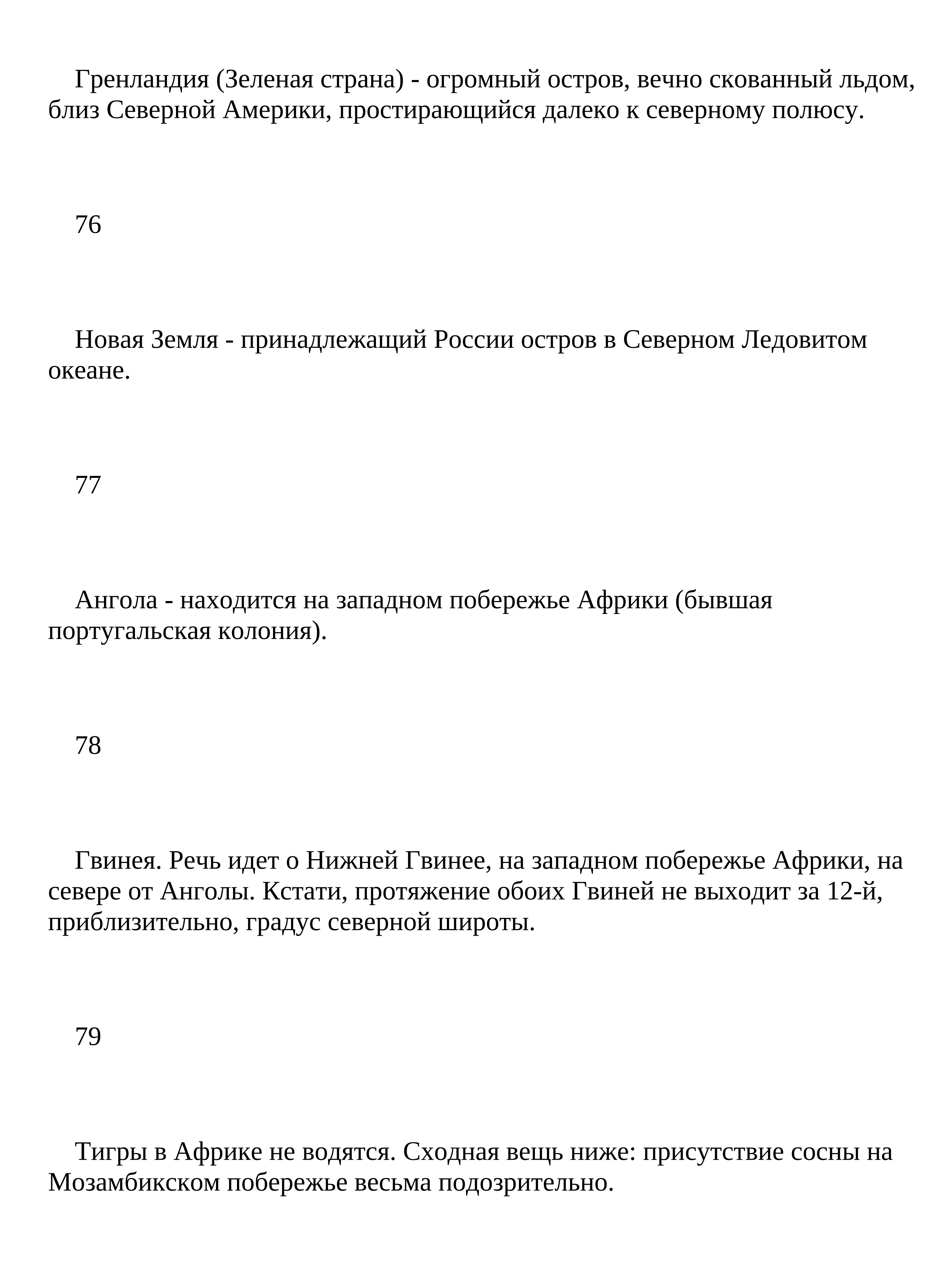
73

Штиль - отсутствие ветра.

74

Здесь расположены Коморские острова, остров Альдабра и некоторые другие.

75

Гренландия (Зеленая страна) - огромный остров, вечно скованный льдом, близ Северной Америки, простирающийся далеко к северному полюсу.

76

Новая Земля - принадлежащий России остров в Северном Ледовитом океане.

77

Ангола - находится на западном побережье Африки (бывшая португальская колония).

78

Гвинея. Речь идет о Нижней Гвинее, на западном побережье Африки, на севере от Анголы. Кстати, протяжение обоих Гвиней не выходит за 12-й, приблизительно, градус северной широты.

79

Тигры в Африке не водятся. Сходная вещь ниже: присутствие сосны на Мозамбикском побережье весьма подозрительно.

80

Цибеты, или циветты, входят во вторую семью (виверры) хищников, а кошки - в первую (кошачьи)

81

Арабы - семитское племя, населяющее Аравию, Палестину, Сирию и ряд местностей северной Африки. Во время действия романа арабы представляли сколько-нибудь значительную силу только в аравийской и средиземноморской торговле.

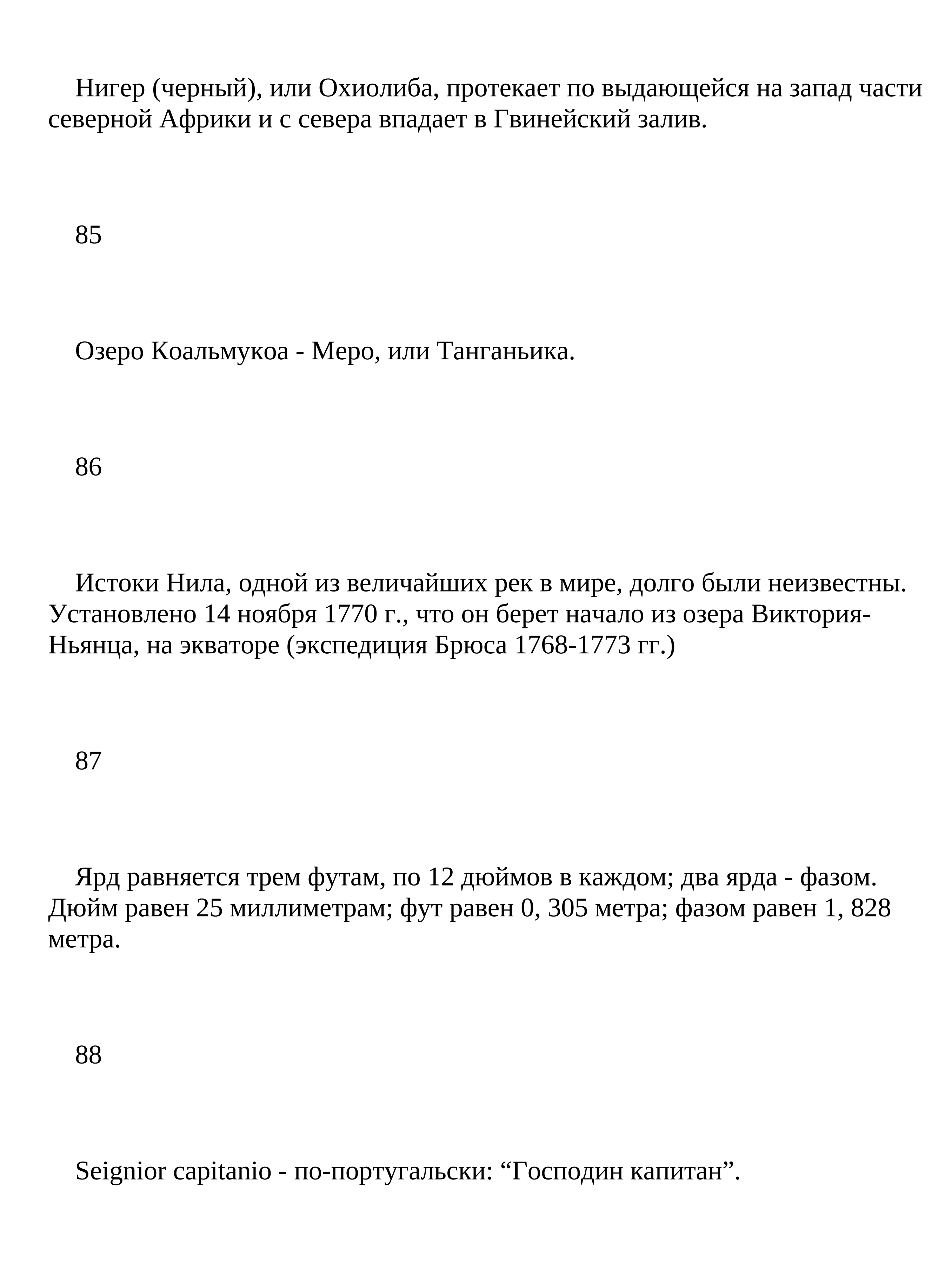
82

Турецкая или оттоманская империя (основана в 1299 году) находилась в те годы на высоте своего могущества (неоднократные осады Вены; бесславный поход русских при Петре I на Прут).

83

Великое Аравийское море - Аравийский залив между Аравией, Персией и Индостаном.

84

Нигер (черный), или Охиолиба, протекает по выдающейся на запад части северной Африки и с севера впадает в Гвинейский залив.

85

Озеро Коальмукоа - Меро, или Танганьика.

86

Истоки Нила, одной из величайших рек в мире, долго были неизвестны. Установлено 14 ноября 1770 г., что он берет начало из озера Виктория-Ньянца, на экваторе (экспедиция Брюса 1768-1773 гг.)

87

Ярд равняется трем футам, по 12 дюймов в каждом; два ярда - фазом. Дюйм равен 25 миллиметрам; фут равен 0, 305 метра; фазом равен 1, 828 метра.

88

Seignior capitanio - по-португальски: “Господин капитан”.

89

Эбен - черное дерево.

90

Очевидно, река Ровума.

91

Караван - обоз, поезд путешественников.

92

Темза - английская река, протекающая через Лондон и впадающая в Северное, или Немецкое море

93

Грэйвзенд - порт на Темзе, возле ее устья.

94

Виндзор - старый английский город на Темзе, приблизительно, на середине течения.

95

В мушкет, сверх полагающейся по заряду пули, можно было заколотить шомполом еще одну, а подчас и несколько пуль. Жеребеек - отлитая по калибру (диаметр дула) ружья стопочка, заменяющая пулю.

96

Это суеверие постоянно появлялось у дикарей при первом знакомстве с действием огнестрельного оружия.

97

Эзоп - древнегреческий баснописец (б в. до н. э.), считавшийся создателем басни. Корзина с хлебами - басня о том, как человек за дорогу съел весь свой груз.

98

Очевидно, какая-нибудь разновидность кукурузы.

99

Ялик, или ял - двух или четырехвесельная лодка.

100

Фурии - богини мщения в древнем Риме.

101

Стрельба плутонгами (взводами) производилась не как описывает Дефо, а так: головной взвод давал залп и расходился вправо и влево, открывая второй взвод, следовавший примеру первого. Затем взвод на ходу заряжал оружие и сходился в затылке наступающей колонны.

102

Очевидно, речь идет о гепарде, чрезвычайно легко приручаемом хищнике из семейства кошачьих (3-й род - охотничьи леопарды), еще древними египтянами применявшемся в качестве охотничьей собаки.

103

Пядень - мера длины от конца, при растопыренной руке, большого пальца до конца мизинца. Приблизительно 15 сантиметров.

104

Область, пересекаемая героем, в те времена была совершенно не известна европейцам. Рассказ Дефо о пустыне и потому подобном отражает, скорее всего, тогдашние россказни о неведомых землях.

105

Очевидно, заяц, или так называемый египетский тушканчик, или кафрский длинноног.

106

Пастернак, или пустернак - овощ из семейства зонтичных.

107

Очевидно, озеро Ньясса. Только оно находится много ближе к Мозамбикскому побережью, нежели его помещает Дефо.

108

Очевидно, какая-нибудь разновидность кактуса, сочного и колючего растения, свободно растущего в пустыне.

109

Библия рассказывает, что Бог, утомившись людскими беззакониями, обрушил на землю сорокосуточный потоп, в котором погибло все живое, кроме праведника Ноя, заботливо предупрежденного Богом. Ной построил ковчег и посадил в него свое семейство и по паре всех видов животных. От сыновей Ноя будто бы произошли арийцы (белые) от Иафета, семиты (евреи и арабы) от Сима и негры - от Хама. Ни китайцев, ни американских индейцев тогда не знали. Возможно, что предание о всемирном потопе отражает пережитые человечеством великие землетрясения и геологические перевороты, во время которых под водою скрывались целые материки, как Атлантида (в Атлантическом океане) и Пацифида (в Тихом океане).

110

Петарда - короб, жестянка, начиненная порохом.

111

Такой реки по пути героев нет.

112

Плавиковый шпат-разновидность мелкослоистой каменной породы.

113

В тропических широтах вместо зимы бывает период дождей.

114

Очевидно, речь идет о пантере.

115

Римский раб Андрокл был брошен на съедение хищникам, но один лев защитил его, так как Андрокл когда-то в прошлом вытащил занозу из лапы этого льва. Предание это рассказано римским писателем Авлом Гелием (2-й век нашей эры).

116

Возможно, что озеро Меро. Но оно и меньше и восточнее. Реки, описываемой Дефо, впрочем, там нет.

117

Очевидно, иероглифовый питон (иначе ассала, или тенне), но он не ядовит, хотя по внешности схож с описанием.

118

Градшток - старинное простейшее орудие для определения высоты солнца.

119

Возможно, что озеро Бангвеоло.

120

Рио-Грандэ (по-испански - Великая река) - Нигер.

121

Голландия, или Нидерланды (Низкие земли), была в продолжение всего периода первоначального накопления одной из величайших мировых держав и представляла собою типичное торгово-капиталистическое государство.

122

В Англии (1640-1660 гг.) произошла революция, окончательно добившая феодализм. Англия, молодая торговая держава, стала конкурировать с другими торговыми государствами. Конечная победа Англии в значительной степени объясняется как природными богатствами страны (уголь, железо), ускорившими в ней промышленный переворот, так и выгодным островным положением, защищавшим страну от захвата неприятелем.

123

Испания доживала последние дни как первоклассная держава. Основная причина - огромный приток золота из заморских владений (вся центральная и вся Южная Америка, кроме только Бразилии), вызвавший революцию цен и приведший к разорению страны.

124

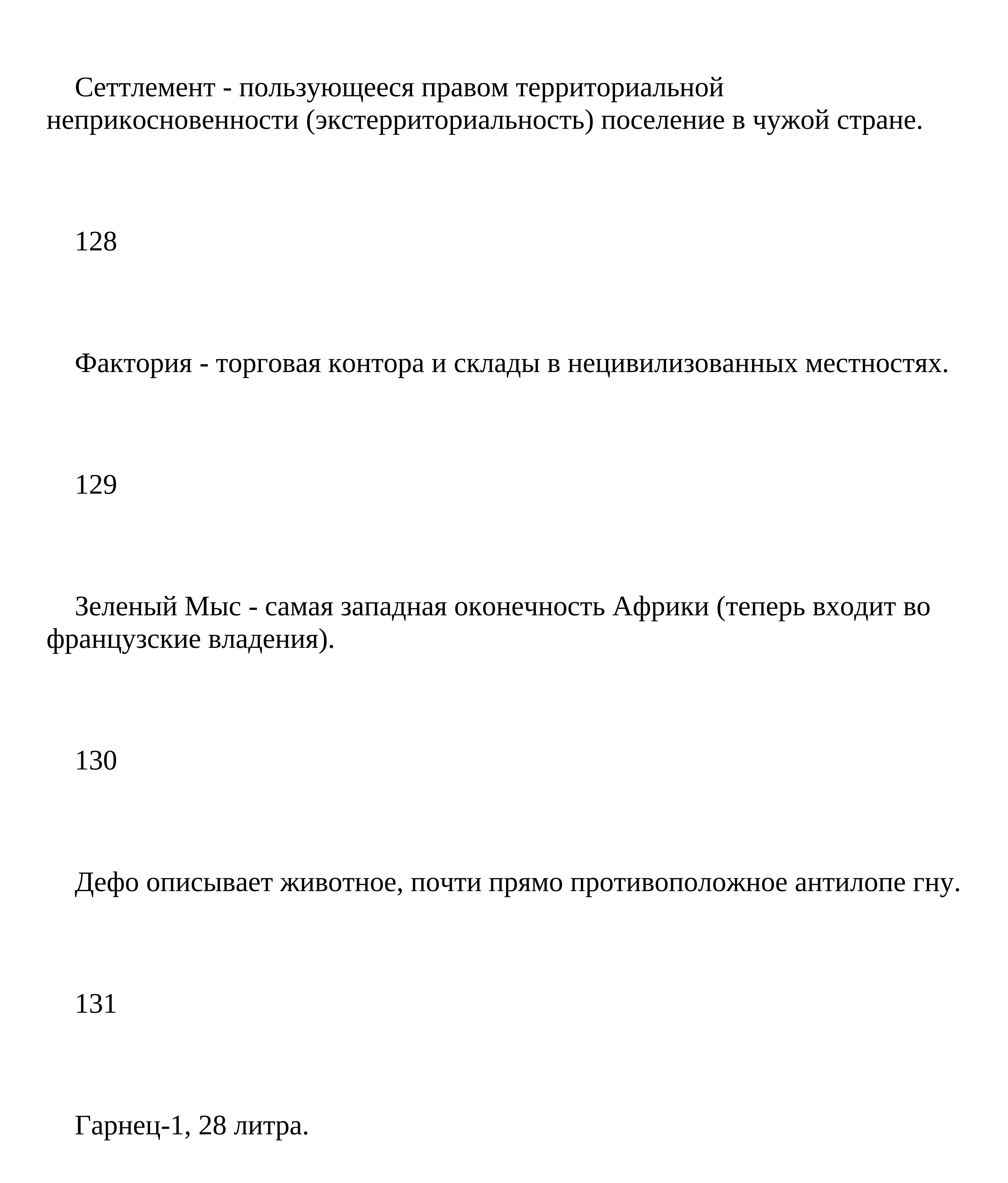
О христианской колониальной системе В. Гауитт, прославившийся своим христианским рвением, говорит следующее: “Варварство и жестокость так называемых христианских рас во всех странах света и против всех народов, которые они только могут поработить, не имеют ничего подобного ни в какие времена всемирной истории, ни в какой расе, как бы она ни была дика, мало цивилизована и бесстыдна”. (В. Гауитт “Колонизация и христианство. Популярная история обращения европейцев во всех своих колониях с туземцами”). История голландского колониального хозяйства, - а Голландия находилась во главе Капиталистических наций XVII века, - “представляет беспримерную картину измен, подкупов, убийств, подлостей”. (Т. С. Рафлэ “Ява. История ее и хозяйство”). Маркс “Капитал”, том I, книга первая, отдел, седьмой, глава двадцать четвертая, 6 (Возникновение промышленного капитализма).

125

Конго - река в Африке, вытекающая из озер Меро, Танганьи и Альберт и впадающая в Атлантический океан на севере Анголы. Так же называется ряд различных территорий в Центральной Африке.

126

Золотым Берегом называют часть Нижней Гвинеи. Сначала португальское (с 1481 -1482 гг.), затем голландское (с 1642 г.) владение. Одна из причин англо-голландской войны из-за колоний, 1664-1665 гг.

127

Сеттлемент - пользующееся правом территориальной неприкосновенности (экстерриториальность) поселение в чужой стране.

128

Фактория - торговая контора и склады в нецивилизованных местностях.

129

Зеленый Мыс - самая западная оконечность Африки (теперь входит во французские владения).

130

Дефо описывает животное, почти прямо противоположное антилопе гну.

131

Гарнец-1, 28 литра.

132

Апоплексия - удар, паралич части или всего тела; апоплексическому удару полнокровие, обычно, способствует.

133

Маис - разновидность кукурузы.

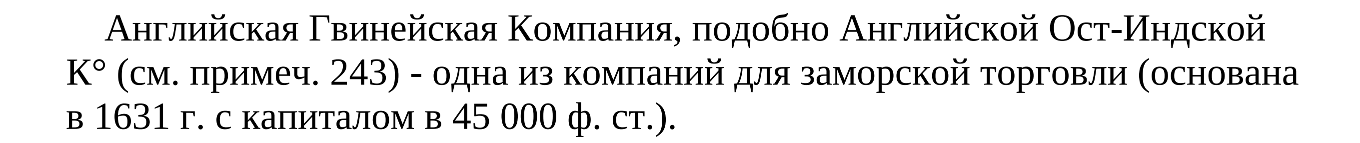
134

Инглезе (inglese) - по-португальски - англичанин.

135

Каури - небольшая белая раковина, двух-трех сантиметров длины, разновидность так называемой “змеиной головки”, или “ужовки” (Cypraea moneta, или Cypraea annulus). Ожерелье из таких ракушек (в зависимости от количества их) называется чангос, каури, цимбис, бончес и т. д. 40 ракушек каури называется “шнур”; 50 шнуров (2000 каури) - “голова”; 10 голов (20 000 каури) - “мешок”; 3 “головы” стоят доллар.

136

Английская Гвинейская Компания, подобно Английской Ост-Индской К° (см. примеч. 243) - одна из компаний для заморской торговли (основана в 1631 г. с капиталом в 45 000 ф. ст.).

137

Сиерра Леоне (Львиные горы) - на юго-западе выступающей на запад части Северной Африки (бывшая английская колония, где только в 1926 году было отменено рабство). С 1961 года - независимое государство.

138

Все европейские государства торговали в те времена с заморскими не захваченными еще странами при помощи монополистических К°, акции которых в продажу почти не поступали.

139

Враждебные чувства туземцев к европейским торговцам понятны. Попытки вырезать все население той или иной фактории неоднократно были.

140

Пистоль - золотая монета (различной ценности).

141

Грот, или грош - в те времена серебряная монета.

142

Кейп-Кост-Кэстль (замок на побережье мыса) - бывшая английская фактория на Золотом Берегу. Основан португальцами в 1610 г., захвачен голландцами в 1643 г., уступлен Англии по миру в Бреда в 1667 г.

143

Розерхайз - часть Лондона.

144

Гройн - английское искажение испанского названия Ла Корунья, провинция и порт на северо-западе Испании.

145

Известны три пирата Гарриса: Чарлз Гаррис, капитан, 25 лет от роду, уроженец Лондона, повешен 19 июня 1723 г. в нынешнем штате Массачуэетс (Северо-Американ. Соединен. Штаты); Ричард Гаррис из Корнваллиса (Англия), 45 лет, повешенный в 1722 году (Ричард и одновременно с его казнью помилованный Хьюг Гаррис - участники команды пирата капитана Робертса), и Питер Гаррис, капитан, участник пиратской экспедиции капитана Шарпа, который погиб от ран 24 апреля 1680 г. в Центральной Америке. Речь идет, очевидно, о Чарлзе; молодость его не должна смущать: знаменитый разбойник Джон Шеппард был повешен 22 лет от роду.

146

Канарские острова (иначе - Счастливые) расположены в Атлантическом океане у северо-северо-запада Африки (были испанским владением с 1495 года). В 1978 году островам предоставлена автономия.

147

Корабли бывали в те времена вооружены следующими видами пушек “полупушка” - калибр 6, 75 дюймов, ядро 30, 5 английск. фунта; “петро” - 24 ф.; “василиск” (легендарное животное) - 15 ф.; “сакр” или “сакар” - 3, 5 дюйма, 5 ф. и ряд пушек меньше - “миньон” (любимец), “фокон” (сокол), “серпентина” (змейка), “рабанэ” (веревочка); вес ядра последней - полфунта. Соотношение количества пушек и количества людей зависело, очевидно, от калибра орудий.

148

Barcos longos (испанск. длинные лодки. Правильнее bar-cas loneas) - баркасы.

149

Баррель - бочонок емкостью, приблизительно, в 300 литров.

150

Испанское оружие в те времена было одним из лучших.

151

Фузея - более легкий, офицерский, мушкет.

152

Тогдашние длинноствольные кремневые пистолеты (изобретены в Пистойе (Италия) в 1542 году; впервые в бою применены с успехом в битве при Ренти - 1554 г.) были однозарядными и потому продавались обычно парами. Носили их без кобуры, просто заткнувши за пояс.

153

Пиво в Англии (стране, обильной ячменем и хмелем) известно издавна и является национальным напитком.

154

Пэнчон - бочка, емкостью в 120 галлонов (545, 59 литров).

155

Вест-Индия (Западная Индия) - Центральная Америка. Открывший Америку Колумб (1492 г.) пристал к берегу в этих краях и решил, что это Индия (Колумб, не подозревая о существовании Америки, плыл, по поручению испанского правительства, на поиски западного пути в Индию, так как восточный, вокруг Африки, был монополизирован португальцами).

156

Картагена, или Картахена - порт на Антильском море (Караибском, Карибском) на севере Южной Америки (ныне департамента Боливар в Колумбии). В 1697 году был разгромлен пиратами.

157

Тобаго - остров на востоко-востоке-севере Южной Америки, входящий в группу так называемых Островов на Ветре, или Малых Антильских.

158

Новой Англией называется область (открытая в 1583 г., впервые из европейцев заселенная бежавшими из Англии пуританами и квакерами (см. примеч. 172) в 1620 году на восточном (Атлантическом) побережье Северной Америки. В то время - английская колония; теперь - штат Соединенных Штатов.

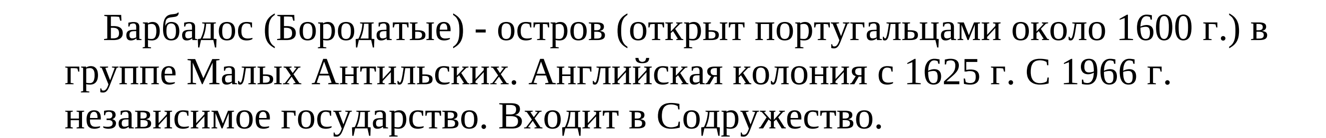
159

Мадера, или Мадейра - остров (открыт, очевидно, в XIV в.) на западе Африки. Территория Португалии. Предмет вывоза - вина.

160

Ямайка (от индейского “Хаймака” - страна духов) - остров в Карибском море (открыт Колумбом в 1494 г.). Был английским владением с мадридского договора 1670 г., фактически с захвата в 1655 г. Вывоз - сахарный тростник, кофе, ром и т. д. С 1962 г. - независимое государство в составе Содружества.

161

Барбадос (Бородатые) - остров (открыт португальцами около 1600 г.) в группе Малых Антильских. Английская колония с 1625 г. С 1966 г. независимое государство. Входит в Содружество.

162

Виргиния, или Вирджиния (девственная) - в те времена земледельческая область на восточном побережье Северной Америки (главным образом табаководство и сахарный тростник). Первое поселение англичан в 1607 году. Теперь штат Соединенных Штатов.

163

Бригантина - небольшое однопалубное двухмачтовое гребное судно.

164

Кампешский, или Кампечский залив - в Центральной Америке. Ныне воды Мексиканской республики. На берегах залива растет ценное кампешевое дерево, идущее на дубление кожи. Пополнить экипаж можно было тамошними лесорубами, из которых обычно вербовались пираты.

165

Кулеврина (уж) - длинная узкая пушка.

166

Остров Куба - в Карибском море. Открыт Колумбом 28 октября 1492 г. По 1898 г. колония Испании; 1898-1901 гг. - Соединенных Штатов; 1902 г. - независимая республика. Развито сельское хозяйство. Вывоз - табак, ценное дерево, сахарный тростник.

167

Квакер (прыгун, дергающийся). Так называли наиболее “левую” (мелкобуржуазную) религиозно-политическую группировку (основана между 1648 и 1666 гг. Джорджем Фоксом) протестантского движения английской буржуазии (годы великой английской революции). Учение квакеров быстро утратило свой революционный характер и стало стяжательским, ханжеским. Жили квакеры “по священному писанию”, соблюдали крайнюю простоту в одежде и внешнем убранстве и, обращаясь к собеседнику, называли его “друг”. Отсюда их прозвище “друзья”.

168

Пенсильвания (Пеннова лесная область) - в те времена земледельческая область на восточном берегу Северной Америки. Заселена впервые англичанином Виллиамом Пенном 28 октября 1682 г. Ныне штат Соединенных Штатов.

169

”Получить койку” - получить место, службу.

170

Квакеры обращались друг с другом на “ты”, по-библейски. В английском языке “ты” отсутствует - и повседневное обращение “вы”. Для того чтобы подчеркнуть характер этой речи, переводчик был вынужден заставить тогдашних моряков обращаться друг с другом на “вы”, что является переводом дословным, но не передает характера английского “вы”.

171

Мексиканский залив - между Северной и Центральной Америкой, на востоке.

172

Флоридский залив - северо-восточная оконечность Мексиканского, у берегов Флоридского (Цветущего) полуострова.

173

Багамские, или Баамские острова - открыты Колумбом в 1492 г. на

северо-востоке от Больших Антильских и на востоко-востоко-севере от Флоридского полуострова. Английская колония, с 1783 г. С июня 1973 г. независимое государство. Входит в Содружество.

174

Гондурас (по-испански - Глубины) - в Центральной Америке на северо-западе от Никарагуа. Открыт Колумбом в 1502 г. Колонизаторы поработили коренное население и ввозили рабов из Африки. Рабство отменено в 1824 году.

175

Остров святого Мартына - остров между Кюрасо и Гваделупой. Новооткрытые земли часто назывались в честь церковного праздника данного дня.

176

Остров Кюрасо - в группе Островов под Ветром, в Караибском море, на севере от Южной Америки. Голландское владение. Вывоз - одноименный ликер (напиток).

177

Бразилия - огромная португальская колония. Открыта в 1500 г. (с 1822 г. - независимое государство, с 1889 г. - федеративная республика) на восточном побережье Южной Америки. Вывоз - кофе, рис, хлопок, табак, сахарный тростник; золотые, медные и железные руды.

178

Формарс - марс, то есть площадка у вершины фока - передней мачты.

179

Тринидад (Троица) - один остров в Атлантическом океане у Южной Америки. Другой - чуть южнее Тобаго.

180

Пихта - хвойное дерево, похожее на сосну.

181

Залив Всех святых - в Бразилии, около 13° ю. ш.

182

Остров Си - неясно, какой остров подразумевает Дефо.

183

Гитов - снасть для уборки или подборки паруса.

184

Главный парус на грот-мачте.

185

Форзейль - передний парус.

186

Марсель - второй снизу парус.

187

Эзельгофт - балка, скрепляющая нижнее колено мачты со стеньгой.

188

Галс - сторона, с которой дует ветер.

189

Брам-стеньга - третье колено в вышину, из которого состоит мачта. Первое называется мачтой; второе - стеньгой с представкой названия мачты; третье - брам-стеньгой, с той же представкой; четвертое - бом-брам-стеньгой, с той же представкой.

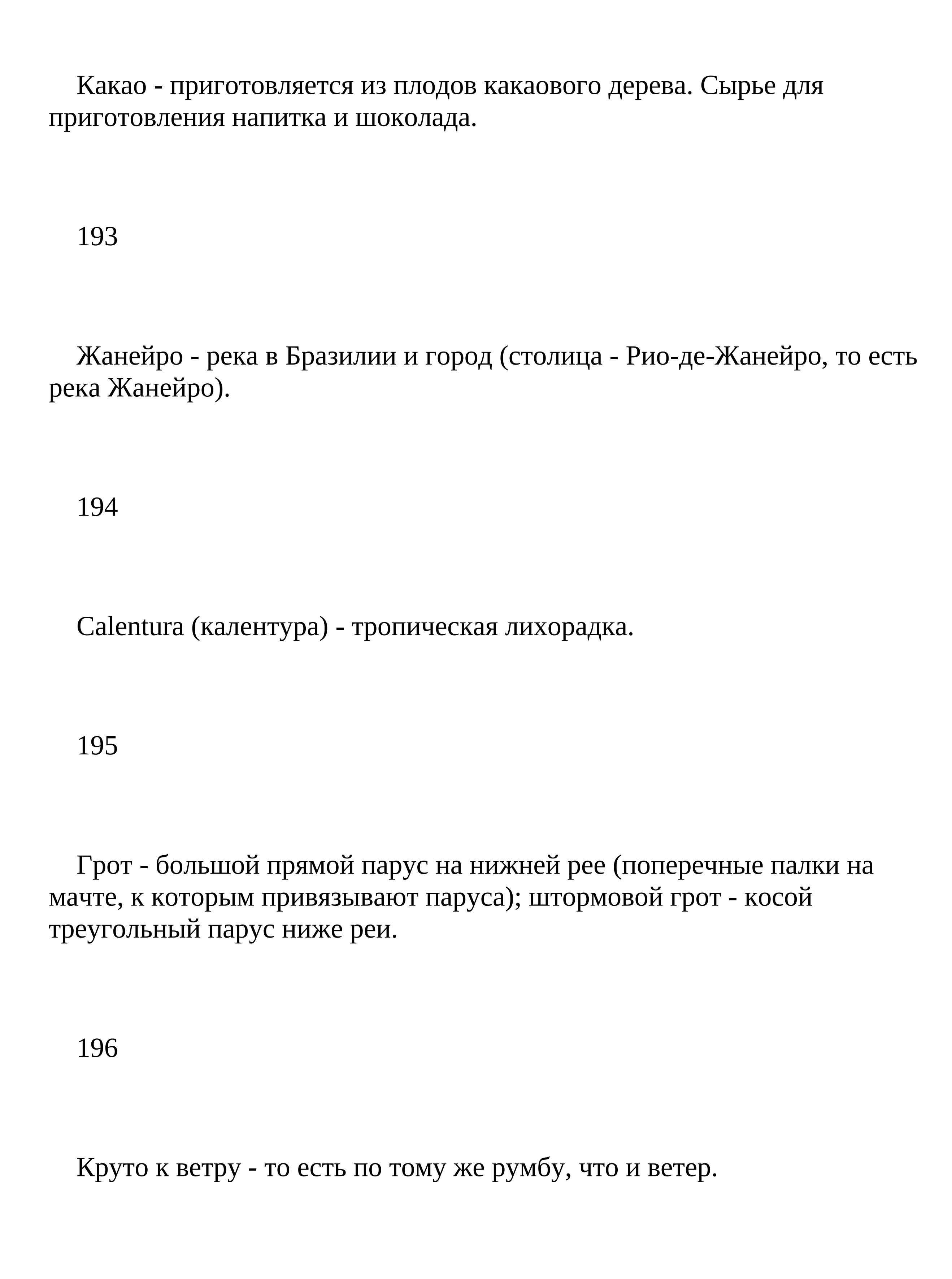
190

Каболки - пеньковые нити из распущенной смоленой веревки.

191

Бортовой залп - обычно на носу и корме ставилось не более одной пушки. Основное вооружение корабля было по бортам.

192

Какао - приготовляется из плодов какаового дерева. Сырье для приготовления напитка и шоколада.

193

Жанейро - река в Бразилии и город (столица - Рио-де-Жанейро, то есть река Жанейро).

194

Calentura (калентура) - тропическая лихорадка.

195

Грот - большой прямой парус на нижней рее (поперечные палки на мачте, к которым привязывают паруса); штормовой грот - косой треугольный парус ниже реи.

196

Круто к ветру - то есть по тому же румбу, что и ветер.

197

Штирборт - левый борт.

198

Бакборт - правый борт.

199

Идти к ветру-поворачивать в направлении ветра.

200

Брас - снасть для поворота реи.

201

Траверс (поперечина) - перпендикуляр к пути корабля.

202

Клюзы - отверстия (обычно четыре) на носу корабля для продевания якорного каната.

203

Бушприт, или бугшприт - косая передняя мачта на носу.

204

Ванты - смоленые канаты, с боков удерживающие мачту в гнезде.

205

Пунш - напиток с водкой или ромом, сахаром и иногда лимоном.

206

Бак - передняя часть палубы от фок-мачты до бушприта.

207

Пушечный порт - отверстие, в которое просовывалось жерло пушки.

208

Джонсон (“Всеобщая история пиратов”, 1724 г., т. I): “Люди капитана Тича швырнули несколько новомодных ручных гранат, а именно: металлических бутылок, наполненных порохом, дробью, жеребейками и кусочками свинца или железа; снаружи приделан короткий фитиль, зажигаемый в минуту, когда бутылку бросают”.

209

Кормовой флаг служил сигналом, какой нации корабль.

210

Генуэзцы - уроженцы Генуи, независимого торгового (морского) государства. Теперь - в составе Италии. Порт на Генуэзском заливе в Средиземном море.

211

Ла-Плата (по-испански - серебро) - залив и река в Аргентине

(Серебряной), южноамериканской республике.

212

Буэнос-Айрес (Благорастворение воздухов) - порт и столица Аргентины. Основан в 1535 г.

213

О капитане Джоне Эйвери (герое романа Дефо “Король пиратов, т. е. отчет о славных деяниях капитана Эйвери, самозваного императора мадагаскарского, в двух самоличных его письмах”. 1720 г.) достоверно известно лишь, что он, будучи вторым помощником капитана, на стоявшем в Гройне в 1695 г. английском тридцатипушечном корабле, взбунтовал экипаж и ушел в Красное море. Утвердившись на острове Периме (Баб-эль-Мандебский пролив), он стал взимать дань с проходящих судов. В числе прочих он ограбил корабль Великого Могола на сумму свыше 300 000 ф. ст. (деньги в то время стоили, приблизительно, в двадцать раз дороже, чем теперь). Затем, преследуемый как Великим Моголом, так и Ост-Индской Компанией, он переселился на Мадагаскар, где в 1699 г. представлял собой настолько серьезную опасность, что совет английских министров обсуждал проект экспедиции против него. Далее Эйвери распустил экипаж и исчез. Команда была поодиночке выловлена и перевешана, капитана же, несмотря на крупную награду (500 ф. ст. от правительства и 400 ф. ст. от Ост-Индской Компании), обещанную за его голову, не нашли. Мадагаскарское поселение пиратов еще в 1706 г. предлагало свою военную силу - 800 человек - французскому королю Людовику XIV. Об Эйвери изустное предание говорит, что, по возвращении в Англию, он поручил бристольским купцам продать награбленные им драгоценности; купцы же эти драгоценности просто прикарманили и на требование денег угрожали выдать Эйвери властям, как пирата. Умер Эйвери “от горя и ярости в великой нищете”.

214

Великий Могол - так, искажая слово монгол, европейцы называли правителей империи моголов (от 1526-1761) в Индии.

215

Штагом называют толстую смоленую снасть, которая удерживает мачту спереди.

216

Ракса, или раке, - деревянные бусы на проволоке, по которым ходит гафель (полурея) на мачте.

217

Тогдашний пистолет бил приблизительно на 20-30 шагов; пушка - на 200-300 шагов.

218

Шкафут - часть верхней палубы вдоль борта между грот и фок-мачтами.

219

Кают-компания - главная каюта, служащая офицерам столовой и гостиной.

220

Тесак - короткая сабля с толстым обухом.

221

Люк - лаз с откидной крышкой с палубы в нижние помещения.

222

Гангрена - болезнь, выражающаяся в омертвении и гниении пораженных частей тела.

223

Пытка была нормальным в те времена способом принудить допрашиваемого отвечать.

224

Обращение с перевозимыми на корабле невольниками было еще ужаснее, нежели с туземным населением колоний. Нередко были и бунты невольников.

225

Ганшпуг - ручной рычаг.

226

Крюйтс-камера, или крюйт-камера - склад боевых припасов на корабле.

227

Южные моря - Тихий океан.

228

Торговля неграми ограничивалась, начиная с XVIII века, рядом запрещений (здесь у Дефо еще одна хронологическая ошибка). Окончательно отменена была в Англии законами 1807 и 1811 гг.; в иных государствах позже. Рабовладельчество официально уничтожено было последними (впрочем, см. примеч. 137) Соединенными Штатами в результате войны 1861 - 1866 гг. за освобождение негров, между северными и южными штатами.

229

Порт Сан-Педро (святого Петра) сейчас не имеет никакого значения.

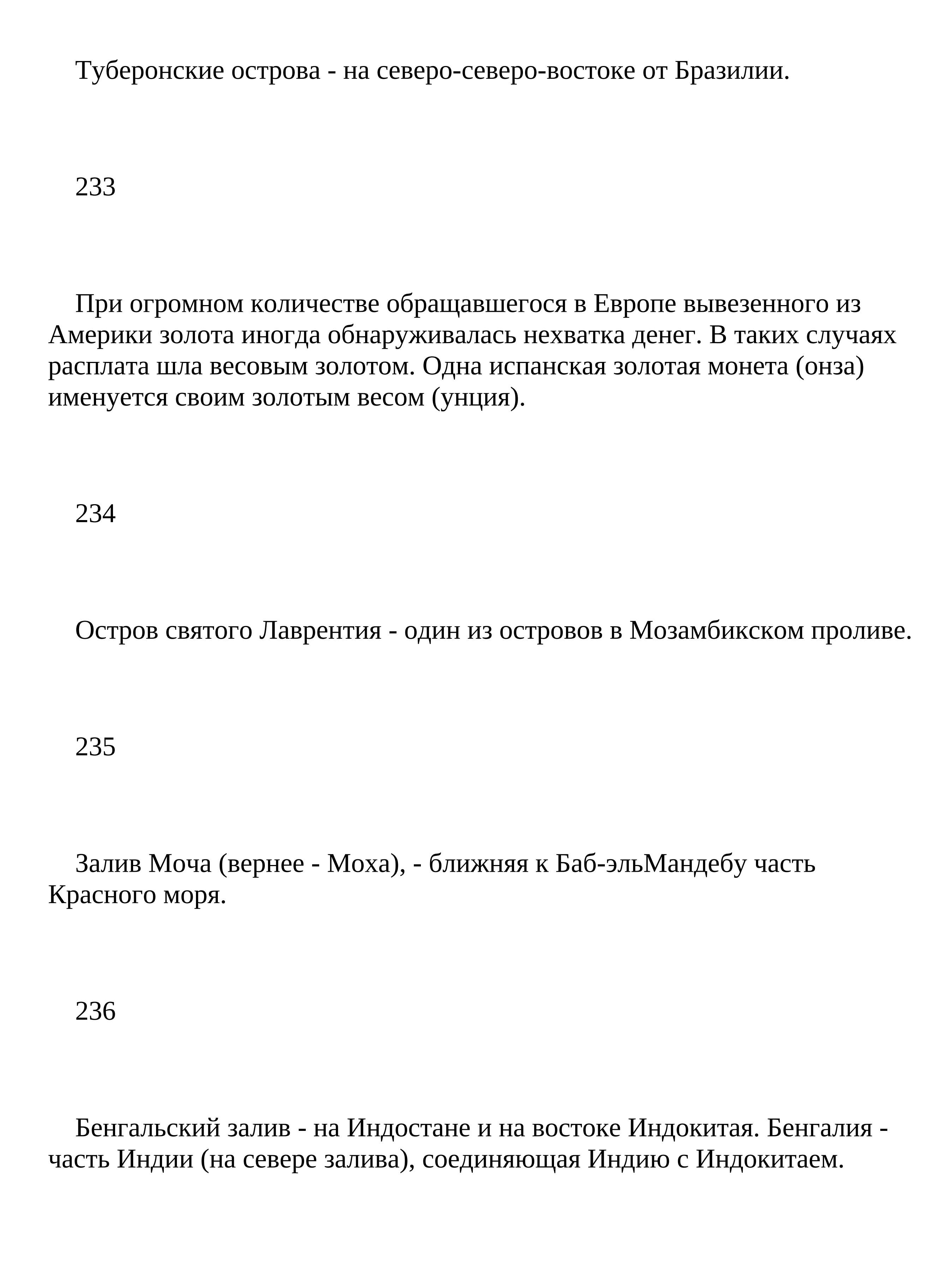
230

Реки Рио-Грандэ (Великая река) протекают: одна посередине Бразилии, другая на юге (севернее Уругвая). Речь идет о второй - ближней к тогдашним испанским колониям.

231

Мыс святого Фомы - на северо-востоке Бразилии.

232

Туберонские острова - на северо-северо-востоке от Бразилии.

233

При огромном количестве обращавшегося в Европе вывезенного из Америки золота иногда обнаруживалась нехватка денег. В таких случаях расплата шла весовым золотом. Одна испанская золотая монета (онза) именуется своим золотым весом (унция).

234

Остров святого Лаврентия - один из островов в Мозамбикском проливе.

235

Залив Моча (вернее - Моха), - ближняя к Баб-эльМандебу часть Красного моря.

236

Бенгальский залив - на Индостане и на востоке Индокитая. Бенгалия - часть Индии (на севере залива), соединяющая Индию с Индокитаем.

237

Петереро (исп. pedrero - каменщик) - род мортиры с тонкими стенками, весом в 1000 ф. (488 кг.); металла, при заряде в 2, 5 ф. (1, 22 кг.) пороху, каменные ядра на 100-200 метров. В дальнейшем стала применяться также и для стрельбы картечью и цепными ядрами (ядра, соединенные цепью и поражавшие неприятеля, как собственным весом, так и своим цепным скреплением; сковано вместе бывало и 3 и 4 ядра). В дальнейшем петереро стали называть мелкокалиберный фальконет (“соколенок”) (см. прим. 147).

238

Ост-Индская К” была основана лондонскими купцами в 1600 г. Она пользовалась настолько значительными правами в Индии, что фактически была совершенно независима от английского правительства. Содержимыми ею на свой счет армии и флоту и обязана Англия завоеванием Индии (XVIII век). Распущена в 1873 году.

239

С Китаем шла оживленнейшая торговля. Европейцы ввозили туда шерстяные изделия, вывозили шелковые ткани, чай и т. д.

240

Остров святой Елены - в Атлантическом океане, на западе от Анголы.

Открыт португальцами в Еленин день 21 мая 1501 г. С 1651 года - владение Ост-Индской Компании; был важен в качестве океанской стоянки.

241

Пинаса - длинная, узкая, легкая гребная и парусная лодка.

242

Переговорный рупор - усилитель речи, схожий с громкоговорителем.

243

Залив святого Августина - на западе южной части Мадагаскара.

244

Остров святого Маврикия - на западе Мадагаскара.

245

Коромандельское побережье - на западе Бенгальского залива.

246

Форт (крепость) святого Георга, или Мадрас - французский порт на юге Коромандельского побережья. К Англии отошел по Аахенскому миру 1748 г.

247

Баб-эль-Мандебский пролив - соединяет Красное море с заливом Аденским (в Индийском океане).

248

Мыс святой Марии - южная оконечность Мадагаскара, а не юго-западная, как пишет Дефо.

249

Кильватер - струя, след за кормой корабля. Корабли идут в кильватер, кильватерной колонной - идут гуськом. Здесь - прибрежная полоса вод.

250

Порт или форт Дофина (наследник французского престола) - порт на востоке южной части Мадагаскара.

251

Рейд - место перед пристанью, где корабль, при полной нагрузке, может стоять.

252

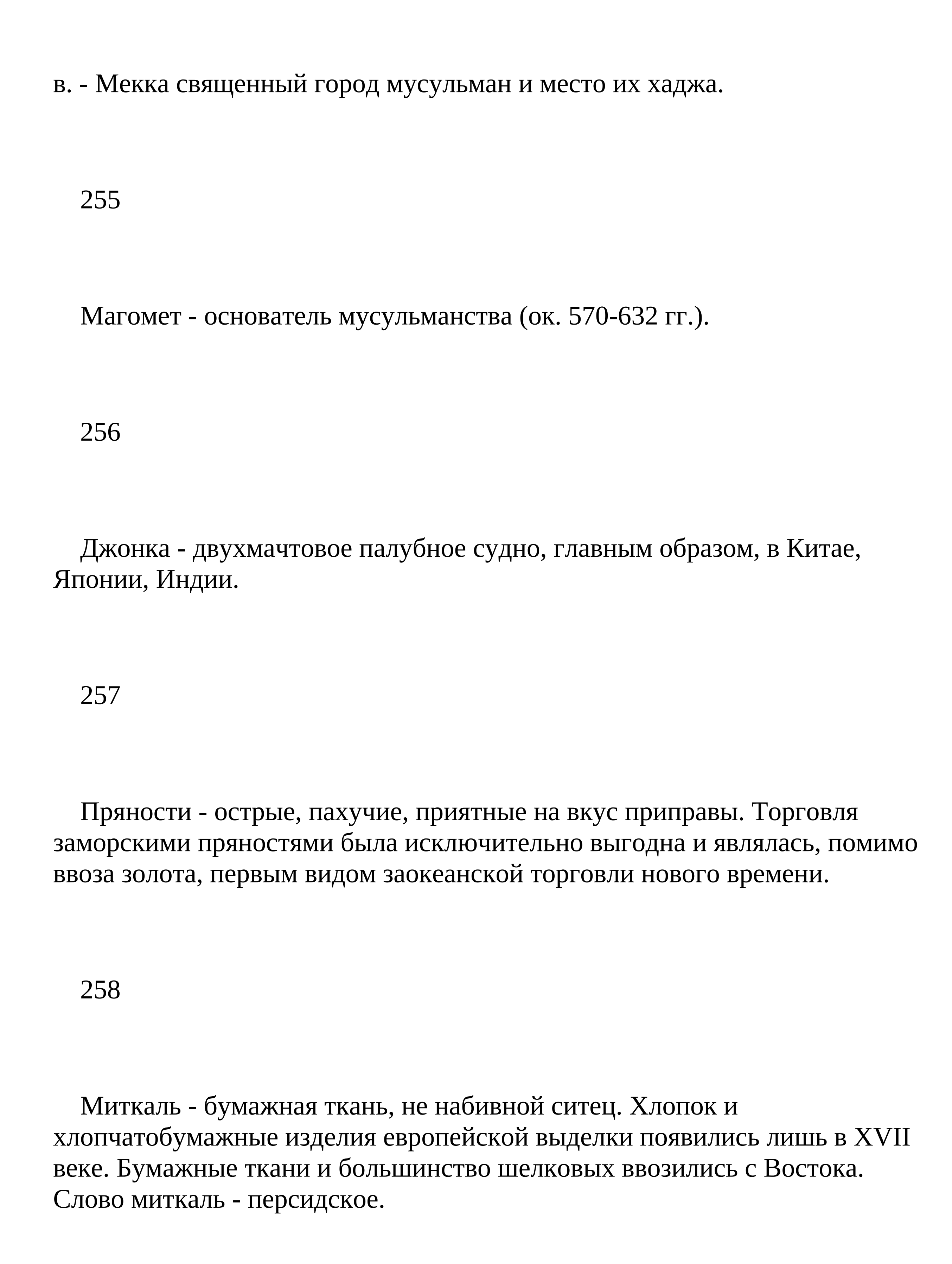
На побережье аравийского полуострова был расположен ряд крупных мусульманских торговых портов.

253

Остров Сокотра - на юге от Аравии.

254

Мекка - город в Аравии, куда ежегодно съезжаются мусульманские паломники. В нем родился основатель ислама Мухаммед (Магомет). С 7-го

в. - Мекка священный город мусульман и место их хаджа.

255

Магомет - основатель мусульманства (ок. 570-632 гг.).

256

Джонка - двухмачтовое палубное судно, главным образом, в Китае, Японии, Индии.

257

Пряности - острые, пахучие, приятные на вкус приправы. Торговля заморскими пряностями была исключительно выгодна и являлась, помимо ввоза золота, первым видом заокеанской торговли нового времени.

258

Миткаль - бумажная ткань, не набивной ситец. Хлопок и хлопчатобумажные изделия европейской выделки появились лишь в XVII веке. Бумажные ткани и большинство шелковых ввозились с Востока. Слово миткаль - персидское.

259

Китайские, индийские и персидские шелковые ручные изделия славятся и сейчас.

260

Дукат (княжеская) - старинная серебряная, затем золотая итальянская монета.

261

Дофар - арабский порт.

262

Мыс Гвардафуй - крайняя северо-восточная точка Африки, выступающая в Аденский залив.

263

Штурман - корабельный офицер, ведавший ходом корабля и рулевым управлением.

264

Армяне фактически вели всю торговлю ближнего (отчасти и среднего) Востока с Европой. Армянские купеческие кварталы имелись не только в портах Средиземного моря, но и в Лондоне и Гамбурге.

265

Мангахелли - очевидно, залив Махаджамба.

266

Мыс святого Себастьяна - незначительный изгиб берега в Махаджамбе.

267

Тут явная ошибка в счете лет. Ошибка эта сознательная. Тем же обстоятельством объясняется и преувеличенная итоговая цифра.

268

В век своего расцвета пираты создавали иногда целые государства. Так, пиратская держава была, например, на островах Галаппагос (Черепашьих в Тихом океане, недалеко от Южной Америки), на Мадагаскаре в конце XVII и в начале XVIII века, разгромленная только в 20-х годах (одно время во главе поселения стоял известный пират Плаатэйн, превративший его в крупное торговое предприятие: объединил Мадагаскар под своей властью, торговал неграми, завел бухгалтерскую отчетность и т. д.), и ряд других.

269

Ссорами и расхождениями пиратов полны свидетельства участников и современников.

270

Великий Каир, или просто Каир - столица Египта, на Ниле.

271

Александрия (Скандерун по-арабски) - египетский порт в устье Нила, на Средиземном море. Основан в 332 году до нашей эры.

272

Джидда - аравийский порт на Красном море, связанный караванной

дорогой с Меккой.

273

Мыс Басса (вернее - Бас-эль-Хад) - западная оконечность Аравии, в Аравийском заливе.

274

Бакштаг - смоленая веревка, удерживающая стеньгу или брам-стеньгу. Попутный косой ветер (например, с юго-юго-востока, когда корабль идет на восток.)

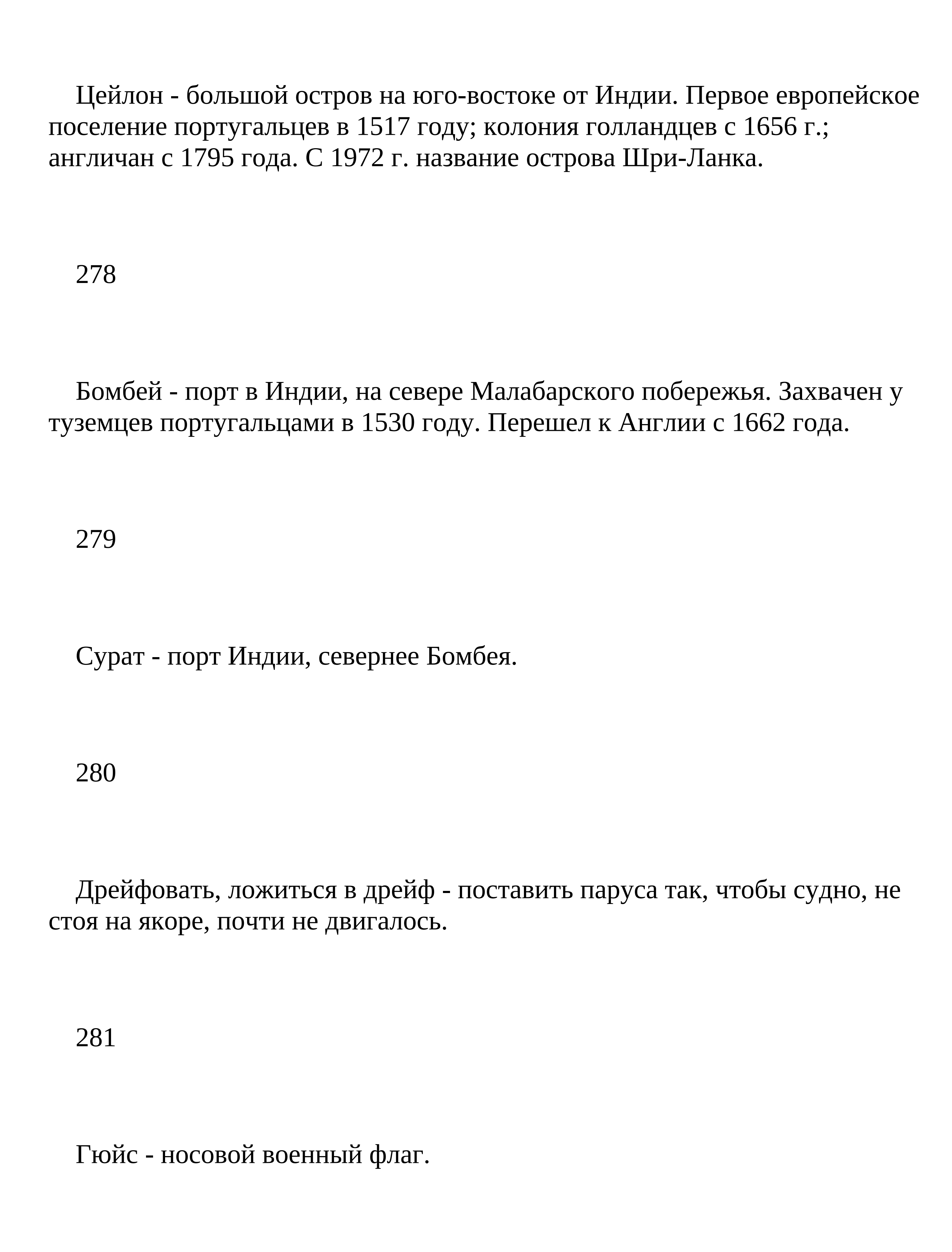
275

Мальдивы, или Маледивы (Болезненные, вредоносные) - группа островов на юго-юго-западе от Индии.

276

Мыс Коморин - южная оконечность Индии.

277

Цейлон - большой остров на юго-востоке от Индии. Первое европейское поселение португальцев в 1517 году; колония голландцев с 1656 г.; англичан с 1795 года. С 1972 г. название острова Шри-Ланка.

278

Бомбей - порт в Индии, на севере Малабарского побережья. Захвачен у туземцев португальцами в 1530 году. Перешел к Англии с 1662 года.

279

Сурат - порт Индии, севернее Бомбея.

280

Дрейфовать, ложиться в дрейф - поставить паруса так, чтобы судно, не стоя на якоре, почти не двигалось.

281

Гюйс - носовой военный флаг.

282

Пиратский флаг бывал либо черным с белым черепом над двумя скрещенными костями, либо кровавый (кормовой флаг). Он назывался “Весельчак Роджерс” (jolly Rodgers).

283

Батавия - голландский порт и главный город голландских владений в Малайском архипелаге (между Азией и Австралией).

284

Ява - остров из группы так называемых Больших Зундских (Малайский Архипелаг). Находился в руках голландцев с 1610 г. В настоящее время территория Индонезии.

285

Малаккский пролив отделяет группу Больших Зундских островов от Малаккского полуострова на юге Азии.

286

Зундский пролив разделяет Большие Зундские острова.

287

Тали - веревка на двух блоках для подъема тяжестей.

288

Крамбалы - брусья по бокам бушприта для уборки якоря.

289

Найтовить - скреплять веревки.

290

Форт святого Давида - одна из английских крепостей на побережье Индии.

291

Голконда - сказочно богатый город в южной части Индии, разрушенный в 1687 г.

292

Муслин (от города Моссул, на Тигре) - прозрачная легкая ткань, хлопчатобумажная или шелковая.

293

Фуляр - легкая шелковая ткань.

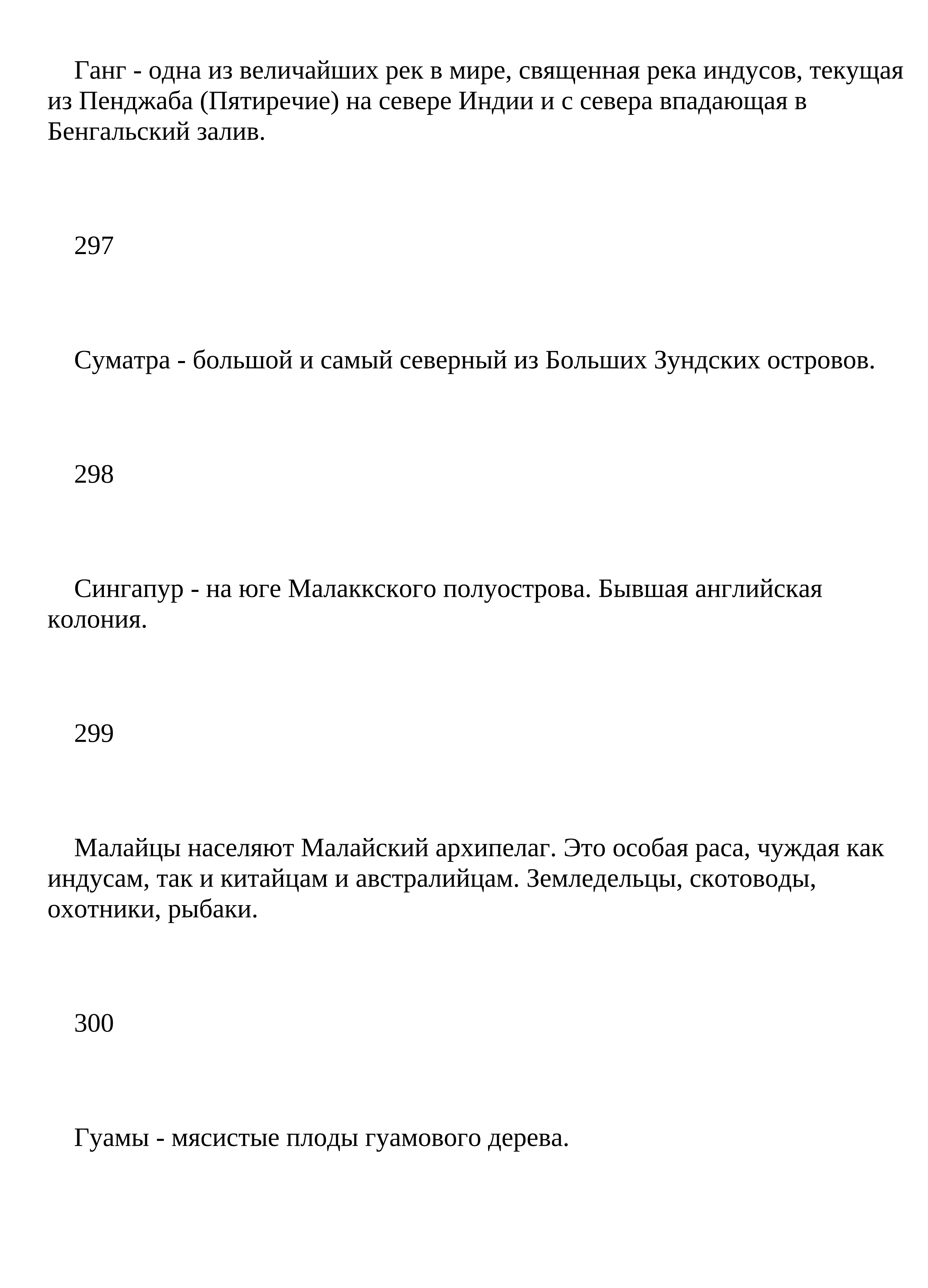
294

Ачин - малайское государство на острове Суматра.

295

Гугли - западный приток Ганга.

296

Ганг - одна из величайших рек в мире, священная река индусов, текущая из Пенджаба (Пятиречие) на севере Индии и с севера впадающая в Бенгальский залив.

297

Суматра - большой и самый северный из Больших Зундских островов.

298

Сингапур - на юге Малаккского полуострова. Бывшая английская колония.

299

Малайцы населяют Малайский архипелаг. Это особая раса, чуждая как индусам, так и китайцам и австралийцам. Земледельцы, скотоводы, охотники, рыбаки.

300

Гуамы - мясистые плоды гуамового дерева.

301

Голландские Пряные, или Молуккские острова - в Малайском архипелаге на северо-западе от Малых Зундских.

302

Филиппинские острова, или Филиппины - крайняя северо-восточная группа Малайского архипелага. Колония Испании, с 1898 г. - Соединенных Штатов. В 1946 г. США признали Филиппины суверенным государством.

303

Акапулько - порт в Мексике на Тихом океане.

304

Новая Испания - область на западе Мексики.

305

Мушкатный или мускатный орех - пряная приправа (плод дерева Myristica moschata).

306

Гвоздика, или гвоздичка - пряность (цветочная почка гвоздичного дерева Caryophyllus aromaticus); не смешивать с цветком гвоздикой (Lychnis Githago).

307

Банда - часть Молуккских островов.

308

Тернатэ - остров в группе Молуккских.

309

Даммер - несколько северо-западнее Тимора, в группе Малых Зундских островов.

310

Амбойна - остров в группе Молуккских.

311

Джилоло, или Галмагера - самый большой из Молуккских островов, расположенный несколько к северу от остальных.

312

В описываемых местах совершенно обычно нарушение фарватера (водного прохода). Дно усеяно камнями настолько, что даже тогдашние неглубоко сидящие суда часто натыкались на подводные скалы.

313

Ахтерштевень - вертикальный брус, служащий основанием кормы.

314

Не обшитые металлом подводные части корабля после долгих переходов обрастали разъедающими дерево ракушками и водорослями. Поэтому судно часто приходилось вытаскивать на берег и чистить (careen).

315

Остров Дюма - несколько к северу от Тимора.

316

Новая Гвинея - большой остров на востоке от Малайского архипелага и на севере от Австралии.

317

Минандао, или Минданао - самый южный из Филиппинских островов.

318

Манилья, или Манила - самый северный из Филиппинских островов.

319

Япония была в те времена закрытым для иноземцев мощным феодальным государством.

320

Формоза (Прекрасная) - остров у самых берегов Китая.

321

Лакония - Манилья.

322

Корица, или киннамон - пряность. Средняя кора коричного лавра (Cinnamomum).

323

Тонкин - северная часть Аннама (позднее французского Индокитая), на Тонкинском заливе, на востоке Азии, южнее Китая.

324

Это было вполне нормально. Так, например, знаменитый английский мореплаватель Виллиам Дэмпьир (1652-1715 гг.) был последовательно: пиратом, купцом, географом (исследовательская экспедиция на

правительственные средства) и лоцманом каперской (прим. 347) экспедиции.

325

Суперкарг (начальник груза) - доверенное лицо, приказчик, едущий на зафрахтованном (нанятом) корабле.

326

Очевидно, остров Ботель-Тобаго.

327

Нечестная торговля, равно как и неполновесная (подпиленная) монета были совершенно обыденными явлениями в те времена.

328

Байка - мягкая, толстая, ворсистая шерстяная ткань.

329

Северный полюс - воображаемая точка на севере земного шара. 90° северной широты.

330

Северо-Западный проход (через Атлантический океан и к северу от Америки) к Китаю и Индии был давней мечтой европейских купцов, так как обычный путь вокруг Африки (Суэцкий канал из Средиземного моря в Красное, сокращающий путь больше, чем вдвое, был открыт для навигации лишь в 1869 г.) был очень долог. На розысках этого пути, между прочим, погиб великий английский мореплаватель сэр Генри Гудзон, описавший в 1610 году и назвавший Гудзонов пролив и залив (в нынешней Канаде).

331

Новая Голландия - часть северного австралийского побережья, которую тогда считали островом.

332

Дефо описывает неизвестные в его время области.

333

Тогдашние карты состояли на добрую половину из белых мест (неизвестные области). В. Дэмпьир, будучи лоцманом, ошибся в положении островов Галаппагос, находясь от них в 100 километрах, на 200 без малого километров, что отнюдь не подорвало веры в его познания и т. п. (см. прим. 58).

334

Австралия в то время была только открыта, но еще не изучена; предполагали, что к югу от Новой Гвинеи тянется материк.

335

Греческий огонь - горючий состав, который не тух от воды (очевидно, туда входила нефть).

336

Вот современный Дефо рецепт смрадного горшка (Stink-pot). “Возьми 10 фунтов пороха, 6 - корабельной смолы, 20 - дегтю, 8 - селитры, 4 - серы. Мешай на медленном огне и, когда они хорошо смешаются, прибавь 2 ф. угольной пыла, 6 - толченых лошадиных копыт, 3 - асафетиды, 11 - сагапена, 1 1/2 - спатулы фетиды, - все это хорошенько смешай и опусти в состав льняные и шерстяные нити или коноплю, или пеньку, столько, чтобы весь состав впитался бы. А из этого сделай шары или мячи, какой хочешь величины. Такой шар или мяч будет отравляющ или ядовит, если прибавить вещи, вроде ртути, мышьяка, киновари и т. д.” (Норвуд “Искусство мореплавания”. 1692 г.).

337

Манго - плодовое дерево из семейства анакардиевых.

338

Кровавый флаг на верхушке грот-мачты обозначал решение не принимать и не давать пощады.

339

Бантам - город (и королевство) на острове Ява.

340

Арак - рисовая водка.

341

Бушель - мера емкости в 8 галлонов.

342

Каперами (захватчиками) или приватирами (частниками) назывались частные, вооруженные, обычно купцами, суда (партизанские) какой-нибудь державы, все участие которых в войне выражалось в том, что они грабили вражеские торговые корабли, иногда нападала на военные и только изредка принимали участие в боях.

343

Нарушение монополизма торговли рассматривалось монополистическими торговыми компаниями, как преступление более тяжкое, чем убийство и даже чем пиратство.

344

Маргаон - городок на Сальсате.

345

Сальсат - остров в Оманском море, несколько севернее Бомбея.

346

Планшир - верхняя часть связи ребер корабля.

347

Яхта - небольшое быстроходное судно.

348

Шпринтов - шест, прикрепленный к низу мачты и внешнему верхнему углу паруса. При поставленном парусе шпринтов растягивает его.

349

Макао - португальский порт в Китае, западнее Гонконга.

350

Бассора, Бальсара, Басра - порт в Персидском заливе, на слиянии Тигра и Евфрата.

351

Гомбрун - на юго-востоке Аравии.

352

Через Сирию, Месопотамию и Палестину (в передней Азии) ходили регулярные караваны верблюдов, возя товары и паломников.

353

Персия вела торговлю коврами, шелками, фруктами и т. д.

354

Реформадо - доброволец в офицерском чине, но без подчиненных рядовых.

355

При легкости перехода из купцов в пираты и наоборот, такие поступки были обыденным явлением.

356

Агра - основана в 1632 г. в северо-западной части Индии. Столица Великого Могола - Дели.

357

Великая Река (Шад) - слияние Тигра (на востоке) и Евфрата (на западе) - впадает в Персидский залив. Междуречная область называется Месопотамией; при надлежащем орошении это одна из плодороднейших областей земного шара (хлопок, фрукты и т. д.).

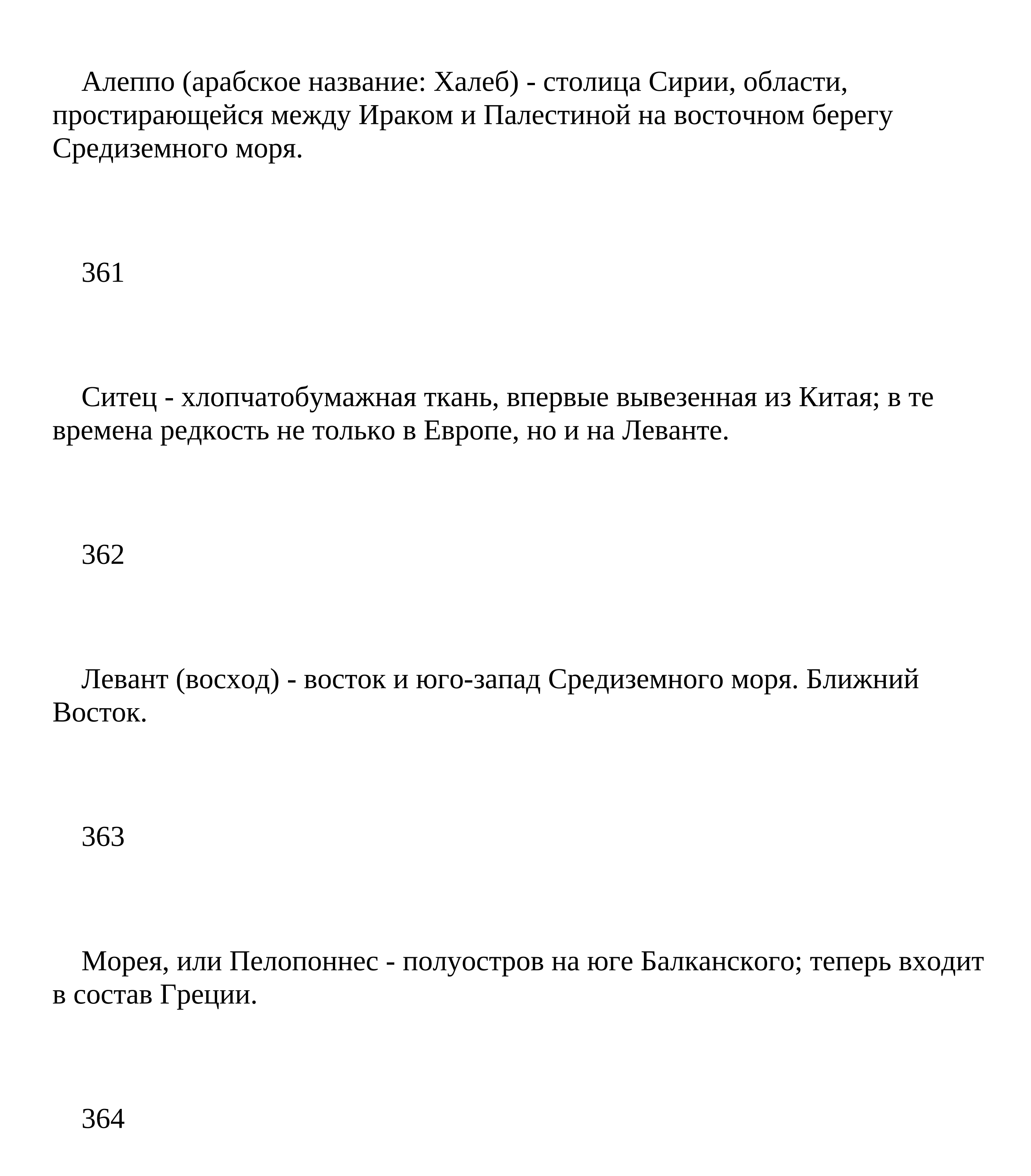
358

Багдад - столица Ирака.

359

Вавилон - разрушенная в IV веке до нашей эры столица древнего Вавилонского, или Халдейского царства на Евфрате; основана около 2230 г. до нашей эры.

360

Алеппо (арабское название: Халеб) - столица Сирии, области, простирающейся между Ираком и Палестиной на восточном берегу Средиземного моря.

361

Ситец - хлопчатобумажная ткань, впервые вывезенная из Китая; в те времена редкость не только в Европе, но и на Леванте.

362

Левант (восход) - восток и юго-запад Средиземного моря. Ближний Восток.

363

Морея, или Пелопоннес - полуостров на юге Балканского; теперь входит в состав Греции.

364

Венеция - итальянский порт на Венецианском заливе (на севере Адриатического моря, между Италией и Югославией). Независимое торговое княжество до 1797 года. Теперь в составе Итальянской республики.

365

Кипр - остров на северо-востоке Средиземного моря.

366

Испагань, или Исфагань - город в Персии. Кстати, имя, под которым скрывается Виллиам, совсем не армянское, а скорей греческое; но для тогдашней Западной Европы и Греция, и Армения были одинаково неведомыми и диковинными странами.

367

Минориз - район Лондона.

368

При отсутствии, как международной почтовой системы, так и банковской сети, денежные переводы производились пересылкой векселей на того или иного купца.

369

Неаполь - тогда столица Неаполитанского королевства (ИЗО-1799), порт на западе южной части Италии (на Тирренском море). Теперь в составе Итальянской республики.

370

Трощенный шелк - свитые шелковые нити.

371

Герцогство Миланское (на севере Аппенинского полуострова, на западе от Венеции) в описываемое время было полузависимым от Испании государством; теперь в составе Италии.

Title Info

genre: adv_geo

author: Даниэль Дефо

title: Жизнь и пиратские приключения славного капитана Сингльтона

Annotation

Имя Даниэля Дефо (1660-1731) заслуженно прославлено его известным романом “Робинзон Крузо”. Кроме этого романа, бесспорно принадлежащего к шедеврам мировой классики, Д. Дефо - автор множества других романов.

В настоящей книге представлен один из его менее известных романов. Жизнь и приключения Боба Сингльтона написаны ярко и увлекательно. Перед нами история человека, с юных лет скитавшегося по свету, бороздившего моря, пешком пересекшего Африку, много грешившего и, наконец, раскаявшегося.